

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Материалы конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, апрель 2018 г.)

Пермь 2018

УДК 80

ББК 1.1/2+83

П78

Проблемы филологии глазами молодых исследователей

П78 [Электронный ресурс]: материалы конф. студ., асп. и молодых ученых (г. Пермь, апрель 2018г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т Электрон. дан. – Пермь, 2018. – 1,5 Мб; 186 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2018.pdf. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7944-3217-6

В сборнике публикуются материалы докладов участников конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проведенной на базе филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 80

ББК 81.1/2+83

*Издается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственный за выпуск

Д. А. Сухоева

ISBN 978-5-7944-3217-6

©ПГНИУ, 2018

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'276.5

Елизавета Борисовна Астафьева

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

Liza_astafyeva@mail.ru

Научный руководитель:

Елена Валентиновна Ерофеева

д-р филол. наук, профессор кафедры

теоретического и прикладного языкознания (ПГНИУ)

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАЛОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЕ, ОТРАЖЕННЫЕ В ДИСКУРСЕ

Статья выполнена в рамках социалингвистического направления языкознания и направлена на изучение отражения в речи межличностных отношений в малой социальной группе. Материалом послужили спонтанные монологи членов исследуемой малой социальной группы общей продолжительностью 129 минут 28 секунд. Методика исследования включала в себя методы интервьюирования и трехмерного критического дискурс-анализа Нормана Фэркло. Результатом работы является ряд выделенных лингвистических способов выражения межличностных отношений в малой социальной группе.

Ключевые слова: язык, дискурс, малая социальная группа, институциональный дискурс

Члены социальной группы характеризуется рядом общих признаков, одним из которых может являться речь. Анализом социальных групп разного уровня занимается психология, социология, философия, социалингвистика и другие общественные науки. Исследование состояния внутреннего климата социальной группы в настоящее время является весьма востребованным, что обуславливает актуальность данного исследования.

Цель настоящей работы – проанализировать лингвистические способы выражения межличностных отношений в малой социальной группе. Для исследования была выбрана малая социальная группа студентов третьего курса Пермского государственного института культуры специальности «актер театра кукол». Выбранная для исследования социальная группа является малой социальной группой, **формальной** по способу образования (т.к. все информанты имеют статус студента ПГИК), **учебной** по роду деятельности (т.к. все информанты – студенты третьего курса факультета искусств), **временной** (т.к. ограничена сроком обучения) и, предположительно, представляет собой **коллектив**.

Находясь в течение трех лет в тесном контакте, члены группы приобрели общие особенности поведения, которые могут проявляться в дискурсе. Набор общих особенностей поведения зависит от многих факторов, таких как профессиональное образование, социальные группы, частью которых являются члены исследуемой малой социальной группы, внутреннее состояние группы и др. Предметом нашего анализа стало употребление лексем, отражающих межличностные отношения малой социальной группы «АТК-15».

Материалом исследования послужили спонтанные монологи каждого из студентов группы длительностью от 4.10 до 61.75 минут. Заданием было рассказать о курсе как коллективе и получаемой специальности. Данные спонтанные монологи можно рассматривать как часть профессионального дискурса.

В целом, дискурс рассматривается как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 137] или как реальное речевое событие, «речевая деятельность в данной сфере» [Дымарский 1997: 106] Наиболее полным определением дискурса может являться следующее: дискурс – «система коммуникации, имеющей реальное и потенциальное (виртуальное) измерение. В реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [Шейгал 2000: 11] Главным фактором объединения исследуемой нами малой социальной группы является получение профессионального образования по специальности актер театра кукол, соответственно, можно говорить о присутствии в материалах исследования признаков профессионального дискурса.

При анализе материалов было выделено, что все монологи информантов имеют похожую структуру. Данная структура состоит из следующих блоков:

1. Официальная характеристика курса (название, сколько поступало, сколько сейчас учится): */наш курс АТК-15/ э-э/ нас набирали 15 как раз таки человек или 16/ осталось всего 6/ (инф. 3); в пятнадцатом году я поступил в институт культуры/ а-а/ на факультет искусств/ кафедра «актерское искусство и режиссура» / специалитет «артист театра кукол»// (инф. 4); набиралось нас 15 человек если я не ошибаюсь/ да/ плюс пару человек приходили уходили/ сейчас нас осталось всего шестеро// (инф. 5).; /АТК-15/ 3 курс/ Пермский Государственный институт культуры// (инф. 6).*

2. Первая характеристика курса и профессии (положительная): */это очень интересное/ и-и/ интересная профессия/ достаточно/ ну/ дружный курс/ (инф. 2) /наш курс очень дружный/ очень сплоченный/ (инф.1). /и они у нас как бы и были/ теплые на первом курсе да очень хорошие они были/ когда нас ещё много было/ ну там/ чуть ли не каждый месяц не знаю/ куда-то ходили-и/ в общагу там по ночам/ с ребятами встречались/ через окно там пробирались/ (инф. 5).*

3. Особенности обучения кукольному искусству и современный театр (рассказывают про специальные предметы и про грани современного театра кукол): */это самое масштабное что я видел/ по городу идёт огромная кукла/ на огромном кране подвешенная// и у неё такая механика/ что краны несут её ноги по городу// и эта кукла в общем в определенный момент надевает акваланг/ и спускается в реку города/ это просто незабываемое зрелище/ ты вот смотришь и/ просто/ не знаю/ тебя переполняют эмоции удивления/ шока// ты не знаешь что сказать просто в этот момент// ну вот мы увидели это видео на первом курсе/ и это тоже театр кукол// (инф. 6) то здесь как бы как раз всё зиждется/ как раз на партнерском подхвате/ внимании// а-а/ то есть например там// кто-то ведет куклу/ другой человек должен в определенный момент там не знаю взять у него ручку или не знаю/ ну у куклы ручку/ и там ему подать// (инф.5) Ну/ единственное могу сказать что одиночкам в театре делать нечего в театре кукол потому что/ это-о/ это прежде всего коллектив/ потому что один ты не сделаешь/ потому что даже очень много кукол/ а/ управляются несколькими людьми и тут нужно чувствовать друг друга/ иметь единое сердцебиение чтобы кукла ожила потому что многие думают что взять куклу в руки и оживить это так легко/ но на самом деле когда кто-то берет куклу в руки это получается куклотрясение// (инф. 4) /когда ты учишься в театральном институте/ тебя обливают навозом чтобы ты цвёл/ ты работаешь в театре тебя обливают навозом чтобы ты вонял/ или что-то типа того короче вот// типа чтобы ты цвёл это прям да/ это познается/ (инф. 6).*

4. Реальная оценка курса (чаще негативная): */ну мы понятно ссоримся миримся/ ну больше ссоримся// (инф. 1) /ну как бы если/ по дееспособности/ то вообще 4 человека/ (инф. 5) Ну/ к сожалению/ наш курс сейчас очень малочисленный/ что довольно таки очень негативно сказывается/ потому что когда поступали на курс/ а-а/ никто целенаправленно практически не шёл на театр кукол/ (инф. 4) /а общение с ребятами/ мы// конечно/ у нас конфликты свои есть/ внутри курса/ и-и/ кто-то работает больше/ кто-то меньше/ кто-то хочет больше/ кто-то хочет меньше/ (инф. 3).*

5. Характеристика однокурсников и мастеров: */ну если как бы по конкретнее говорить// вот/ ну со всего курса пожалуй мы с Федей/ ну как-то теснее всех стали общаться/ там на вступительных сразу как-то с ним познакомились// (инф. 5) а здесь вот Дмитрий Сергеевич просто ищите логику/ во всём должна быть логика// и думаешь/ боже мой как это скушно// (инф. 1) мы как-то с ним и переписываемся/ с ним общаемся// Он всё время ставит новые спектакли/ мы стараемся где-нибудь там у него/ а можно на спектакль?/ можно посмотреть?/ потому что там вот вдохновение прямо рождается/ (инф. 1) Получается что/ ну не ощущаем мы того/ что у нас вот есть прям мастер/ который с нами занимается постоянно// мы его как бы вот как своего// не знаю/ как своего папашу ценим как бывает на других курсах// у нас вот эту роль как раз Елена Викторовна выполняет/ мама на курсе/ (инф. 5).*

6. Размышление о будущем: */не скажу что дальнейшую жизнь сто*

процентов с куклами свяжу// ну/ не знаю/ чем-нибудь таким заниматься всё равно буду веселым/ (инф. 5) / если честно не знаю с чем будет связано моё будущее/ вообще// но-о/ я точно знаю что театр кукол во мне оставит огромный след/ ну еще в чем плюс нашей профессии/ сейчас драматических актеров очень много/ им некуда податься/ а артистов театра кукол их очень мало/ и они востребованы абсолютно везде/ (инф. 4).

Часть монологов дополнена лирическими отступлениями от темы – размышлениями о прошлом, причинах такого исхода обстоятельств, традициях, режиме дня и т.п. Многие информанты дают оценку своему поведению на курсе или пытаются объяснить, почему у них складывается такое мнение об остальной части курса.

Интересно, что тексты молодых людей конкретнее, они детально характеризуют взаимоотношения с одноклассниками и педагогами, красочно описывают специфику работы артиста театра кукол, подробно рассказывают о тенденциях развития театра кукол, выступают ярыми противниками определения «кукольный театр», задумываются о перспективах работы. Тексты девушек меньше по объему и объективнее, преимущественно акцент делается на общеизвестных характеристиках специфики работы кукольника, перечислении базового набора специальных предметов; в текстах девушек количество субъектов речи ограничено, они избегают критических оценок действий других людей. Во всех текстах есть элемент диалогизации, с помощью которого информант старается расположить слушателя к себе и провести успешную профессиональную самопрезентацию.

Все оценки в текстах выражены глаголами и местоимениями первого лица единственного числа, а все особенности работы описаны глаголами и местоимениями первого лица множественного числа. Таким образом, отсутствует отстранение информанта от социальной группы. Глаголами третьего лица описываются общие показатели специфики работы театра кукол или новые тенденции в развитии театра.

Исходя из высказываний анализа монологов информантов можно выделить такой признак профессионального дискурса, как «профессиональная оценка». Для информантов крайне важной оказывается верная формулировка названия кукол. Театралы называют театр только «театром кукол» и крайне негативно реагируют на привычное для обывателей название «кукольный театр». Неприемлемым также кажется информантам стереотипное представление о том, что театр кукол – это детский театр. Возможно, это представление связано с репертуаром, который держался многие годы в театре кукол. Сейчас же появилось множество технологий и механизмов, которые позволяют сделать театр кукол интересным для всех возрастов. Оценка стереотипных представлений о театре и его названии выражается достаточно резко: *кукольный театр это когда дети играют в барби и делают/ бе-бе/ бе-бе/ и вот как бы/ и получается кукольный театр/ да?// а вот когда в театре кукол как бы мастерят// там в течении/ какого-либо/ временного отрезка-а// кукол*

различных систем/ вообще/ синтетических кукол/ куклы-маски/ всё что угодно (инф. 6).

Кроме того, как в любом профессиональном дискурсе, в монологах используются профессионализмы (причем всех частей речи). Общий список выделенных профессиональных слов насчитывает около 100 примеров, что позволяет судить о сформированном профессиональном лексическом поле.

Среди **глаголов** самыми частотными оказались следующие: *играть* (+*переиграть*, *сыграть*) (14), *заложить* (подтекст) (7), *оживлять* (+*оживить*) (5), *вести* (=управлять куклой) (4). Частотные профессиональные глаголы связаны со спецификой работы артиста театра кукол (работа на сцене и работа с куклой).

Среди **существительных** самые частотные профессионализмы: *кукла* (*куколка*) (86), *этюд* (18), *спектакль* (18), *зал* (=зрительный зал) (16), *мастер* (=руководитель курса) (16), *работа* (=материал, который ставят) (16), *руки* (=инструмент) (13), *режиссер* (9). Все существительные обозначают особенности работы студентов (рабочие моменты и пробы на сцене).

Самые частотные **устойчивые сочетания**: *театр кукол* (34), *тростевая кукла* (11), *режиссерская концепция* (5), *театр теней* (+*теневые переходы*) (5), *драматический актер* (5). Самое распространенное устойчивое сочетание связано со спецификой работы и встречается во всех текстах, остальные же словосочетания варьируются и используются выборочно.

Высказывания информантов об обучении и внутреннем климате были разделены на три группы: нейтральные (13), положительные (24) и отрицательные (32) реакции. В речи каждого информанта преобладают негативные реакции, которые относятся к описанию взаимоотношений, положительные же реакции чаще описывают особенности работы в рамках обучения на специальности артист театра кукол.

Несмотря на преимущество отрицательных реакций, информанты называют свою малую социальную группу коллективом (присутствуют размышления, можно ли назвать группу коллективом) и четко понимают необходимость командной работы на сценической площадке. Каждый видит причину сложившейся ситуации в стечении обстоятельств и поведении других, но не отрицает свое участие в конфликте (информанты используют для описания конструкции первого лица множественного лица).

Таким образом, анализ спонтанных монологов информантов показывает, что их можно считать разновидностью профессионального дискурса. Рассмотрение лингвистических особенностей данного дискурса позволило определить характер межличностных отношений в исследуемой малой социальной группе как неустойчивый: в группе доминирует негативная оценка отношений, которая, тем не менее, не выступает препятствием при командной работе, т.е. профессиональные отношения в иерархии отношений оказываются выше межличностных. Выяснилось, что для описания взаимоотношений с людьми, которые оказывают влияние на жизнь информанта, используются глаголы, так как внимание уделяется процессам, происходящим в жизни; если

же человек не оказывает прямого влияния на жизнь информанта, то для его описания используются именные конструкции, так как большее внимание уделяется качествам объекта, а не совместным действиям.

Библиографический список

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // БЭС: Языкознание / гл. ред. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1990.
- Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010. 600 с.
- Донцов А.И. Психология коллектива: Методологические проблемы исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омск. Гос. Ун-т, 1999. 285 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов-н/Д.: ФЕНИКС, 1998.
- Куликова Г.С. О влиянии профессии на речь актеров // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. Вып. 27: Человек и текст. С. 103-110.
- Сарна А.Я. Дискурс-анализ. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя редакция: 16.03.2018). [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7232> (дата обращения: 04.05.18)
- Современная западная социология: словарь М., 1990.432 с.
- Социологический энциклопедический словарь. М., 1998
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 386с.
- Философия: Энциклопедический словарь / под редакцией А.А. Ивина М.: Гардарики, 2004. //URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/337/ДИСКУРС (дата обращения: 04.05.18)

E.B. Astafyeva

Student of Philological Faculty

Perm State University

INTERGOVERNMENTAL RELATIONS IN THE SMALL SOCIAL GROUP, REFLECTED IN DISCOURSE

This article is written within sociolinguistic branch of the linguistics and is aimed of studying the reflection of interpersonal relations within a small social group in speech. Spontaneous monologues of the members of the studied small social group during 129 minutes 28 seconds have served as the research base. The methods of the research included the methods of interviewing three-dimensional critical discourse analysis by Norman Fairclough. The result of the work is some marked linguistic ways of expressing interpersonal relations within a small social group.

Key words: language, discourse, small social group, institutional discourse

УДК 81'42

Ксения Дмитриевна Десяткова

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

KsenyaDesyatкова@yandex.ru

Научный руководитель:

Тамара Ивановна Ерофеева

д-р филол. наук, профессор кафедры

теоретического и прикладного языкознания (ПГНИУ)

АНЕКДОТ КАК ЖАНР ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается соотношение анекдота и прецедентного текста с разных сторон: с точки зрения жанра, структуры, стилистических и лингвокультурологических особенностей. На основе собранного материала представлена классификация средств прецедентного текста, отраженных в анекдоте.

Ключевые слова: анекдот, прецедентный текст, речевой жанр, литературный жанр.

Точного и единственного определения понятия анекдот нет. Но у разных исследователей, таких как А.Д. Шмелев, И.В. Чистякова, А.Л. Буркин, мы обнаруживаем некоторые сходства в толковании. Почти все они определяют **анекдот** как речевой жанр, берущий свои истоки в фольклоре и заимствующий некоторые характерные для него черты, но при этом не теряющий и художественных, в котором участвуют персонажи, известные всем носителям русского языка. Объем текста сравнительно небольшой. Чаще всего анекдоту свойственно неожиданное смысловое разрешение в самом конце, которое и рождает смех. Это может представлять собой языковую игру или ассоциацию, которые требуют знание более широкого контекста: литературного, социального, исторического и т.д. Несомненно, данный тип текстов неоднократно становился предметом исследования лингвистов.

Мы рассмотрели анекдот с различных сторон: с точки зрения жанра, структуры, стилистических и лингвокультурологических особенностей. Кроме того, проанализировано 300 единиц данного жанра. Выявлены следующие свойства анекдота.

1. Анекдот – особая лингвокультурологическая единица, отражающая русскую языковую и национальную культуру.

1.1. В анекдотах обнаруживаются устойчивые языковые единицы: типичные языковые конструкции (фразы), использующиеся в определенных

ситуациях, фразы, характерные для определенных жанров и фразы, хранящиеся в общественном сознании, которые «знают все».

1) 10 из 300 текстов.

Ночью, двое: Это луна или солнце? – Не знаю, я не местный.

– Пойдем, покурим. – Не курю, боксер. – Ну, тогда пойдем, побоксируем.

2) 15 из 300 текстов.

Наверное, только у нас сказка, заканчивающаяся словами «умерли в один день» – это сказка с хорошим концом.

Сын просит папу-программиста рассказать на ночь сказку. Тот рассказывает:

– Жил-был на свете мужик. Купил он себе навороченный комп: с мощным процессором, видюхой, огромным монитором и колонками. Купил себе кучу лицензионных программ...

– Папа, а как это – «лицензионных программ»?

– Спи, сынок, я же говорю – это СКАЗКА.

3) 12 из 300 текстов.

Два человека выходят на улицу: Какая ужасная погода, снег с дождем!

– Не говори, что хотят, то и творят...

Жена: Я у тебя как Золушка – стираю, убираю, готовлю...

Муж в ответ: Я же тебе говорил, выйдешь за меня – жить будешь как в сказке!

1.2. Как отражение национальной картины мира выступают гадания, предсказания, приметы, обнаруженные в текстах.

14 из 300 текстов.

«Ласточки на проводах к дождю»

На телефонных проводах сидят две ласточки. Одна говорит другой:

– Что-то люди на нас часто поглядывают. Наверное, дождь будет!

«Не узнал – богатым будешь»

– О. Привет!

– Представляешь, я тебя еще издали узнал. Бедным будешь.

1.3. Проявлением русской национальной картины становятся имена, названия и строчки из русских сказок, произведений литературы и кинематографа, песен, имена известных личностей.

45 из 300 текстов.

Слова песни из «Бременских музыкантов»: нам любые дороги дороги... Водители грузовиков теперь понимают буквально.

– Смотрел уже фильм «Ной», понравилось? – Не очень, книга лучше.

Если бы тебя увидел Достоевский, он бы написал «Идиот» не за 2 года, а за 2 дня.

Закончив очередной сеанс связи, Штирлиц попрыгал босыми ногами по панели рации.

– Пусть теперь люди Мюллера поищут человека с такими отпечатками пальцев! – злорадно подумал советский разведчик...

Колобок выходит из бани и говорит:

– Тьфу ты черт, голову забыл помыть.

Уже шестой раз воры выносили из музея «Квадрат» Малевича, и шестой раз скромный сторож Петрович успевал его восстановить к открытию.

2. В различных социальных группах функционируют различные специфические для них тексты.

Это проявляется в использовании профессионализмов, жаргонных выражений, локальных текстов, прозвищах, данных человеку в связи с его трудовой деятельностью. Нужно отметить, было обнаружено небольшое количество подобных примеров, что объясняется их локальным функционированием, найти их в общедоступной базе довольно трудно. Хотя это и представляет большой интерес с точки зрения социолингвистики и может стать отдельным предметом изучения.

7 из 300 текстов.

«Отряд, стой! Раз, два» а – фраза, характерная для военнослужащих, отражена в следующем примере:

Идет по пыльной дороге ежик. За ним–еще много ежиков. Главный командует: "Отряд! Стой! Раз-два!". Встали. Главный, подумав: "Отряд! Пастись!". Все разбрелись по полю, травку жуют. Главный, гордо оглядываясь: "Ну, чем не мустанги?!"

Лексика, характерна для программистов: *видюха, процессор, лицензионные программы, комп* была представлена в анекдоте ранее.

3. Закрепленная, узнаваемая структура, определенный набор ситуаций, персонажей.

Данные свойства является одними из важнейших для анекдота, именно это сближает его во многом с прецедентным текстом.

1) персонажи: различные национальности, животные (корова, заяц, крокодил, еж, бегемот, ворона), муж и жена, городской и сельский жители, представители различных поколений, рыбак или охотник и др.;

2) ситуации: городской приезжает в поселок или наоборот, сдача экзамена, разговор врача и пациента, съезд каких-либо групп, разговор двух приятелей (приятельниц), встреча людей различных национальностей и др.;

3) закрепленная структура:

Часто встречаются анекдоты с одним сюжетом, но разными персонажами; это создает условия для вариативности и активной творческой деятельности, кроме того делает анекдот отличным от других жанров и узнаваемым.

Например:

Летят два кирпича. – Друг, а ты куда летишь? – А мне все равно, лишь бы человек хороший попался.

Летят два кирпича, старый и молодой, и разговаривают. – Давай упадем на кого-нибудь. – Так ведь нет никого. – Смотри, вон бригадир идет! – Так он в каске. – Ну и что, смотри. Петровиич! Бригадир поднимает голову: Ну, чего вам!

4. Высокая плотность текста, языковая игра.

В основном языковая игра представляет собой каламбур или же игру с прецедентными фразами.

40 из 300 текстов.

Два привидения гуляют по замку. Вдруг где-то скрипнула половица, и одно привидение в страхе прижалось к другому. – Ты что, веришь в эти сказки про живых? – спросило его привидение. Игра с фразой «сказки про мертвых», перевернутая ситуация.

Две кнопки решили приколоться. Одна приколотась, а у второй облом. Каламбур, возникающий из-за многозначности слова «приколоться». Первое значение: воткнуться куда-либо острием. Второе значение: посмеяться, дружески подшутить над кем-либо, чем-либо (жаргонное) [Большой толковый словарь русского языка 2000].

На основе полученных данных была составлена классификация средств прецедентного текста, используемых в анекдоте.

Затем были сопоставлены свойства и характеристики анекдота и прецедентного текста, полученные в рамках проведенного исследования и анализа литературы по данной теме, вследствие чего, было обнаружено, что почти по всем критериям явления сходны. Это:

- общедоступность для понимания представителей русской языковой и национальной культуры, сверхличность текста;
- особые лингвокультурогические единицы, отражающие тип языковой культуры, позволяющие личности разделить окружение на «своих-чужих»;
- внутри одного национальноязыкового образования выделяются группы по сфере деятельности, по возрасту и другим критериям, которые имеют свои тексты, недоступные для понимания других;
- обладают закрепленной, узнаваемой структурой;
- определенный набор узнаваемых лиц (и персонажей в анекдоте) и ситуаций;
- цельность и законченность высказывания;
- высокая плотность текста и возможности для языковой игры во взаимодействии с другими текстами.

Таким образом, анекдот и прецедентный текст это не только собственно языковые, но и психолингвистические, и социокультурные явления.

Однако есть одно очень важное различие между прецедентным текстом и анекдотом. Это их специфика: прецедентный текст – языковое явление, свойство текста, а анекдот – жанр. Отсюда и меньший набор коммуникативных задач, решаемый с помощью анекдота. Анекдот решает лишь одну коммуникативную задачу – это смех, проявление комического, но цели преследуются различные, например: наладить контакт, снять напряжение, разрядить обстановку и другие. В свою очередь прецедентный текст решает целый спектр коммуникативных задач. Неудивительно, что он стал одним из главных инструментов постмодернистской культуры. Еще одна особенность анекдота – это использование прецедентных текстов, что указывает на некоторую различность этих явлений с одной стороны, но с другой стороны подтверждает следующую гипотезу. Прецедентный текст – это очень широкое явление, которое включает в себя множество языковых единиц, в то время как анекдот, обладая многими свойствами и характеристиками данного явления, является жанром прецедентного текста. Как и любой текст, прецедентный текст имеет свои жанры, он является совокупностью, набором жанров, и одним из таких является анекдот.

Библиографический список

Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // URL: <http://rykovodstvo.ru/exspl/48552/index.html> (дата обращения: 14.12.2017).

Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 2. С. 5-12

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 1198 с.

Тулина Е.В. Анекдот как прецедентный текст // Лингводидактические парадигмы и лингводидактика: материалы XМеждунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Иркутск, 2005. С. 442-446.

Хазанов Г.Б. Сборник анекдотов под ред. Г.Б. Хазанова. URL: http://www.knigitxt.com/preview/sbornik_anekdotov_pod_red_gb_hazanova_v_txt_formate_8.html (дата обращения: 06.06.2018).

Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 145 с.

K.D. Desyatkova

Student of Philological Faculty

Perm State University

ANECDOTE IS AS A GENRE OF PRECEDENT TEXT

The article describes the interrelation between anecdote and precedent text from different sides: from the point of view of genre, structure, stylistic and linguo-cultural characteristics. The classification of the means of the precedent text reflected in the anecdote is presented on the basis of the collected material.

Key words: anecdote, precedent text, literary genres, speech genres.

УДК 81'44

Анна Михайловна Исакова

студент филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
anna.isakova.1998@mail.ru

Научный руководитель:

Тамара Ивановна Ерофеева

д-р филол. наук, профессор кафедры
теоретического и прикладного языкознания (ПГНИУ)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ АНЕКДОТА

В статье рассмотрено функционирование механизмов языковой игры в текстах анекдотов. Устанавливается, что языковая игра является не только средством усиления выразительности текста, но и представляет собой структурообразующий элемент высказывания. Материалом для изучения послужили короткие смешные рассказы о вымышленных событиях из «Сборника под редакцией Г.Б. Хазанова».

Ключевые слова: анекдот, языковая игра, механизм, жанр, речетворчество.

В рамках социолингвистического подхода проблема языкового творчества предстает как соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности, что обусловлено специальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц [Ерофеева 2016: 59].

Выделим основные особенности языковой игры (ЯИ):

- 1) представляет собой неканоническое употребление языка, позволяющее говорящему реализовать способность к речетворчеству и выделить себя как языковую личность;
- 2) отражает лингвокреативное мышление имядателей – то есть такое, при котором «человек, используя различные ассоциативные связи и потенциал языковых единиц, отступает от стандартов» [Гридина 1996: 23];
- 3) является лингвистическим приемом, позволяющим добиться «максимальной компрессии смысла», позволяет за короткий контакт дать наибольшее количество информации [Михайлюкова 2017: 232];
- 4) указывает на важность адресата как субъекта, обладающего лингвокреативным мышлением;
- 5) интерпретируется как продукт интеллектуальной деятельности, зависящий от уровня интеллекта как творца ЯИ, так и ее адресата;
- 6) обладает оригинальностью и неповторимостью, чтобы привлечь внимание адресата, оказать на него наиболее яркое впечатление.

Стоит отметить, что дешифровка смысла, вносимого ЯИ, не должна занимать много времени и усилий. Текст должен быть понятен реципиенту, иначе заложенная концепция останется непонятой, произойдет отторжение смысла.

Выбранный жанр анекдота является ярким феноменом в языковых исследованиях. Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев определяют анекдот как короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка [Шмелев 2002: 20].

Анекдот – уникальный, продуктивный жанр в современной культуре, одним из основных механизмов создания которого является языковая игра. Т.А. Гридина в работе «Языковая игра: стереотип и творчество» выделяет следующие лингвистические механизмы:

1) механизмы порождения слова (важнейшим механизмом такого рода является мотивация связи между планами содержания и выражения знака);

2) механизмы употребления слова (лексическая актуализация, предполагающая реализацию определенного аспекта формально-содержательной структуры слова в коммуникативном акте);

3) механизмы формально-семантического варьирования (разнообразные виды изменения объема лексического значения: расширение, сужение, переосмысление метафорического и функционального типов, изменения в морфодеривационной структуре слов) [Гридина 1996: 7].

На материале «Сборника анекдотов под редакцией Г.Б. Хазанова» докажем, что приведенные лингвистические механизмы при уместном употреблении способны служить основой построения анекдота.

Наиболее частотными оказались механизмы употребления слова. Рассмотрим некоторые примеры.

Две кнопки решили приколоться. Одна прикололась, а у второй облом.

В данном анекдоте комический эффект достигается использованием омонимичности лексического значения слов: *приколоться* (1. Остричь, шутить; 2. Присоединиться к чему-либо), *облом* (1. Неудача; 2. Состояние по глаголу обломиться-обламываться) [Ожегов 1984: 367]. Происходит лексическая актуализация языковых единиц в определенном контексте.

Интересный случай использования омонимии находим в следующем анекдоте: *Сопля перед зеркалом прихорашивается, челку завил, губы накрасила. Нос у нее спрашивает:– Ты куда собралась?– На дискотеку. / Нос, шмыгнув: – Никуда не пойдешь! Слово сопля толкуется не только с физиологической точки зрения (слизь, выделившаяся из одной ноздри), но и с точки зрения житейского опыта, когда подобным словом называют детей младшего возраста из-за недостаточно сформированных навыков личной гигиены (маленький, значит сопливый). Слово «нос» указывает на старшего, авторитетного человека.*

Два привидения гуляют по замку. Вдруг где-то скрипнула половица, и одно привидение в страхе прижалось к другому. «Ты что, веришь в эти сказки про живых?» – спросило его привидение. В анекдоте комический эффект создается за счет употребления контекстных антонимов: по аналогии с антонимичной парой *живой – мертвый* используется уместная только в данном коммуникативном акте пара *живой – привидение*.

– Мама, мама! Почтовый ящик газету кушает! / – За какое число? / – За шестое. / – Ну и пусть кушает, сегодня десятое. Ребенок в приведенном анекдоте, произнося слово *кушает*, одушевляет, уподобляет живому существу почтовый ящик. Таким образом, отверстие ящика напоминает рот, внутри которого помещена газета, т.е. еда. Данный пример подтверждает важность субъекта, обладающего лингвокреативным мышлением.

– Который сейчас час? / – Вась, живи проще!.. Эффект смеха вызывает несоответствие установленной литературной нормой фразы *который час* речевой ситуации, на которую указывает просторечная форма обращения *Вась*.

Подобный случай несоответствия фразы коммуникативной ситуации находим в следующем анекдоте. *Пожилый господин проходит мимо моста и слышит, как из реки раздается крик: «Помогите! Помогите! Спасите меня!»* *Пожилый господин наклоняется к перилам моста и сердито произносит: «Надо кричать: «Спасите меня, пожалуйста!».* В данном случае неуместно требование пожилого господина использовать в критической ситуации формулу вежливости.

– Ты слышишь, как жасмин пахнет? / – Слышу, слышу, не глухая. В анекдоте происходит лексическая актуализация слова *слышать*, в значении 'чувствовать'.

Далее рассмотрим примеры функционирования механизма формально-семантического варьирования.

Упала вилка на пол и как начала валяться. Анекдот основан на переосмыслении функционального типа значения слова *валяться*, так как это слово многозначно. *Валяться* – не только 'небрежно лежать', но и 'ворочаться с боку на бок'. Используется прием одушевления по отношению к столовому прибору, вилке.

«Урна, которую вы видите, содержит пепел фараона», – говорит экскурсовод. / – Вот уж не думал, что фараон был таким заядлым курильщиком! Пример демонстрирует расширение объема лексического значения слова *пепел*, трактуемого и в значении 'прах' и в значении 'пылевидная масса, остающаяся при курении'.

Встречаются два старых приятеля: / – Ну, как живешь, где работаешь? / – Да во внутренних органах... / – Что, в милиции? / – Нет, в морге... Комизм создается за счет многозначности используемого сочетания *внутренние органы* (1. Внутренности человека, обеспечивающие функционирование наиболее важных систем организма; 2. Органы исполнительной власти, часть правоохранительной системы) [Ожегов 1984: 76].

Жена вяжет мужу свитер и говорит: «У тебя такой теплый свитер будет, что ты в нем запаришься». /—А откуда ты знаешь? Ты ведь его только начала. /—Так я уже упарилась! Варьирование происходит на основе прямого и переносного значения слова. Прямое значение слов *запариться*, *упариться* в контексте данного анекдота – ‘покрыться потом’, переносное – ‘сильно устать от работы’.

Обратимся к примеру, иллюстрирующему механизм порождения слова.

Летят две вороны на дозвуковой скорости: /— Стена! /— Вижу. / Шмяк-шмяк. / Летят две вороны на сверхзвуковой скорости: /— Стена! /— Шмяк. /— Вижу. /— Шмяк. / Летят две вороны на гиперзвуковой скорости: /— Шмяк-шмяк. /— Вижу. /— Стена! В приведенном анекдоте глагол, обозначающий действие ‘разбиться обо что-то’, заменяется на междометие *шмяк*, передающее звуковую ассоциацию с этим действием. Возникает новое слово, содержащее максимальную компрессию смысла, способное привлечь внимание адресата.

Помимо предложенных Т.А. Гридиной механизмов реализации языковой игры в ходе работы были обнаружены также следующие лингвистические механизмы:

1) механизм включения иноязычных слов (контекстов).

Звонок в российское консульство: /—Who are you? / Там отвечают: /—Who я? Я консул, а who you?

Мужчина приходит в фирму устраиваться на работу. У него спрашивают: /—Сколько знаете языков? / — Три. /— А какие? /— Русский, английский, французский. /— Ну скажите что-нибудь на английском. /— Guten tag. /— Это же немецкий! /— Ну, значит четыре...

Студент решил блеснуть знанием английского языка. Заходит в столовую и говорит: «Кофе инд. булочка. Ничего, что я по-английски?»

2) механизм нарушения синтаксической связи (различные отклонения от норм строения и функционального взаимодействия слов в предложении).

— Чем вы лечите блох у своего пса? /— Спасибо, они не болеют. Нарушение синтаксических связей в вопросительном предложении приводит к языковой игре. Согласно норме, вопрос следовало бы построить: «Чем вы лечите пса от блох?»

3) синтаксический механизм «обмана ожиданий», основанный на нарушении согласованности между частями предложения.

В магазин влетает запыхавшаяся дама: /— Дайте мне, пожалуйста, мышеловку, а то автобус уйдет! /— Простите, но у нас нет мышеловок такого размера! В анекдоте комизм вызван несогласованностью придаточного обстоятельственного предложения причины с главным предложением. Возникает неправильная трактовка смысла всей фразы.

Человек с чемоданом в руке спросил прохожего: «Если я пойду по этой улице, там будет железнодорожный вокзал?» /—Независимо от того, пойдете вы или не пойдете, он там все равно будет. Анекдот построен на неуместном

употреблении придаточного обстоятельственного предложения условия, которое выражает союз *если*.

Таким образом, в ходе проведенного исследования, сделан вывод, что в основе создания анекдота как сатирико-юмористической формы массовой речи лежат разнообразные механизмы языковой игры, которые определяют структуру анекдота, выбор речевой ситуации, подбор героев, эмоционально-экспрессивный фон и стилистическую окраску анекдота.

Библиографический список

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1996. 214 с.

Ерофеева Т.И. Лингвистика городского пространства. Социолингвистический подход изучения: учебное пособие. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. 196 с.

Михайлюкова Н.В. Языковой облик современного города: учебное пособие. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. 360 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 797 с.

Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

Сборник анекдотов под редакцией Хазанова Г.Б. // URL: <http://lib.co.ua/anecdote/hazanovgennadiy/sbornikanekdotovpodred.jsp> (дата обращения: 05.03.2018).

A.M. Isakova

Student of Philological Faculty

Perm State University

LANGUAGE GAME AS A MECHANISM FOR THE CREATION OF A ANECDOTE

The article analyzes the functioning of the language game mechanisms in the texts of anecdotes. It is established that the language game not only enhances the text's expressiveness, but also constitute a structural element of the statement. Anecdotes from the "Collection edited by G. B. Kasyanov" are the Material for this article.

Keywords: anecdote, language game, mechanism, genre, speech creativity.

УДК 81'23

Юлия Вячеславовна Осипович

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

ulechka_ru@mail.ru

Научный руководитель:

Елена Валентиновна Ерофеева

д-р филол. наук, профессор кафедры

теоретического и прикладного языкознания (ПГНИУ)

ПОНЯТИЕ «БЫТИЕ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ФИЛОЛОГОВ

Исследование посвящено отражению метафизических понятий, а именно – понятия «бытие» – в языковом сознании. Цель исследования – выявление актуального для обыденного сознания смысла философских понятий. Анализируются определения понятия «бытие», данные в различных философских работах и наивные толкования данного понятия, полученные от респондентов. В исследовании использовались методы компонентного и семантического анализа.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, метафизика, философские понятия, бытие, компонентный анализ, семантический анализ.

Метафизика – философское учение о сверхопытных началах и законах бытия. Так, в античности метафизика была не только созерцательным философствованием, но и методом познания [Кузнецов 2005:319–320]. В Средневековье она связывалась с богопознанием, а в эпоху Нового времени божественное сменилось рациональным, научным [Кузнецов 2005: 320]. В это время происходило переосмысление учения под влиянием естественных наук и гносеологии, что в последствие привело к кризису и в течение долгого времени порождало «антиметафизические» направления, к которым, например, можно отнести позитивизм и постструктурализм [Кузнецов 2005: 322]. Именно эта неоднозначность мотивирует то, что это учение продолжают анализировать и переосмыслять. Представляет оно интерес и для междисциплинарных областей, к которым относится данное исследование: за основу берется вопрос о том, какое значение люди вкладывают в основные метафизические понятия. Одним из них является понятие «бытие», результаты анализа которого представлены в статье.

Статья базируется на различных теоретических источниках: трудах М. Хайдеггера, В.Г. Кузнецова, В.В. Миронова, А.Г. Спиркина, а также на статьях современных исследователей, посвященных понятию, которое было взято для анализа. Лингвистическая часть исследования основана на работах И.А. Бариновой, Н.М. Нестеровой, И.Г. Овчинниковой (на тех, что посвящены языковому сознанию), С.М. Тиллоевой, И.А. Стернина, А.Р. Саматовой,

Н.А. Стадульской (на их работах, посвященных компонентному анализу и изучению дифференциации сем) и других.

Проблема отражения метафизических терминов в языковом сознании является малоизученной, а сознание и язык людей, живущих в эпоху метамодерна – это интересный материал для исследований, результаты которых вносят свой вклад в развитие современной лингвистики. Нами были найдены исследования, посвященные различным концептам (например, концепту времени), но они изучают другой аспект семантики понятий и рассматривают их под другим углом, и этим обуславливается новизна данной работы: исследований, где философские или метафизические понятия рассматривались с точки зрения психолингвистики, а не лингвокультурологии, не было обнаружено. Таким образом, цель исследования – проанализировать, каким образом метафизические понятия отражаются в языковом сознании наивных носителей языка, какие компоненты, важные для философского определения данного понятия составляют семантическое ядро понятия «бытие», а какие, наоборот, игнорируются.

Для того чтобы выделить основные компоненты понятия «бытие» в метафизике, были рассмотрены его определения в различных источниках (учебных пособиях и монографиях), в результате анализа которых были выделены следующие компоненты: *онтология, мыслимое, процесс, реальность, существование, субъект* [Рябоконт 2009], *Бог* [Хайдеггер 2003: 31].

Для получения данных о языковом сознании информантов был проведен лингвистический эксперимент по наивному толкованию метафизических понятий (в частности – понятия «бытие»). Метод наивного толкования позволяет «определить актуальное для обыденного сознания значение слова» [Балашова 2005].

Метод компонентного анализа стал основным в данной работе. Этот метод позволяет разложить значение на «семантические составляющие» [Лингвистический энциклопедический словарь]. Таким образом, можно установить, какие компоненты образуют смысловое ядро и периферию понятия, а какие являются индивидуальными.

Рассмотрим толкования понятия «бытие», данные респондентами. Всего их было 30, но можно выделить ряд наиболее характерных: 1) «Процесс существования всего»; 2) «То, что определяется органами чувств человека и все, что человек может воспринимать»; 3) «Не поддается определению, так как понятие бытия первообразно, а потому целостно, а определения признаны отграничивать понятия»; 4) «Бренность жизни»; 5) «Существование. Центральное понятие онтологии»; 6) «Это существование»; 7) «Не поддается определению. Базовая категория. Либо определяется через элементы, которые в себя включает. В нашей вселенной бытие определяют четыре измерения длина, ширина, высота (пространство) и время»; 8) «Мир и ситуация в конкретный момент».

Проанализировав данные примеры, мы можем выявить ряд закономерностей.

1. Наиболее частым компонентом оказался компонент *существование*, который в общей сложности назвали 24 респондента из 30. *Бытие* оказалось приравненным к существованию, как это показано в примере №6, однако есть ряд примеров, где *существование* усложняется другими семантическими компонентами (*процесс, все, понятие, онтология*). Из этого следует, что понятие «бытие» для части респондентов – не просто синоним существования или жизни, а слово, существующее в семантической системе.

2. Отсутствие компонента *существование*:

а) Примеры 3 и 7 – в этих примерах прослеживается понимание базовых философских категорий, бытие не приравнивается к существованию, семантика еще сильнее усложняется. Добавляются следующие семантические компоненты: *неопределенность, определение, первообраз, целостность, отграничение, базовое, категория, вселенная, измерения (пространство-время)*. Понятие помещается в более сложную систему: семантика дополняется словами, которые сами являются философскими категориями, имеют собственный сложный компонентный состав. Это говорит о том, что люди в языковом сознании связывают понятия между собой, ассоциируют их друг с другом, как следствие – мыслят их в системе;

б) Примеры 2, 4, 8 представляют собой толкования, в наибольшей мере мотивированные наивной картиной мира. Эти формулировки описывают бытие в значении ‘жизнь’, ‘мир’ (поэтому присутствуют компоненты: *чувства, субъект, восприятие, жизнь, бренность, мир, ситуация, момент, все*); этот мир, к тому же, характеризуется наличием субъекта в нем. Бытие предстает как познаваемый эмпирически и чувственно мир. Стоит отметить, что в первой группе семы *субъекта* не было, толкования были более абстрактными и отвлеченно-обобщенными, т.е. происходит смещение фокуса с философского понятия на обыденное.

3. Метафорическое значение (толкование №4, «Бренность жизни»). Словосочетание *бренность бытия* является устойчивым в русском языке и может воспроизводиться информантами как ассоциативная реакция, а не как толкование. В этом случае понятие перестает употребляться как философский термин и выступает в качестве эмоционально окрашенного синонима слова *жизнь*. То же самое происходит, например, в поэтических текстах, где вполне конкретные понятия употребляются не в прямом значении.

В результате анализа толкований респондентов были выделены следующие компоненты (от ядерных к периферийным): *существование, субъект, реальность, жизнь, все, определение, процесс, мыслимое, понятие, материя (материальное), онтология, сознание, восприятие, неопределенность, конкретика, взаимодействие, независимость*. Результаты говорят о том, что в толкованиях респондентов отразились все отмеченные в философских определениях компоненты понятия «бытие», за исключением компонента *Бог*. Это может быть мотивировано ценностями нынешнего времени: сейчас гораздо сильнее заметно влияние науки на общество, молодое поколение в основном не

слишком религиозно. Если религиозный человек считал, что бытие есть Бог, то не религиозный – что бытие есть все.

Семантический компонент *всего* является одним из ядерных, и объясняется это абстрактностью самого понятия. Так, он содержится, например, в следующих толкованиях: 1) «Процесс существования всего»; 2) «Все сущее в его многообразии»; 3) «Фиксация существования всего»; 4) «То, что определяется органами чувств человека и все, что человек может воспринимать»; 5) «Понятие онтологии. Существование чего-либо в широком смысле. Оно есть в нас и вокруг нас, это все мыслимое и вневременное»; 6) «Всеобъемлющее понятие, определяющее существование мыслящих субстанций». Проанализировав их, мы можем прийти к выводу, что бытие едва ли поддается каким-либо дефинициям ввиду своей обобщенности, объективности, независимости. Человеку проще объяснить то, что находится в пределах его понимания, но бытие не является таковым, оттого толкования либо упрощают семантику понятия, либо ссылаются на его необъяснимость. Собирательное местоимение «все» отчасти вбирает в себя тот смысл, который не получается передать конкретными наименованиями – оно достаточно обобщенное, чтобы не исказить семантику, и в то же время создает определенное восприятие у человека, который его слышит или видит. Формулировка «бытие – это все» передает неопределенность, необъяснимость и отвлеченность, которые этому термину присущи по многим из трактовок, однако не конкретизирует семантику, а потому нуждается в сопутствующих дополнительных семантических компонентах.

Интересны и индивидуальные компоненты понятия. Они отражают «психическую реальность» отдельного человека или группы и несовпадение с системным значением, характерным для всех носителей языка [Стернин 1985: 25]. В ходе анализа были выявлены следующие индивидуальные компоненты: *всеобъемлющее, субстанция, многообразие, обладание, целостность, отграничение, бренность, ситуация, развитие, специфика, первообраз, измерения, фиксация*.

Эти семантические компоненты можно поделить на следующие группы:

1. Бытие как нечто неподконтрольное, вездесущее и подобное «вещи в себе» (*всеобъемлющее, субстанция, целостность, отграничение, бренность, первообраз, фиксация*). Это уже не строгая дефиниция или системное значение, а субъективное восприятие, то, как респондент ощущает данное понятие. Кроме того, эти компоненты также подводят к значению бытия как независимого явления, неподвластного человеку (например, об этом говорят компоненты *отграничения, первообраза, целостности, фиксации*).

2. Бытие как жизнь, развивающаяся система (*многообразие, обладание, ситуация, развитие, специфика, пространство*). Компоненты в этой группе характеризуют бытие как нечто многообразное, развивающееся, связывают его с конкретной ситуацией/моментом, помещают его в некое пространство. В этом случае семантика понятия сближается с семантикой слов «существование» или «жизнь», бытие не статично, а динамично. Кроме того,

мы можем выдвинуть гипотезу о том, что эта группа компонентов имеет более положительную эмоциональную окраску, нежели предыдущая.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Чаще всего «бытие» понимается информантами как синоним слов «существование» или «жизнь», что говорит об игнорировании философского контекста.

2. В 18 случаях из 30 семантика понятия оказывается более сложной и многогранной: присутствуют семантические компоненты, указывающие как на наивную интерпретацию термина, так и на философские компоненты значения, которые в ряде случаев имеют более негативную эмоциональную окраску, нежели остальные.

3. Семантический компонент *всего* является не самым частотным, но одним из самых важных, так как данное местоимение вбирает в себя абстрактность, неопределенность и всеобъемлемость, присущие понятию «бытие». Поэтому информанты часто обращаются к нему, употребляя в своей речи, чтобы охарактеризовать то, для описания чего не всегда возможно подобрать подходящие слова.

4. Семантическое ядро понятия «бытие» – это такие компоненты, как *существование, субъект, реальность, жизнь, все, определение, процесс*.

Библиографический список

Балашова Е.А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов: Социолингвистический подход. Пермь: Издательство ПГНИУ, 2005 // URL: <http://www.dissercat.com/content/fragmenty-naivnoi-kartiny-mira-russkikh-i-sloventsev-po-dannym-obydennykh-tolkovanii-slov-so> (дата обращения: 28.03.18).

Кузнецов В.Г. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2005. 731 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. Академик, 2000-2017 // URL: https://les.academic.ru/521/Компонентного_анализа_метод (дата обращения: 28.03.18).

Рябоконт Н.В. Философия УМК. Минск: Изд-во МИУ, 2009 // URL: <https://psyera.ru/ponyatie-bytiya-smysl-bytiya-osnovnye-formy-bytiya-1306.htm> (дата обращения: 21.03.18).

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. 137 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503с.

J.V. Osipovich

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE CONCEPT OF “BEING” IN THE LINGUISTIC AWARENESS OF PHILOLOGISTS

The study is devoted to the reflection of metaphysical concepts, namely the concept of “being” in the linguistic awareness. The aim of the study is to identify the actual meaning of philosophical concepts for everyday awareness. The definitions of the concept of “being” from various philosophical works and naive interpretations of this concept received from respondents are analyzed. The study used the methods of component analysis and semantic analysis.

Key words: psycholinguistics, linguistic awareness, metaphysics, philosophical concepts, being, component analysis, semantic analysis.

УДК 81'23

Елизавета Сергеевна Руденко

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

es.rudkovskaya@gmail.com

Научный руководитель:

Елена Валентиновна Ерофеева

д-р филол. наук, профессор кафедры

теоретического и прикладного языкознания (ПГНИУ)

ПРИЗНАКИ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению вопроса стабильности и ситуативности лингвокогнитивной категоризации студентов на заданном лексическом материале. В работе обсуждаются наиболее стабильные признаки категоризации в языковом сознании студентов-филологов. Дана оценка частотности встречающихся признаков с позиции отнесения их к группе формальных или семантических. Предпринята попытка выявить общие закономерности построения лингвокогнитивной категоризации у студентов.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, категоризация, классификационная деятельность, свободная классификация, признаки категоризации, языковое сознание.

Интерес к категоризации впервые появляется у Платона. Он обращается к этому вопросу в диалоге «Кратил», но прямого определения предмету изучения не дает [Платон]. Философ А.Ф. Лосев определяет категоризацию по Платону как поиск проявления объективного мира в человеке через толкование имени [Лосев 1994: 78].

Термин «категория» впервые вводит Аристотель в одноименном трактате [Аристотель]. Он выделяет десять категорий, но четкого определения этому понятию, как отмечают исследователи, тоже не дает [Ахманов 1960: 128, Угланова 2002: 14]. Лингвист Е.Л. Боярская определяет аристотелевскую категорию как обобщенное значение совокупности слов [Боярская 2011: 18].

Сегодня классическая теория Аристотеля разрабатывается в виде теории определяющего признака и теории сравнения признаков. Параллельно функционирует теория прототипов, созданная Э. Рош, воспринятая Дж. Лакоффом, А. Вежбицкой и др. Согласно этой теории, члены категории могут в большей или меньшей степени отвечать признаку для отнесения к категории [Лакофф 1988: 40–43, Вежбицка 1996: 204–270].

В отечественной традиции теория категоризации в русском языковом сознании активно разрабатывается Е.В. Дзюбой. Ее исследования посвящены

изучению существующих в сознании лингвокогнитивных категоризаций [Дзюба 2015: 5–249].

Интерес данного исследования – механизм категоризации на заданном лексическом материале. Работа направлена на изучение признаков категоризации вербального лексического материала в динамическом аспекте и выявление общих закономерностей построения лингвокогнитивных категорий.

Для изучения обсуждаемого предмета методом свободной классификации были проведены два психолингвистических эксперимента с разницей в один год [Волкова 2014: 307].

Эксперимент 2017 г. проводился в письменной форме. Информанту предлагалось изучить 50 карточек со словами и расклассифицировать их на любое количество групп. Затем предлагалось дать название каждой группе. Из социальных характеристик учитывались пол, возраст, курс обучения испытуемого.

Эксперимент 2018 г. проводился через тестовую версию программы *LinguaClassifier* (написана на WindowsForms, C#) и с помощью веб-платформы *LinguaClassifier* (написана на Python, микро-фреймворк Flask). Программа позволила провести эксперимент на заданном лексическом материале, с заданными полями анкеты для информантов (пол, возраст, курс обучения), задание студенты получали устно. Веб-платформа позволила провести эксперимент в режиме онлайн. Перед выполнением категоризации информант читал инструкцию, заполнял поля информации о себе.

Материалом исследования стали результаты классификационной деятельности информантов – студентов-филологов в количестве 50 человек (2017 г. – 20 чел.; 2018 г. – 30 чел.).

В вербальный лексический материал, который классифицировали информанты, вошли 50 слов из семантических полей ДРУЖБА и ВРАЖДА. Принципы формирования экспериментального материала были следующими:

- 1) наличие слов различных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов, причастия);
- 2) наличие антонимов, представленных различными частями речи: дружба – вражда; приятельский – зложелательный; сближаться – раздружиться и др.;
- 3) наличие синонимов, представленных различными частями речи: вражда – антагонизм; рознь – разлад; милостивый – благосклонный; почитать – уважать; импонировать – симпатизировать и др.;
- 4) наличие групп слов одного корневого гнезда: дружба – подруга – дружить – дружеский – раздружиться – содружество – дружелюбие; неприязнь – приятель – приятельский – приятие – благоприятный – неприятный; враждовать – враждебный – вражда – враг и др.

Признаки категоризации, выявленные в классификациях информантов делятся на формальные и семантические. Рассмотрим группы этих признаков подробнее.

Общими формальными признаками являются признак части речи и корневой признак, у одного из информантов 2017 г. также находим фонетический признак, у одного из информантов 2018 г. – грамматический признак возвратности глагола.

Признак части речи является наиболее распространенным формальным признаком, не имеет особенностей проявления в разных экспериментах. Корневой признак проявляется у двух информантов в эксперименте 2017 г. и у одного информанта в эксперименте 2018 г.

Семантические признаки категоризации в языковом сознании филологов представлены шире. Общими для экспериментов 2017 и 2018 гг. являются следующие: «положительность/отрицательность», «общность лексического значения», антропоцентрический, «нейтральность/экспрессивность», «длительность процесса». В эксперименте 2017 г. находим признак «синонимичность/антонимичность», в эксперименте 2018 г. – «степень близости отношений», стилистический, «активность/пассивность отношений», ассоциативный, «конкретность/абстрактность существительного».

Признак «положительность/отрицательность» не имеет различий в проявлении. Характерные названия групп для выявления признака: *«позитив»*, *«негатив»*, *«существительные с положительной семантикой»*, *«существительные с отрицательной семантикой»* и т.д.

Признак «общность лексического значения» характеризуется относительной свободой проявления. Информант определяет значение в названии группы, руководствуясь имеющимися в языковом сознании семантическими связями между лексическими единицами, например: *«покровительство»* (благоволить, почитать, благосклонный, милостивый), *«нет желания общаться»* (неприязнь, раздружиться, сердитый, соперник, соперничать, ссора, разлад, неприятный, тяготеть), *«советский союз»* (товарищество, содружество), *«литературное понятие»* (антагонизм). Отметим, что по сравнению с 2017 г. в 2018 г. по этому признаку информанты чаще выделяют малочисленные категории, с более сильными семантическими связями между их членами.

Наличие антропоцентрического признака репрезентируется антропоцентрическим компонентом в классификации. Особенности проявления признака в разных экспериментах не наблюдается. Характерные названия групп: *«синонимы к слову друг»*, *«синонимы к слову враг»*, *«именование человека, состоящего с другим человеком в дружеских отношениях»*, *«именование человека, состоящего с другим человеком в неприятельских отношениях»*.

У признака «нейтральность/экспрессивность» также не наблюдается особенностей проявления в экспериментах разных лет. Он напрямую указывается информантами в названиях групп: *«неконцентрированные чувства»*, *«концентрированные чувства»*, *«слова с нейтральным значением»*, *«слова с усиленным экспрессивным значением»*.

Признак «длительность отношений» встречается у информантов при делении существительных, обозначающих отношения между людьми. Находим группы: **«долгосрочный процесс взаимодействия между людьми»** и **«краткосрочный процесс взаимодействия между людьми»**.

Выявленные в классификациях информантов признаки категоризации были проанализированы и поделены на три зоны по степени встречаемости: ядерные, периферийные и уникальные. Ядерными считались признаки, которые появляются в классификациях более 40% информантов, уникальными – признаки, встречающиеся один раз, периферийными – остальные.

Среди ядерных признаков оказались признаки «положительность/отрицательность» (появляются у 50% в 2017 г. и у 73,33% информантов в 2018 г.), часть речи (40 и 50% соответственно), «общность лексического значения» (40 и 43,33%).

Классификационная деятельность на данном материале проявляет достаточную стабильность. Ядерные признаки совпадают полностью, близок процент реакций от количества всех классификаций с этими признаками в 2017 и в 2018 гг., за исключением процента частотности признака «положительность/отрицательность». По сравнению с 2017 г. в 2018 г. количество реакций с этим признаком возрастает в полтора раза.

В группу общих периферийных признаков попали признаки: антропоцентрический (20 и 10%), «нейтральность/экспрессивность» (15 и 13,33%). Периферийными признаками филологов 2017 г. стал корневой признак (10%) и признак «синонимичность/антонимичность» (10%). У филологов 2018 г. корневой признак проявился как уникальный, признак «синонимичность/антонимичность» не проявился вообще. В группу периферийных признаков в эксперименте 2018 г. вошли признак «степень близости отношений» (13,33%) и стилистический признак (6,66%). Оба отсутствуют в классификациях информантов 2017 г.

Периферийные признаки занимают относительно устойчивые позиции: из шести по данным разных лет общими являются три: антропоцентрический, «нейтральность/экспрессивность», корневой.

Среди уникальных признаков общим оказался только признак «длительность процесса». У информанта 2017 г. был выявлен фонетический признак, у информантов 2018 г. целый ряд признаков: «возвратность глагола», «активность/пассивность отношений», ассоциативный, «конкретность/абстрактность существительного».

Далее обратимся к количественному анализу классификаций, который позволяет увидеть динамику изменения многих важных показателей.

Количество классификаций информантов по двум и более основаниям возрастает: в 2017 г. классификацию не по одному основанию проводят только 11 из 20 информантов (55%), в 2018 г. – 26 из 30 (86,66%).

Общее количество признаков (и количество семантических из них) также увеличивается: 9 признаков в 2017 г. (среди них 6 семантических и

3 формальных – 66,66 и 33,33% соответственно); 13 признаков в 2018 г. (среди них 10 семантических и 3 формальных – 76 и 24% соответственно).

Показатель количества проявлений признаков (и количества из них семантических) также возрастает. В 2017 г. у информантов находим 39 употреблений признаков, из которых 28 употреблений семантических признаков (71% от всех признаков). В 2018 г. находим 66 употреблений, из которых 49 употреблений – семантические признаки (74% от всех признаков).

О насыщенности классификаций признаками сообщает показатель количества признака на одного информанта. Он рассчитывается по формуле: количество употреблений признаков деленное на количество информантов. В эксперименте 2017 г. получены результаты: общая насыщенность классификаций равна 1,95; семантическими признаками – 1,4; формальными – 0,55. В эксперименте 2018 г.: 2,2 – насыщенность всеми признаками; 1,63 – семантическими; 0,56 – формальными.

Таким образом, видим, что по сравнению с классификациями 2017 г., классификации 2018 г. усложняются с точки зрения увеличения и сочетаемости семантических признаков.

Помимо прочего, при оценке стабильности процесса категоризации у одних и тех же информантов в разное время важна частота встречаемости пар лексических элементов категорируемого материала. За частотное отнесение считалось более 16 из 20 реакций информантов 2017 г. (85%) и более 24 из 30 реакций информантов 2018 г. (83,33%). Общими частотными отнесениями пар слов в одну группу у информантов стали нечастотные отрицательно окрашенные существительные и прилагательные и положительно окрашенные глаголы. Наличие этих групп у всех участников эксперимента объясняются нечастотностью элементов, ограниченной зоной их употребления, а также резкой негативной окраской двух из них.

Итак, в ходе проведения исследования нами было обнаружено шесть общих признаков категоризации, среди которых один формальный (часть речи) и пять семантических («положительность/отрицательность», «общность лексического значения», антропоцентрический, «нейтральность/экспрессивность», «длительность отношений»).

Анализ признаков по степени встречаемости показал, что ядерные признаки одинаковы в экспериментах разных лет – это признаки «положительность/отрицательность», части речи, «общность лексического значения».

Количественный анализ категоризации позволил заметить стабильное положение семантических признаков в процентном соотношении. Кроме того, было обнаружено увеличение количества семантических признаков. Детальное их рассмотрение показало и качественные изменения: в 2018 г. информанты стали давать семантически более сложные реакции по признаку общности лексического значения. Мы связываем это с прохождением студентами новых гуманитарных курсов по специальности.

Схожесть частотных отнесений пар слов к одной категории укрепила наши предположения, наметившиеся на предыдущих этапах обработки материала, и позволила сделать вывод о стабильности лингвокогнитивной категоризации в языковом сознании филологов на установленном вербальном лексическом материале. Данное утверждение позволяет заключить, что классификационная деятельность обладает относительной стабильностью (с некоторыми ситуативными проявлениями редких признаков), что говорит о возможности ее дальнейшего изучения в синхроническом аспекте.

Библиографический список

- Аристотель. Категории. Библиотека сервера философского факультета МГУ // URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.10.2017).
- Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 314 с.
- Боярская Е.Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 2. С. 18–28.
- Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 418 с.
- Волкова Е.В. Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры. Знак, 2014. 720 с.
- Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – 286 с.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. 1988. № 23. С. 40–43.
- Лосев А.Ф. Комментарии к диалогам Платона. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. 624 с.
- Платон. Кратил с примечаниями Тахо-Годи А. А. URL: <http://amkob113.ru/pltn/pltn-9.html> (дата обращения: 04.11.2017).
- Углова И.А. Рассуждение о системе категорий Аристотеля (текст доклада) // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермский Университет. 2002. № 1. С. 10–21.

E.S. Rudenko

Student of Philological Faculty
Perm State University

DYNAMIC ASPECT OF SIGNS OF CATEGORIZATION IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF STUDENTS

The article focuses on stability and situationality of linguistic categorization of students on verbal lexical material. The most stable signs of categorization in the linguistic consciousness of students-philologists are named. We rate frequency of signs of categorization for formal and semantic and attempt to reveal the general patterns of creation of linguistic categorization of philology students.

Key words: psycholinguistic experiment, categorization, classification activity, free classification, signs of categorization, language and consciousness.

СТИЛИСТИКА, ДИСКУРС, ТЕКСТ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК81'373.611

Снежанна Александровна Иунина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
snezhik94@mail.ru

Научный руководитель:
Елена Александровна Баженова
д-р филол. наук, профессор кафедры
русского языка и стилистики (ПГНИУ)

СОДЕРЖАНИЕ И ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАЗДЕЛА «СЛОВООБРАЗОВАНИЕ» В ШКОЛЕ

Статья посвящена трудным вопросам изучения раздела «Словообразование» в 5–7 классах средней школы. Словообразование как самостоятельный раздел школьной программы изучается относительно недавно и вызывает немало трудностей как у школьников, так и у преподавателей. Выявлена и обоснована необходимость научить школьников ориентироваться в морфемной структуре слова, устанавливать способ словообразования и на этой основе развивать у учащихся чувство языка и формировать орфографические навыки. Предложена система упражнений по словообразованию, нацеленная на развитие у обучаемых лингвистической и языковой компетенций с учетом возрастных особенностей учащихся 5–7 классов.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка в школе, словообразование в школе, трудные вопросы словообразования, система упражнений по словообразованию.

Словообразование – это особая подсистема, которая играет важную роль в современном русском языке. Способы создания слов, функционирование и классификация производных слов всегда будут привлекать исследователей не только тем, что это основной источник пополнения словарного состава языка, но и тем, что система словообразования русского языка подвижна. В школе словообразование изучается, во-первых, вместе с морфемикой – при знакомстве с различными частями речи; во-вторых, при изучении орфографических правил русского языка.

Морфемное словообразование в школьном курсе включает:

- 1) суффиксальный способ (*биатлон* + *ист* → *биатлонист*);
- 2) приставочный способ (*при* + *ехать* → *приехать*);
- 3) приставочно-суффиксальный способ (*под* + *окно* + *ник* (□) → *подоконник*);
- 4) бессуффиксный способ (*переходить* → *переход*Ø; *синий* → *синь*Ø);

5) сложение разных видов (*диван + кровать → диван-кровать; пар + ходить → пароход; драматический + кружок → драмкружок*).

Неморфемное словообразование включает:

1) переход слова из одной части речи в другую (*Я люблю (что?) все **новое***);

2) сращение словосочетания в одно слово (*малообразованный*) [Львова 2012: 17].

Многообразие способов образования слов и исключительные словообразовательные возможности русского языка определяются тем, что система словообразования соотносится как с лексикой, так и с грамматикой. Морфемный состав слов и способы их образования изучаются в 5–7 классах, и, для того чтобы школьники успешно овладели этим материалом, мы разработали задания и упражнения, способствующие качественному усвоению данного раздела.

Учащиеся испытывают трудности в установлении сходства и различия слов, близких по звучанию и значению, т.е. родственных слов. Существенные затруднения возникают при определении способа образования отдельных слов русского языка, при установлении отношений между мотивирующим и производным словом. Весьма часто учащиеся опознают ту или иную значимую часть слова, ориентируясь лишь на его зрительный образ, а это ведет к ошибке в определении механизма словообразования. Важно и то, что знания по словообразованию являются основой изучения ряда орфограмм, поскольку правильное применение словообразовательных моделей способствует расширению словарного запаса учащихся [Литневская 2005: 37–43].

Для того чтобы усвоить теоретический материал, школьникам необходимо раскрыть значение основных научных терминов, которые позволяют представить систему словообразования и развивают лингвистическую компетенцию обучаемых. Так, учащимся важно знать такие понятия, как **словообразовательный тип, словообразовательный формант, словообразовательная модель, непроеводная основа, производная основа, словообразовательный анализ** и др.

Школьная методика обучения словообразованию должна совершенствоваться и пополняться новыми приемами обучения. Разработанная нами система заданий и упражнений для учащихся среднего звена ориентирована на разные виды деятельности. Кроме того, в этой системе заданий словообразование рассматривается в тесной взаимосвязи с другими разделами русского языка. Следует подчеркнуть, что предлагаемые задания и упражнения опираются на функционально-семантический подход к изучению языковых единиц. Данный подход поможет школьникам развить языковые способности, опираться на структурно-семантическую характеристику слова при выполнении разнообразных видов разбора. Учащиеся должны выработать способность различать в слове грамматические значения, входящие в значение целого слова, и выделять соответствующие этим значениям формальные элементы, устанавливая затем функциональную связь между значением слова и его формально-грамматической структурой [Львова 1993: 237]. Важно подчеркнуть, что функционально-семантический подход предполагает осмысление слова не только с точки зрения его вещественной семантики, но и с точки зрения заключенных в нем грамматических значений.

Представим разработанные нами типовые задания по словообразованию, первая группа которых нацелена на овладение основными способами словообразования.

Задание 1. Что обозначает запись на доске? Какое слово является производным? Какие слова производные? Найдите производящие основы для каждого производного слова.

Нагреватель ← нагревать ← нагреть ← греть.

Возьмем один словообразовательный шаг в этой цепочке: *нагреть ← греть*. Выделим словообразовательный формант. Какие еще словообразовательные форманты можно выделить в звеньях этой словообразовательной цепочки?

*Примечание. Если учащиеся не знакомы с понятиями *производящая основа* и *словообразовательный формант*, эти понятия следует ввести на уроке.

Составьте и запишите словообразовательную цепочку со словом *подсказывать*.

Задание 2. Запишите в тетради следующие слова: *приехать, болотистый, подоконник, театр-студия, милосердный, ГАИ, вуз, нападающий, столовая*. Установите лексическое значение каждого слова, опираясь на значение ближайшего родственного слова. Определите способ словообразования и обоснуйте свой выбор.

Задание 3. Запишите слово *бессонный*. Чем интересно данное слово? Почему в слове две буквы «с» и две буквы «н»? Каково значение приставки *бес-*? Назовите еще несколько слов с приставкой *без-/бес-*. Выполните словообразовательный разбор данного слова.

Сделайте словообразовательный разбор слов *надпись, разыскивать, засмеяться*. Участвуют ли в образовании данных слов приставки?

Задание 4. Найдите словообразовательную пару к словам *синь, бег, тишь, выход, глубь* и выделите окончание. В чем особенность этих слов? Для каких частей речи характерно такое словообразование? Составьте предложения с данными словами.

Задания второй группы направлены на поиск слов, построенных по одной словообразовательной модели. Далее эти слова включаются в предложения. После работы со словообразовательными моделями рассматриваются изобразительные возможности словообразования на примере художественных текстов.

Задание 1. Найдите «спрятанное» слово, образованное по предлагаемой модели. Установите значение словообразовательного форманта. Подберите еще по два слова к каждой модели. Составьте со словами моделей 1, 4, 5, 7 по одному предложению.

1. *ушк-а*
2. *оват-ый*
3. *ев-ой*
4. *пере е-ть*

5. *без н-ый*
6. *ник-□*
7. *за и-ть*
8. *ист-ый*

Задание 2. Подберите словообразовательную модель к группам слов. Опирайтесь при этом на толкование значения слова через ближайшее родственное слово. Установите значение словообразовательного аффикса.

1. *Беловатый, кисловатый, грубоватый.*
2. *Львиный, змеиный, гусиный.*
3. *Колко, резко, мелко.*
4. *Опозданием, опусканием, очертанием.*
5. *Загрубелые, застарелые, зачерствелые.*
6. *Безвыездному, безвылазному, безвыходному.*

Далее последовательно анализируются все модели, при необходимости учитель дает комментарий формообразующих и словообразующих аффиксов и их участия в словообразовании. Особое внимание следует обратить на фонетический суффикс [-ний-] в словах четвертой группы.

Задание 3. Прочитайте отрывок из стихотворения А. Прокофьева. Найдите слова, образованные по одной словообразовательной модели. Какова роль словообразовательного повтора в тексте?

И огнем запылала,
И, пройдя через огонь,
Закричала, завздыхала
Эта самая гармонь

Отозвались, зазвенели
Балалайки в три струны,
Заходили, как хотели,
Заплясали плясуны.

Закружились хороводы,
Полушалки зацвели,
И поближе и поодаль
Люди душу отвели.

Помимо словообразовательного повтора, в изобразительных целях используется паронимическое противопоставление однокоренных слов.

Задание 4. Прочитайте предложения. Установите разницу в значении однокоренных слов, учитывая значение словообразовательного форманта. Объясните, с какой целью автор использовал паронимическое противопоставление.

- 1) Я желаю тебе и себе –

Больше *гордости*, меньше *гордыни* (К. Ваншенкин).

- 2) Из дверей сарая, стоявшего в конце двора, вышла сгорбленная, согнутая *прожитым* и *пережитым* старуха (М. Шолохов).

Глубже проникнуть в значение слова, а также понять важность словообразовательного анализа помогает такой прием, как ложная этимология.

Задание 5. Прочитайте отрывки из сказок Л. Кэрролла «Приключение Алисы в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Найдите примеры шуточного

объяснения происхождения и значения слов. На каком языковом явлении построены эти словесные шутки?

1) Передо мной стоял небритый хилый юноша в очках. Он ждал понуро и молча. Когда очередь дошла до него, то на вопрос офицера о профессии он ответил:

– Я гидрограф.

– Граф? – переспросил офицер, откинулся на стуле и с нескрываемым удовольствием посмотрел на юношу. – Редкая птица! Были у меня дворяне и даже бароны, но графов не было.

– Я не граф, я гидрограф!

– Молчать! – спокойно сказал офицер. – Все мы графы. Знаем мы этих графов и этих гидро-графов (К. Паустовский).

2) – Может быть, у вас и так... а у нас безо всякой канители смычки мажут просто медом, – заявил Грифон. – Поэтому скрипки и поют так сладко!

– Откуда же вы в море берете мед? – удивилась Алиса.

– А на что у нас, по-твоему, медузы? – с раздражением сказал Грифон. – Странные вопросы ты задаешь! Действительно, любой малек больше тебя знает (пер. Б. Заходера).

Задание 6. Графический диктант. Вам нужно изобразить слово, включенное в диктовку, с помощью словообразовательной модели. Сделайте это, предварительно истолковав слово через ближайшее родственное слово. (После выполнения работы модели сопоставляются, разрешаются проблемные ситуации, возникшие при изображении словообразовательных моделей слов *черёмушка, шапочка, дружочек, переработка, мальчишка*).

Черёмушка, шапочка, дружочек, выход, глушь, безжалостный, здравоохранение, увлекательный, фотосалон, детство, пароход, прехорошенький, переработка, мальчишка, подружиться, водоём, осветлить, безграмотный, разноцветный, взгляд.

Третья группа заданий направлена на проверку усвоения неморфемных способов словообразования. Учащиеся раскрывают секреты образования слов путем сращения (узнали, что достаточно поменять местами части сращенного слова – и получится словосочетание). Ученики углубляют понимание такого способа словообразования, как переход слова из одной части речи в другую.

Задание 1. Как образованы слова *умалишенный, сумасшедший, долгоиграющий*? Составьте словосочетания с данными словами. Какую особенность вы наблюдаете? Что вы знаете о таком способе словообразования, как сращение?

Задание 2. Укажите частеречную принадлежность данных слов и определите способ их образования.

Быстрорастущий, глубокоуважаемый, многозначительный, высокооплачиваемый, сильнодействующий, многообещающий.

Объясните, как отличить сложение от сращения. Какие части речи обычно участвуют в сращении? Составьте предложения с данными словами.

Задание 3. В данных предложениях найдите слово, с которым можно составить новое предложение, где это же слово станет другой частью речи.

1. Первый год обучения → ...
2. Ушел, благодаря за помощь → ...
3. Идти медленным шагом → ...
4. Невеста пришла одна → ...
5. Дети шли впереди → ...
6. Смотрел, стоя на балконе → ...
7. Учащиеся в гимназии → ...

Запишите в тетрадь данные и свои предложения, в которых слово поменяло часть речи. Укажите новую часть речи.

Задание 4. Назовите все изученные способы словообразования, разделив их на морфологические и неморфологические.

Представленная система упражнений обеспечивает более глубокое понимание учащимися морфемной и словообразовательной структуры слова. В свою очередь хорошее знание раздела «Словообразование» позволяет обучаемым успешнее решать вопросы правописания, определения лексического значения слова и его экспрессивной функции в тексте, что способствует развитию у школьников языковой, лингвистической и коммуникативной компетенций.

Библиографический список

Литневская Е.И. Об изучении словообразования в средней школе // Русская словесность. 2005. № 5. С. 37–43.

Львова С.И. Функционально-семантический подход к обучению морфемике и словообразованию в школьном курсе русского языка. Дис... доктора пед. наук. М., 1993. 355 с.

Русский язык. 5 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. В 3-х ч. Ч. 2. / С.И. Львова, В.В. Львов. М.: Мнемозина, 2012. 167 с.

S.A. Iunina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

CONTENTS AND ADVICE OF STUDYING THE SECTION "WORD-FORMATION" IN SCHOOL

The article is devoted to the problem of studying "Word formation" in grades 5–7 of the secondary school. Word formation causes difficulties both for students and for teachers. The necessity of teaching schoolchildren to orient in the morphemic structure of the word, to establish the way of word formation, and to develop the students' sense of language and to form spelling skills is revealed and justified. This article offers the system of tasks and exercises for students, taking into account the age characteristics of pupils of grades 5–7.

Key words: word formation method, morpheme, word formation formant, word-forming chain.

УДК 81'38

Ульяна Леонидовна Лиханова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ulix3959@gmail.com
Научный руководитель:
Мария Андреевна Ширинкина
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и стилистики (ПГНИУ)

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Работа посвящена сопоставлению приказа и распоряжения как близких по сфере использования и функционированию документов. В основу сравнительного анализа положена модель речевого жанра, основанная на нескольких важнейших жанрообразующих признаках: коммуникативная цель, образы автора и адресата, образы прошлого и будущего, диктумное содержание, языковое воплощение. Целью исследования является описание жанровых особенностей приказа и распоряжения.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, речевой жанр, документ, приказ, распоряжение, коммуникативная цель.

Умение владеть речевыми жанрами (далее также РЖ) профессионально значимых сфер общения – важнейший компонент речевой компетенции специалиста, неотъемлемая статусная характеристика личности.

Понятие речевого жанра позволяет системно описать значимые свойства текстов той или иной области человеческой деятельности. Поскольку понятие речевого жанра является составляющей вертикали «стиль – подстиль – жанр – текст», естественно ожидать, что в каждом жанре будут в той или иной степени проявляться не только общестилевые черты, но и индивидуальные особенности.

РЖ приказа и распоряжения нередко используются как синонимичные, тем не менее существуют сформировавшиеся в процессе делопроизводства различия как в форме, так и в содержании этих документов. Описание различий между ними является предметом рассмотрения в данной статье.

В жанроведении общеизвестна разработанная Т.В. Шмелевой модель РЖ, включающая семь конструктивных признаков, которые осознаются как возможные параметры описания речевых жанров разных сфер общения. Рассмотрим эту модель применительно к материалу нашего исследования – речевым жанрам приказа и распоряжения.

Наиболее значимым для построения типологии речевых жанров конструктивным признаком, по мнению Т.В. Шмелевой, является их коммуникативная цель, позволяющая объединить все речежанровые

разновидности в несколько групп. При этом каждая группа характеризуется своеобразием в использовании разноуровневых средств языка.

Следующим параметром описания РЖ является образ автора – «основная категория текстообразования, наряду с образом адресата формирующая лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования» [Шмелева 1997: 92]. Понятие «образа автора» тесно связано с не менее важным параметром – образом адресата.

Наряду с этим, важнейшими основаниями классификации РЖ Т.В. Шмелева называет два симметричных признака, зависящих от места РЖ в процессе общения – образ прошлого и образ будущего. Образ прошлого позволяет различить инициальные РЖ (то есть начинающие общение) и реактивные РЖ, которые по природе являются продолжением коммуникации, реакцией на инициальные РЖ.

Еще один параметр, необходимый для характеристики РЖ, – диктумное (событийное) содержание. Данный признак относится к внеречевой действительности. Несмотря на то что одно и то же диктумное содержание может быть представлено несколькими жанрами, для каждого из РЖ важен характер диктума. В качестве необходимых для отбора диктумной информации признаков Т.В. Шмелева выделяет характер актантов, отношения актантов и участников речи, временную перспективу диктума, оценку диктумного события. Последний признак, выделенный исследователем, – языковое воплощение РЖ.

Представим результаты сопоставительного анализа двух близких по коммуникативной цели жанровых разновидностей деловой сферы общения – приказа и распоряжения.

Приказ определяется в юридических словарях как «акт руководителя (начальника)» [БЮС 2003: 486].

По **коммуникативной цели** приказ оказывается императивным РЖ. Целью составителя приказа в первую очередь является **побуждение** адресата к осуществлению, выполнению действия, названного в документе. В одних текстах индивидуальный адресат должен выполнить определенное задание самостоятельно, например: *Проректору по хозяйственной работе: – приобрести мегафоны – громкоговорители с охватом территории не менее 500 метров в количестве 6 штук.* В других текстах – адресат коллективный, поэтому предполагается распределение обязанностей между разными лицами: *Руководителям управлений, обособленных подразделений, деканам факультетов, до 1 февраля 2018 года, направить в ректорат список сотрудников административного (вспомогательного) состава (не менее 2-х человек) ответственных за эвакуацию при угрозе и совершении террористических актов.*

Важно подчеркнуть, что составитель акта устанавливает для адресата обязательный алгоритм последовательных действий, необходимых для исполнения поставленных задач, которые в рамках данного жанра всегда являются долгосрочными, так как формируют основу правовых отношений: *Для планирования, подготовки и проведения эвакуации в университете при угрозе совершения (совершении) террористических актов:*

1. <...> создать (разработать):

- оперативный штаб по эвакуации сотрудников и обучающихся при угрозе совершения (совершении) террористических актов;
- план экстренной эвакуации и действий университета при угрозе совершения (совершении) террористических актов..;

2. <...>

- приобрести мегафоны – громкоговорители с охватом территории не менее 500 метров в количестве 6 штук;
- приобрести светоотражающие жилеты, с яркой окраской зеленого цвета в количестве 20 штук..;

3. <...>

- приобрести дополнительные комплекты системы оповещения и трансляции при угрозе совершения (совершении) террористических актов, для оснащения корпусов и территории ПГНИУ...

Автором, или составителем, приказа обычно является один человек (руководитель, директор и т.п.), владеющий полномочиями управления какой-либо системой. **Адресант** занимает более высокое положение относительно адресата. Иллюстрацией отношений между автором и адресатом может служить отрывок приказа: *ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Назначить ответственным за проведение работ по организации обработки персональных данных руководителя структурного подразделения М-ву Н.А.; 6. Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой.* Перформатив *приказываю* передает волеизъявление автора-составителя документа по отношению к исполнителю. Таким образом, **адресат** приказа оказывается исполнителем установленных в нем предписаний.

Диктумное содержание – аспект, отражающий сущность коммуникативной ситуации, частью которой является определенный РЖ. Можно с уверенностью утверждать, что ситуация внеречевой действительности отражена в тематическом заголовке приказа. Как правило, лингвистически диктумное содержание выражается с помощью предложно-падежного сочетания с предлогом *о / об*: *Об организации эвакуационных мероприятий и обеспечения антитеррористической защищенности и действий при угрозе совершения террористических актов; О размерах стоимости проживания в общежитиях ПГИК; Об организации обработки персональных данных.*

Основной характеристикой актанта приказа является императивность. Отношения между участниками коммуникации обусловлены степенью обладания ими власти относительно друг друга. Например, в тексте приказа (1) субъектами коммуникации являются начальник управления безопасности (адресант), проректор по стратегическому развитию, проректор по хозяйственной работе, директор УЦИ ПГНИУ и т.д. (адресаты). Временная перспектива диктума приказа, как правило, является длительной, но определенной: для исполнения предписаний устанавливается точный срок. Это означает, что документ действителен до момента исполнения задач, но составитель приказа вправе в любой момент прекратить его выполнение.

Приказ, помимо **языковых средств**, свойственных всем жанрам официально-делового стиля, вербализуется специализированными языковыми средствами, выражающими побуждение (формой инфинитива). Главный грамматический сигнал этой жанровой разновидности – глагол-перформатив *приказываю* в форме 1 лица ед.ч., указывающий на составителя документа. Тексты приказов, как правило, четко структурированы: в них выделяются пункты, раскрывающие алгоритм выполнения предписаний, отражающие последовательные действия исполнителя для выполнения определенной задачи.

Обратимся к жанру распоряжения.

Распоряжением называют «один из видов подзаконных актов (Президента РФ, Правительства РФ, Мингосимущества РФ и др.), акт органа власти или управления, изданный в рамках его компетенции и имеющий обязательную силу для физических и юридических лиц, которым Р<аспоряжение>. адресовано» [БЮС, 2003: 514].

В отличие от приказа, распоряжение обладает коротким сроком действия, имеет следующую **коммуникативную цель** – **реализовать предписания**, установленные уже имеющейся совокупностью различных актов: *В целях повышения качества научных публикаций работников Университета внести следующие изменения в «Положение о стимулировании публикационной активности работников университета» от 02.03.2016.*

Адресант распоряжения может быть коллективным. **Образ адресата** распоряжения совпадает с данным параметром жанра приказа: адресат здесь тоже является исполнителем.

Диктумное содержание распоряжения имеет существенное отличие от данного параметра жанра приказа. Если приказ является основой для начала или изменения правоотношений, то распоряжение – это вербализация решения оперативных вопросов, вытекающих из существующих правоотношений, в том числе установленных приказом, например: *внести следующие изменения в «Положение о стимулировании публикационной активности работников университета» от 02.03.2016.* Временная перспектива распоряжения является краткосрочной. Акт является действительным до момента исполнения распоряжения.

Таким образом, приказ и распоряжение – локальные правовые акты, которые издаются неким руководящим составом (индивидуальные, коллегиальные), являются задокументированными решениями по каким-либо вопросам.

В ходе анализа жанров приказа и распоряжения нам удалось выявить некоторые отличия, позволяющие сделать выводы о своеобразии каждого из них:

1. Действие приказа распространяется на длительный срок. Документ действует до отмены составителем, тогда как распоряжение характеризуется краткосрочностью и действительно до момента исполнения. Распоряжение направлено на решение оперативных вопросов, приказ же, как правило, является средством регулирования правовых отношений.

2. Приказ – первичный РЖ, создающий основу для дальнейшего функционирования какой-либо системы. Распоряжение – документ, вносящий какие-либо изменения, дополнения в существующую ситуацию. Следовательно, в приказ вносятся изменения посредством принятия нового документа, а распоряжение переиздается, то есть изменения и дополнения делаются в этом же самом тексте, который квалифицируется с определенной даты как новая редакция «старого» документа.

3. Адресантом приказа является лицо, наделенное особыми полномочиями, управляющее некой системой (руководитель субъекта), группой людей. Адресантом распоряжения может быть как руководитель субъекта, так и руководители его филиалов, подразделений и отделов.

В заключение следует подчеркнуть, что в текстах обоих жанров сохраняется основной конструктивный принцип официально-делового стиля – регулятивный [Кожина 2003: 180], напрямую связанный с функцией права – регулировать правовые отношения в обществе (государстве). Именно конструктивный принцип стиля определяет его основные стилевые черты, которыми являются императивность (предписательность), стандартизованность, точность, не допускающая инотолкования, и объективность, а также вторичные – особая официальность выражения и безэмоциональность. Все они прослеживаются в исследованных нами РЖ.

Иными словами, материал демонстрирует, с одной стороны, стилистико-речевую системность официально-делового функционального стиля, с другой – своеобразие отдельной жанровой разновидности, обусловленное различными экстралингвистическими параметрами.

Библиографический список

Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М. 2002. 704 с.

Кожина М.Н. Конструктивный принцип функционального стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 180.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С.88–98.

U.L. Likhanova
Master Student of Philological Faculty
Perm State University

GENRE AND STYLE SPECIALITIES OF OFFICIAL BUSINESS DOCUMENTS

The work is devoted to comparing the order and the order as close documents in sphere of using and functioning. The basis of the comparative analysis is the classification of speech genres, wich based on several important genre characters: communicative goal, images of the author and the addressee, images of the past and future, dictum content, language embodiment. The purpose of the study is to identify the genre features of the order and order.

Key words: official-business style, speech genre, document, order, directive, communicative goal

УДК 811'161.1

Александра Андреевна Лобашева

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

lobashevasasha18@gmail.com

Научный руководитель:

Мария Андреевна Ширинкина

канд. филол. наук, доцент кафедры

русского языка и стилистики (ПГНИУ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ WEB-КВЕСТ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена современным формам и методам преподавания русского языка в школе, применению web-квеста в обучении. Автором определена значимость ИКТ в процессе обучения и разработан образец учебного web-квеста.

Ключевые слова: информационные компьютерные технологии, web-квест, поиск информации, самостоятельная работа учащихся.

Модернизация системы образования предполагает формирование новых моделей и технологий учебной деятельности, использующих информационные компьютерные технологии (далее также ИКТ). Изучению и описанию ИКТ посвящены многочисленные исследования [Бовтенко 2005; Овчинникова 2006; Полат 2009] и др. Однако вопрос об их использовании в учебном плане остается актуальным, поскольку именно ИКТ дают возможность в полной мере реализовать педагогические функции новых образовательных методов.

Внедрение ИКТ в сферу образования имеет ряд преимуществ: использование презентаций при изучении нового материала или на этапе контроля способствует эффективному усвоению знаний, позволяет привлечь внимание учеников, экономит время учителя. Компьютерный контроль знаний повышает объективность оценки, реализует индивидуальный подход к учащимся. Наряду с этим, осуществляется мгновенная обратная связь: на экране компьютера ученик может видеть целостную картину своих ошибок и недоработок.

В условиях распространения Интернета важное место в современном процессе обучения занимает технология образовательного web-квеста. Данная технология была разработана в 1995 г. Сан Диего Берни Доджем и Томом Марчем; впоследствии она была усовершенствована практикующими педагогами. Сегодня появляются различные типы web-квестов, описываются их функциональные возможности.

Что такое образовательный web-квест? «Web-квест – это проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета» [Багузина 2010: 262]. С помощью этой

технологии педагог может организовать интерактивную поисковую работу учащихся, в ходе которой они ориентируются на самостоятельный поиск знаний, а также задавать параметры этой деятельности, контролировать ее выполнение.

Характерной чертой образовательных web-квестов является то, что информация, представленная для индивидуальной или групповой работы обучающихся, содержится на различных веб-сайтах. При помощи гиперссылок ученики путешествуют в информационном пространстве, решая учебные задачи, выполняя определенные задания в процессе изучения какой-либо темы. Причем ссылки на некоторые источники предлагаются самим преподавателем, а остальные – учащиеся должны найти сами, пользуясь поисковыми системами (Яндекс, Google и т.д.). По завершении web-квеста учащиеся демонстрируют творческие работы в электронной или устной форме, либо создают собственные web-страницы.

По времени выполнения образовательные web-квесты могут быть долгосрочными и краткосрочными. Целью краткосрочных квестов, которые выполняются в течение 1–3 занятий, является приобретение знаний и их включение в индивидуальную систему знаний. Долгосрочные web-квесты, длящиеся от одной недели до месяца, направлены на то, чтобы ученик научился анализировать полученные знания, преобразовывать их, составляя собственные задания по теме [Напалков 2014: 126].

Для создания качественного образовательного web-квеста нужно выбрать сайт, на котором есть специальная матрица (шаблон). Мы рассмотрели несколько платформ для создания web-квестов:

1. Zunal – это международный сервис, на котором могут создавать квесты только зарегистрированные пользователи; чтобы просматривать готовые работы, можно не регистрироваться. Сайт неудобен тем, что позволяет создать бесплатно только один web-квест.

2. LIMDO – бесплатная система для создания сайтов и web-квестов, разработанная в Германии и имеющая восемь языков локализации. Платформа проста в использовании и допускает редактирование шестнадцати шаблонов.

3. Wix – это специализированный конструктор сайтов, особый онлайн-редактор. В последние годы он стал русскоязычным и имеет несколько бесплатных шаблонов для создания сайта.

Для разработки образовательного web-квеста мы выбрали платформу LIMDO, так как она показалась нам наиболее удобной и простой в использовании.

Качественный web-квест должен включать несколько основных компонентов:

- 1) введение, которое содержит необходимую информацию о квесте;
- 2) занимательное задание;
- 3) набор ролей;
- 4) список информационных ресурсов, предложенных учителем;
- 5) описание этапов выполнения задания;
- 6) руководство по организации и систематизации материала;

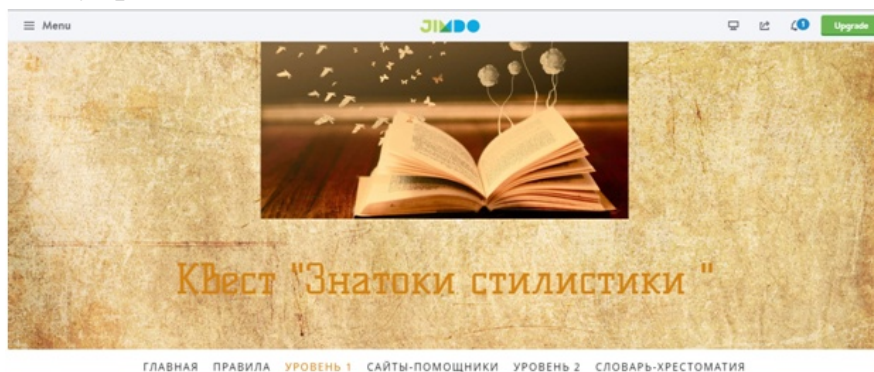
7) итоговое занятие по теме, которое обобщает весь собранный материал [Таратухина].

Преимущества использования web-квеста в обучении многочисленны:

- вносит разнообразие в учебный процесс, делает его живым и интересным;
- способен повысить мотивацию к обучению;
- может быть использован и на уроке, и во внеурочной деятельности;
- позволяет наглядно представлять разнообразные ситуационные задачи;
- предоставляет возможность ученикам самостоятельно получать новые знания [Напалков 2014: 127].

Таким образом, web-квесты позволяют реализовывать такие основные принципы лингводидактики, как наглядность, мультимедийность и интерактивность обучения.

Для создания web-квеста на тему «Знатоки стилистики» мы использовали систему JIMDO. На странице «главная» представлено краткое введение, на странице «правила» – пошаговая инструкция выполнения заданий. Разработанный нами квест включает два уровня, на каждом из которых учащимся предлагаются различные роли: историки, лингвисты, стилисты и корректоры. Для прохождения первого уровня квеста на страничке «сайты-помощники» представлен список интернет-ресурсов, на которых учащиеся могут найти информацию в соответствии с выбранной ролью, а также словарь-хрестоматия, включающий материалы, которые будут полезны для выполнения заданий. На втором уровне квеста учащимся предлагается создать свое упражнение по стилистике в сервисе Learningapps.com. По окончании квеста группы учеников обмениваются разработанными упражнениями и выполняют их.

Представляется, что данный web-квест поможет развить у учащихся поисковую деятельность, сформировать интерес к учебной дисциплине и конкретной теме, развить творческие способности.

Таким образом, в процессе работы над web-квестом учитель перестает быть основным источником и транслятором знаний, ученик приобретает знания самостоятельно. Использование этой технологии способствует формированию у учащихся интереса к изучению учебного материала и повышению качества интеллектуальных способностей, а также реализации творческого потенциала.

Библиографический список

Багузина Е. и др. Технология разработки веб-квестов при изучении студентами иностранного языка //Знание. Понимание. Умение. 2010. №. 2. С. 262–265.

Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 215 с.

Напалков С.В., Первушкина Е.А. Web-квест как средство развития инновационной стратегии образования // Приволжский научный вестник. 2014. №. 8–2 (36). С. 51–53.

Напалков С.В. О практическом использовании тематических образовательных Web-квестов в школьном обучении математике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №. 8. С. 125–129.

Овчинникова И.Г. Информационно-коммуникационные технологии современной русистики для учителя-словесника: учеб. пособие. Пермь, 2006. 238 с.

Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Академия, 2009. 272 с.

Таратухина Т.А. Использование технологии веб-квест в учебном процессе. //URL: <http://nsportal.ru/schola/snostrannye-yazyki/library/ispozovanie-tekhnologii-veb-kvest-v-uchebnom-protsesse> (дата обращения: 17.05.2018).

A.A. Lobasheva

Student of Philology

Perm State University

USE OF WEB-QUEST TECHNOLOGY IN THE TRAINING PROCESS

The article is devoted to the modern forms and methods of teaching the Russian language at school, the use of the web-quest in teaching. The author determines the importance of ICT in the learning process and developed a sample of the educational web-quest.

Key words: information computer technologies, web-quest, information search, independent work of students.

УДК 81'11

Оксана Викторовна Никонова
студент филологического факультета

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
oksana_nikonova_1998@mail.ru

Научный руководитель:

Татьяна Борисовна Карпова
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и стилистики (ПГНИУ)

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В статье представлен результат исследования паремий с гендерной семантикой в лингвокультурологическом аспекте. Цель исследования заключалась в воссоздании национальной языковой картины мира мужчины и женщины в традиционном российском обществе.

Ключевые слова: языковая картина мира, гендер, паремиологические единицы

Предпосылки исследования. Исходя из антропоцентрической направленности современной лингвистики, в частности, из представлений о языке как важнейшем источнике знаний о человеке (ср., напр., известное высказывание М.Хайдеггера: «Сущность человека покоится в языке»), мы обратились к изучению русской языковой картины мира, в которой отражены представления о мужчине и женщине в традиционном российском обществе. Современному носителю русской лингвокультуры важно понять, каковы были у наших предков гендерные стереотипы, могут ли они хоть в какой-то степени гармонизировать находящиеся в кризисе отношения мужчины и женщины в современной России.

С этой целью мы рассмотрели традиционные русские пословицы и поговорки, которые, безусловно, представляют собой лингвокультурный феномен, отражающий стереотипные представления народа и базовые концепты лингвокультуры; это своеобразные знаки, передающие специфическую информацию этнокультурного характера [Пермяков 1988; Арутюнова 1998; Телия 2008] и др.

Результаты исследования. Методом сплошной выборки нами было отобрано 316 пословиц и поговорок с опорными словами *мужчина, мужик, молодец, муж, жених, хозяин, женщина, баба, девушка, девка, невеста, жена, хозяйка* в двух источниках [Даль 1979; Мартынова, Митрофанова 1986]. Критерием отбора стал формально-семантический признак, который позволил нам выделить паремиологические единицы с гендерной семантикой. Семантическая классификация нашего материала включила три основные группы: ***Мужчина; Женщина; Противопоставление мужчины и женщины, мужа и жены.*** Далее представим результаты анализа материала по группам.

Первая семантическая группа **Мужчина** делится на подгруппы *мужчина* и *муж*, что вполне соотносится с укладом жизни традиционной русской семьи, во главе которой стоял мужчина, хозяин. Можно сказать, что мужская красота – это нечто второстепенное, куда важнее его внутренние качества. (Забегая вперед, отметим, что это характерно и для семантической группы **Женщины**. См. примеры: *На хорошего глядеть хорошо, а с умным жить легко; На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить легко*). Поэтому определенный идеал мужской красоты выделить трудно. Считалось, что *Мужчина, коли хоть немножко казистее черта, – красавец; Не урод, так и красавец; Всяк молодец на свой образец*. Но все же было желательно, чтобы мужчина обладал крепкой и подтянутой фигурой. Это мы можем увидеть по подгруппе «Некрасивость мужчины»: *Много красы: одни скулы да усы; У него ножки, как сошки; Костоват, как ери; Толст, как бочка; Его натоцак не обойдешь; Его в три обхвата не обнимешь*.

Если говорить не о внешних качествах мужчины, то можно заметить, что чаще его оценивают по тому, как выглядит дом: *Всякий дом хозяином хорош; Хозяин добр – и дом хорош; Хозяин худ – и в доме тож*. О качествах мужа судят по его жене: *Жена по мужу честна; У милостивого мужа всегда жена досу́жа; У умного мужа и глупая жена досу́жа; У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*. Поэтому для звания хорошего мужа мужчине необходимо было заботиться о своей жене: *Родители берегут дочь до венца, а муж до конца; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; Муж жену береги, как трубу на бане*. Но, помимо заботы, ему полагалось держать свою жену под контролем: *Шубу бей – теплей, жену бей – милей; Не пройдет без греха, у кого жена лиха; Жене спускать – добра не видать; Не верь коню в поле, а жене в доме*.

Из отрицательных качеств мужчины следует выделить такие, как занудство и жадность (*С ним и молоко киснет; С него шапки не снимешь*), а главное – отсутствие жены: *Не женат – не человек; Холостой – полчеловека; Холостой, что бешеный*. Впрочем, когда она появляется, это тоже не повод для радости: *Одинокому – хоть утопиться, женатому – хоть удавиться; Холостому: ох-ох, а женатому: ай-ай; Холостой охает, женатый ахает*. Муж был плох, если он стар (*Старый конь на убой, старый муж на смех; Старого мужа соломкой прикрою, а молодого сама отогрею*) или, что еще хуже, находился под контролем своей жены: *У нее муж по ниточке ходит; Муж у нее колпак; Он попался на кукан (в руки жены); Не то смешно – жена мужа бьет, а то смешно, что муж плачет*.

Стоит также отметить, что только в группе **Мужчины** есть подгруппы, которые содержат противопоставление мужских качеств (*Тих, да лих; Криклив, да отходчив; Шадровит, да миловид, а и гладок, да гадок; Хоть весь в заплатках, да парень с ухваткой*) или противопоставление внешности и внутренних качеств. Из анализа последней подгруппы можно опять же увидеть, что внутренние качества куда более важны, нежели внешняя красота: *Великонек, да плохонек, а маленек, да умненок; Вид блестящий, а сам смердящий; Рожей хорошо, да умом тетерев*.

Перейдем к описанию второй семантической группы – **Женщина**. Данная группа делится на четыре подгруппы, что связано с социальной ролью женщины в традиционном русском обществе, когда ее в качестве невесты выбирал мужчина, а

точнее, семья мужа. Жизнь женщины четко была поделена на два периода: до замужества (подгруппы *Девка, Невеста*) и после (*Женищина, Жена*).

Как уже упоминалось, внутренние качества человека ценились больше, нежели внешняя красота. В полной мере это относится и к женщине. Чаще всего пословицы и поговорки с позитивной окраской употребляются в адрес незамужних девушек. Но очевидно и то, что очень многие паремиологические единицы подчеркивают женскую красоту независимо от возраста женщины: *Кругла, бела, как мытая репка; Хороша, как писаная миска; Красна, как маков цвет; Грудь Лебедина, походка павлина; Кругла, пухла, бела, румяна, кровь с молоком; Красная краса – русая коса*. Из этих паремиологических единиц нельзя установить, о ком именно говорится: о девушке или зрелой женщине. Но можно определенно сказать, что идеал женской красоты – это белокожая, с румянцем на лице, чернобровая, статная, здоровая женщина в теле, с длинной косой. Во многом это относится и к девушке: *Коса – девичья краса; Девичье тельце – натрушено сенцо. Пух в атласе; Девичья коса – на всю Москву краса; Природнатрубчатая коса – дорога девичья краса*. Стоит лишь отметить, что чаще всего «*Девка красна до замужества*».

Паремиологические единицы, описывающие некрасивость женщины, употреблялись в адрес любой женщины, независимо от возраста. Некрасивой считалась слишком полная женщина (*Толста, толста, проста, проста*) или, наоборот, слишком худая (*Костлявая девка – тарань рыба*). Порицанию также подвергались мужеподобные женщины (*Этой бабе только штаны надеть*) или же те, кто переусердствовал в стремлении быть красивой, у кого красота неестественная (*Черны брови наводные, русы кудри накладные*).

Подчеркнем, что внешняя красота женщины ценилась не так высоко, как способность женщины быть хорошей помощницей для мужа: *Не наряд жену красит – домостройство; Красна пава пером, а жена нравом; Красна пава пером, а жена мужем; Жена мужем красна*.

Переходя к описанию внутренних качеств женщины, важно отметить, что количество паремиологических единиц с негативной оценкой намного больше, нежели с позитивной. Смеем предположить, что такая тенденция наблюдается, во-первых, из-за вторичности (после мужчины) положения женщины в обществе, во-вторых, из-за присущего русским людям пессимистического взгляда на мир: русские чаще ругают или осуждают себя и других, нежели говорят что-то хорошее. Возможно, это происходит из-за того, что хорошее рассматривается как норма, как своеобразная точка отсчета, а потому редко упоминается. И всё же пословицы и поговорки с позитивной оценкой в адрес женщин есть. Такие идиомы мы поделили на несколько подгрупп. Представим единицы из подгруппы «Качества хорошей женщины/бабы/хозяйки»: *Хозяйка в дому – что оладьи в меду; Хохлатые курицы двором ведутся, а веселые девушки хозяйкой; У нас и баба зауряд в рекруты идет; Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*. Из них видно, что главное качество хорошей женщины – это умение вести хозяйство.

«Качества хорошей жены» раскрываются немного иначе. Чаще всего в пословицах и поговорках говорится, что здоровая добрая жена – это уже хорошо: *На что корова, была бы жена здорова; Доброю женою и муж честен; Три друга: отец,*

мать да верная жена. Кроме того, хорошей считается жена, которая была невинна до замужества (Не бери жену богатую, бери непочатую; Дом купи крытый, кафтан шитый, а жену непочатую) и которая уважает своего мужа (Жена мужа почитай, как крест на главе; Мое дело – сторона, а муж мой прав).

Молодых же девушек считали хорошими уже даже за то, что пока они не замужем (*Девушки хороши, красные пригожи, да отколь злые жены берутся?; Хорошая невеста – худая жена; Девка не жена: порода не одна; О девке худа не молви*) или уже помолвлены (*Хороша та девка, что засватана*). Ценились в девицах и такие качества, как скромность (*Смиренье – девичье ожерелье; Девичье терпенье – жемчужное ожерелье; Не берись, девка, за лапту* (будь скромна), разумность (*Девка – немка: говорить не умеет, а все понимает; Девка ничего не знает, а все понимает; Делано на девочку, а поворочено на мальчика* (об умной девке); *Хвалят на девке шелк, когда в самой девке есть толк*), ее невинность (*Видена девка медяная, а не видена золотая*).

Далее перейдем к описанию отрицательных женских качеств. Как было сказано выше, их намного больше, чем положительных. Одними из самых распространённых считались болтливость – «язык без костей» (*Где баба, там рынок, где две, там базар; Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Бабу не переговоришь; Бабыя вранья и на свинье не объедешь*), непостоянство, перемена мнений (*Женские умы – что татарские сумы* (переметны); *На женский норев нет угадчика; На женские прихоти не напасешься; Женских прихотей не перечтешь; Женские думы изменчивы; Меж бабым да и нет не проденешь иголки*), чрезмерная чувствительность, плаксивость (*Женский обычай – слезами беде помогать; Женский обычай – делу слезами помогать; Без плачу у бабы дело не спорится; У баб да у пьяных дело спорится; Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже*). Довольно часто в паремиях о плохих качествах женщины есть упоминания о ее связи с нечистой силой, сравнение с ней: *Баба да бес – один у них вес; Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; Где сатана не сможет, туда бабу пошлет; Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке*. Иногда доходит даже до того, что женщину перестают воспринимать как человека: *Курица не птица, а баба не человек; Кобыла не лошадь, а баба не человек; От нашего ребра нам не ждать добра*.

В подгруппе «Качества плохой жены» первое место занимает такая черта, как злоба: *Всех злее злых злая жена; Злая жена – поборница греху; Злая жена – та же змея; Лучшие жить со змеею, чем со злою женою; Лучшие камень долбить, нежели злую жену учить; Лучшие хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Перед злой женою сатана – младенец непорочный; Из дому жена, а из лесу змея* (выживает); *Злая жена сведет мужа с ума; От злой жены одна смерть спасает да пострижение*. Показательно, что пословицы и поговорки, описывающие данную черту характера, занимают 60% в подгруппе о женах. Но даже такие, единично встречающиеся качества, как лесь (*Жена льстит – лихое мыслит; Жена ублажает – лихое замышляет*), «худой» характер (*Худая жена – лишняя сухота; Худая жена – кара господня*), отнюдь не комплиментарно характеризуют жену. Однако о вдовстве женщины всегда говорят с состраданием: *Без мужа жена – всегда сирота*.

С юными незамужними девушками, как показал анализ нашего материала, дело обстоит иначе. Их «ругают» намного меньше, нежели замужних зрелых женщин. В основном негативные высказывания в адрес девушек объясняются тем, что те говорят одно, а хотят совсем другого: *Девичья память да девичий стыд – до порога; Девичье нет – не отказ; Гонит девка молодца, а сама прочь нейдет; Девушка что тень: ты за нею, она от тебя; ты от нее, она за тобой; Девичий стыд до порога: переступила, так и забыла.*

Важным событием считался выбор невесты. В традиционной русской семье к ней было весьма много требований, поскольку от будущей жены слишком много зависело. См. примеры из нашего материала: *На молодой жениться – с молодцами не водиться; Богатую взять – станет попрекать; Хорошую взять – много будут люди знать; Умную взять – не даст слова сказать; Знатную взять – не сумеет к работе пристать; Жену выбирай не глазами, а ушами* (по доброй славе). Подчеркнем, что, по результатам анализа материала, при выборе жениха такого обширного списка требований к нему мы не зафиксировали. Этот факт вновь демонстрирует вторичную роль женщины в традиционной русской семье. Более того, мужчин даже жалеют, что они женятся: *Взял Фома Лукерью – суд божий пришел; Для щей люди женятся, а от добрых жен постригаются; Не плачь, девка, что отдают за парня: плакать бы ему, что берет беду; Женился на скорую руку да на долгую муку.*

Отметим, что нами обнаружена группа паремиологических единиц со значением «Негативное высказывание о человеке с помощью отсылок к женщинам». И хотя пословиц и поговорок в данной группе не слишком много, все же они показательны, поскольку демонстрируют негативное отношение к тем, кто совершает поступки, соответствующие женщинам (*Наряжается, что баба на Юрья; Наряжается, что Маланья на свадьбу; У тебя память девичья; Коротка, что девичья память*), а также к тем мужчинам, которые ведут себя как женщины (*Бабе спустишь – сам баба будешь; Кто с бабой свяжется – сам баба будет*). Заметим, что паремий, демонстрирующих подобную тенденцию в отношении мужчин, нами не обнаружено.

Перейдем к описанию третьей выявленной нами семантической группы паремиологических единиц, в которых противопоставлены мужчина и женщина. Анализ группы **Противопоставление мужчины и женщины, мужа и жены** позволил нам выделить три типа отношений между мужчиной и женщиной в русской языковой картине мира.

Первый тип демонстрирует гармонию в отношениях пары: *Муж – голова, жена – душа; Девка – щепка, парень – камень; Муж да жена – одна душа.*

Второй тип показывает отношения, в которых хороший муж страдает от плохой жены: *Муж в бедах, жена в гостях; Муж в голях, жена в бусовых серьгах; Муж в поле пахать, а жена руками махать.*

Третий тип – это отношения, в которых, наоборот, хорошая жена при плохом муже: *Не столько муж мешком, сколько жена горшком; Жена прыдет, а муж пляшет;*

Паремиологических единиц, в которых отражены представления о женщине, выявлено в два раза больше, чем о мужчине (196 по сравнению с 84); выявлена общая для мужчин и женщин тенденция к предпочтительности внутренней красоты над внешней (ср. 185 паремий о внутренних качествах человека по сравнению с 46 о внешности); в отношении мужчины выявлено две подгруппы паремий (о мужчине / хозяине и о муже), а в отношении женщины четыре (женщина / баба, девка, невеста, жена), что непосредственно связано с укладом традиционной русской семьи, с первостепенной ролью в ней мужа, хозяина и второстепенной (но важной, определяющей духовность семьи) ролью жены; паремиологических единиц с отрицательными коннотациями в сравнении с положительными выявлено примерно в соотношении 60 % к 40%, что связано с общим некомплементарным характером русского фольклора и подтверждает положение о том, что национальный фольклор больше критичен и нелюбезен по отношению к русским, чем хвалебен и комплементарен [Соловьев 2001], а также тенденцией к излишней его дидактичности, нравоучительности: русский человек чувствует гораздо большую потребность передать отрицательную, опасную информацию, чтобы быть к ней лучше подготовленным.

Библиографический список

- Даль В.И. Пословицы русского народа. 1979. Том 1 – 384 с. Том 2 – 398 с. 1979.
Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
Мартынова А.Н., Митрофанова В.В. Пословицы. Поговорки. Загадки. М.: Современник, 1986. 512 с.
Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
Соловьев В.М. Тайны русской души. М.: Русский язык, 2001. 199 с.
Телия В.Н. (в соавт. с А.В. Дорошенко) Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости нескольких словных образований // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея С.Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 207–216.

O.V.Nikonova

Student of the Faculty of Philology
Perm State National Research University

GENDER STEREOTYPE THROUGH THE PRISM OF TRADITIONAL RUSSIAN PAREMIOLOGY

The article presents the results of studying the proverbs with gender semantics in linguo-cultural aspect. The purpose of investigation was to reconstruct the national linguistic world-image of the man and woman in traditional Russian society.

Keywords: linguistic world-image, gender, proverb.

УДК 81'42.004.522

Виктория Васильевна Свистак

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

svistak.victoria@gmail.com

Научный руководитель:

Наталья Васильевна Данилевская

д-р филол. наук, профессор кафедры

русского языка и стилистики (ПГНИУ)

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ТЕЛЕПРОГРАММЕ «ВЕЧЕР С ВЛАДИМИРОМ СОЛОВЬЕВЫМ» (к вопросу о кажимости в политическом медиадискурсе)

В статье представлен результат исследования речевого воздействия в рамках политического медиадискурса. Анализируются речевые стратегии и тактики телеведущего в авторской программе В.Р. Соловьева «Вечер с Владимиром Соловьевым». Утверждается, что выявленные стратегии и тактики свидетельствуют об отсутствии заявляемого В. Соловьевым дискуссионного характера его телепередач.

Ключевые слова: медиадискурс, модус кажимости, речевые стратегии и тактики, воздействие.

Одним из самых интересных типов современного медиадискурса является *телевизионный дискурс*. Именно телевизионные СМИ в большой степени формируют общественное мнение, потому что способны одновременно охватить огромную и разнородную по своей структуре аудиторию. К тому же, телевидение обладает большим набором и вербальных, и невербальных инструментов для передачи тех или иных смыслов адресату.

Стоит отметить, что в наши дни отечественное телевидение очень политизировано. Это связано как с пропагандистскими целями действующей власти, так и со стремлением самих СМИ привлечь граждан к политической активности. Поэтому уже можно и нужно говорить о *политическом дискурсе* внутри телевизионного медиадискурса.

Телевизионный ведущий – один из важных типов языковой личности. Телезрители часто ассоциируют его либо с голосом «своей» власти, либо, наоборот, с голосом «чужой западной цивилизации» [Карасик 2002: 11–12]. Однако, в любом случае, тележурналист должен обладать инструментами воздействия на свою аудиторию. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, «политик должен подбирать такие языковые средства в своих текстах, которые смогли бы донести до массового сознания все необходимые ему смыслы и сформировать общественное мнение и определенную оценку» [Маслова 2008].

Проблема речевого воздействия волнует многих исследователей в области лингвистики, социологии, психологии. «Под речевым воздействием – в широком смысле – понимают речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [Иссерс 2008: 21].

Субъект речевого воздействия влияет на поведение своего собеседника, управляет ходом речевых действий в разговоре. Это возможно лишь с помощью применения речевых и неречевых тактик и стратегий подчинения.

Под **речевой стратегией**, вслед за О.С. Иссерс, мы понимаем совокупность действий, направленных на достижение коммуникативных целей [Иссерс 2011].

Обратим внимание на стратегию дискредитации. Дискредитация, как правило, реализуется в частных стратегиях обвинения, насмешки, оскорбления. Она имеет отношение к социальному статусу говорящего, его личностной ценности в обществе.

Кроме стратегий, существуют еще и **речевые тактики**, под которыми подразумеваются специальные речевые действия, направленные на реализацию той или иной стратегии [Иссерс 2008: 110]. Это, например, такие тактики, как *контроль над темой, угроза, обвинение, самопрезентация, блокирование темы* и др.

Говоря о политическом дискурсе, нельзя обойти стороной понятие **кажимости**, которое мы определяем как «содержательную характеристику политического дискурса, отражающую расхождение между глубинным смыслом публичной речи и ее языковой формой, несоответствие декларации и декларируемого» [Данилевская 2010: 52]. Модус кажимости представляет собой «переходное звено» в познавательной деятельности человека [Семенова 2007]. Через модус кажимости определяется понимание человеком действительности, определенной ситуации. Поэтому адресант использует кажимость как инструмент воздействия на картину мира реципиента.

Попытаемся проанализировать особенности языкового воплощения модуса кажимости в текстах авторского общественно-политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым».

Выбор данного материала для исследования продиктован, во-первых, популярностью этой программы, во-вторых, ее противоречивостью: у вдумчивого зрителя после просмотра неизменно остается ощущение двойственности – увиденное и услышанное вырисовывается одновременно и как свободная дискуссия и как жесткий разговор ведущего с игрой в одни – собственные – ворота.

По словам самого В.Р. Соловьева, в его передаче представлены сразу несколько форматов: от интервью «один-на-один» до «круглого стола». Однако можно ли здесь говорить о дискуссии, покажут результаты исследования.

Мы проанализировали эфир от 23 ноября 2017 г., в рамках которого состоялась дискуссия ведущего (В. Соловьева) с одним из участников предвыборной борьбы за пост президента РФ – Ксенией Собчак.

Наш специальный лингвопрагматический анализ показал, что многие концептуально значимые детали дискуссии открылись и стали понятными только при повторном – специальном, изучающем – чтении.

Так, выяснилось, что одна из самых любимых коммуникативных стратегий В. Соловьева как ведущего – это **стратегия подчинения (подавления)**. Причем

подчинение реализуется в речи В. Соловьева через несколько вспомогательных тактик, а именно через *дискредитацию, намеренное уничтожение, аннулирование ответной реакции, угрозу, запугивание* и под. Попытаемся обосновать свое утверждение.

Сначала ведущий приветствует гостя и сразу же ставит главный вопрос, ответ на который хочет получить в течение программы, – *Так что главное: победа или участие?*

Этот общий вопрос В. Соловьев конкретизирует предложением найти К. Собчак свое место в оппозиции. Ср.:

– *Ну вот хорошо, миллионы людей вышли, сказали «Я против». При этом это не значит, что они за вас. «Я против» у них будет, предположим, **Явлинский**. «Я против» у них будет **Жириновский**. «Я против» у них будет **Зюганов**. И каждый из них говорит о несправедливости. Каждый из них говорит о коррупции, о том, что не так подсчитывают. В чем отличие?*

Ксения Собчак тоже сторонник оппозиции, поэтому вопрос, чем она отличается от остальных, вполне справедлив. И она отвечает на вопрос, подчеркивая, что все перечисленные люди не желают выигрывать и что-то менять в государстве, им удобно просто поучаствовать в выборах, а после них дальше «сидеть в своих партиях». Однако К. Собчак так и не дала конкретный ответ, нужна ли ей победа на президентских выборах 2018, потому что последовала следующая порция размышлений ведущего и следующий вопрос:

– *Смотрите, были люди, которые хотели жить по другим правилам, они входили в координационный совет оппозиции. Они между собой даже не смогли ни о чем договориться, переругались с дикой силой, все друг друга ненавидят и устраивают такие **крысиные гонки**. А главное, Ксения Анатольевна, вам не кажется, что вас просто используют?*

Здесь бросается в глаза, что говорящий не дает «гостю» защитить свой статус оппозиционера (ср. грубо-оскорбительное «крысиные гонки») и ломает тему оппозиции вопросом об «использовании». Мы называем такую коммуникативную тактику **аннулирование ответной реакции**; такая тактика особенно эффективна, если ведущий стремится не дать собеседнику размышлять на «ненужные» темы, намеренно переключает его на что-то коммуникативно более, с точки зрения автора, выгодное.

И действительно, К. Собчак «поймала крючок» и переключилась:

– *Кто конкретно, Владимир Рудольфович, меня использует?*

На протяжении всего эфира В. Соловьев активно использует стратегию **дискредитации оппонента**. Для этого он применяет различные коммуникативные ходы, которые уместны в том ли ином случае. Например, Владимир Рудольфович **намекает на политическую непорядочность** Ксении Анатольевны. Ср.:

Соловьев В.: *Ну вы только что разделяли либеральные идеи предыдущей партии Касьянова, но с ним не договорились, теперь разделяете либеральную партию...*

Собчак К.: *Нет, я не договаривалась с Касьяновым. Я вела переговоры с самым широким кругом сил.*

Соловьев В.: ***И с каждой из этих сил были тоже согласны?***

Так В.Соловьев как бы открывает телезрителю еще одну слабую сторону своего оппонента, давая понять, что К. Собчак не имеет собственных взглядов и определенной позиции. По сути, аргумент К. Собчак о том, что она взаимодействует с широким кругом сил и это для нее «плюс», В. Соловьев оборачивает в минус, ловко вставляя в нужный для этого контекст.

Дискредитация оппонента реализуется в устах В.Соловьева и с помощью **тактики «обратного подхвата»**, когда говорящий, поддерживая реципиента по форме, содержательно как бы разбивает справедливость его аргумента. См.:

Собчак К.: *Руководители регионов должны избираться. Мы все это знаем. И это как бы так и происходит. Но они должны избираться по-настоящему: без указки президента, без трюков с исполняющими обязанности, без того, что человек, который раньше был в Вологде, теперь в Новосибирске, и такое ощущение, что точно так же, как наперсточники, можно переставлять одни и те же фигуры...*

Соловьев В.: ***Ну, вы раньше были в Питере, теперь в Москве, теперь в государстве.***

Хорошо работает на дискредитацию и тактика **намеренного унижения**. Такой ход хорошо виден, когда телеведущий принижает социальный статус оппонента путем сопоставления его с более сильной личностью. Так, В. Соловьев упоминает имя Галины Старовойтовой. В этот момент происходит скрытое сравнение двух женщин, и ведущий таким образом принижает статус своего оппонента, намекая на «мелкость» личности Ксении Собчак. Ср.:

– *Не боялась Галина Старовойтова, великая, которая действительно была бы, пожалуй, самым сильным кандидатом, ну скажем, от женщин на том историческом этапе.*

Приведем еще один пример, который демонстрирует тактику **игры на непонимание**. К.Собчак говорит о том, что при В. Путине страна (в какой-то момент) застала самые высокие нефтяные доходы. В. Соловьев с этим соглашается. Однако после слов Ксении Анатольевны о том, что за это время можно было бы создать другую экономику, ведущий отвечает собеседнику:

– *Да-да, я хочу понять, значит, вы специалист в экономике, вы готовы построить эту...*

Понятно, что К. Собчак в данном случае явно не претендовала на звание специалиста в экономике, а всего лишь прокомментировала ситуацию, сложившуюся при действующей власти.

Аналогичный пример:

Соловьев В.: *Проблема только в том, Ксения Анатольевна, что в нашей стране живут не только 35-тилетние, не только пользователи интернета...*

Собчак К.: *Эти люди – это активное население нашей с вами страны.*

Соловьев В.: ***Стариков предлагаете вывезти в лес и забыть?***

Собчак К.: *Нет, я предлагаю, чтобы мы, это поколение, которое активное, которое работает, которое хочет жить в молодой прогрессивной России, сделало*

все, чтобы эти старики жили хорошо, чтобы эти старики поняли, какая взаимосвязь между Крымом и тем, что денег в стране стало меньше.

Соловьев В.: *Понятно, **то есть старики тупые?***

Еще одной частотной коммуникативной тактикой В.Соловьева является **запугивание, угроза**. Приведем примеры из анализируемого телеэфира:

Собчак К.: *Я человек, который объединяет всех тех, кто не согласен с той системой несвободы, несправедливости, которая сегодня создана в нашей стране.*

Соловьев В.: ***Объединение, я понимаю, когда проводит человек, у которого безупречная репутация...*** [этим намеком говорящий дает понять телезрителю, что его оппонент не тот человек, который должен вести за собой людей. В этом же В. Соловьев пытается убедить и саму К. Собчак.]

Собчак К.: *Владимир Рудольфович, на вашем месте я бы вообще слово репутация не произносила. Вот извините, пожалуйста.*

Соловьев В.: *Ксения Анатольевна, на моем месте **можно было бы ответить за свои слова.***

Собчак К.: *Вы сказали, что у меня какая-то не такая репутация.*

Соловьев В.: *Да. **Вы хотите, чтобы я вам напомнил видео, в которых вы говорите про Русь?***

В данном отрывке телеэфира ведущий дискредитирует К. Собчак и наиболее явно использует тактику **речевой агрессии** (см. выделенное выше), которая представляет собой «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манеру речи, оскорбляющую чье-либо самолюбие, достоинство» [Кожина 2011: 340]. Здесь также можно говорить об одновременном использовании стратегии дискредитации со стратегией подчинения. Например, В. Соловьев использует **тактику угрозы**, упоминая видео, которое, по всей видимости, не очень хорошо может повлиять на репутацию будущего кандидата в президенты.

Подчеркнем, что обычно к речевой агрессии прибегают от безысходности, когда заканчиваются аргументы против собеседника.

Рассматриваемый диалог заканчивается на очень негативной ноте. Ср.:

Соловьев В.: *Вы всего лишь часть питерской элиты, которой очень хочется в новом качестве найти себя после президентских выборов.*

Собчак К.: *Вы врете прямо сейчас, впрочем, как обычно.*

Соловьев В.: *Вы измарались, придя сюда.*

Собчак К.: *Я пришла, потому что я пришла не к вам. Понимаете? Я пришла, как приходят, когда есть нужда, приходят в общественный туалет. Я пришла к вам, чтобы говорить со своими избирателями.*

Соловьев В.: *И надо отметить, вы излили все содержимое вашего кишечника и показали свою обнаженную пятую точку. И как это часто бывает, оскорбить этим вы можете только себя, потому что только вы, считая себя кандидатом в президенты, придя сюда, показали отношение к моей аудитории, отношение к пожилым людям, отношение к каналу, отношение ко мне.*

К. Собчак привела не самое удачное сравнение, сопоставив причины прихода в студию с первичными потребностями человека. Однако это дало хорошую

возможность В. Соловьеву в очередной раз дискредитировать своего оппонента. Ведущий сделал заключение, что К. Собчак как кандидат в президенты страны безразлично относится к аудитории программы В. Соловьева. Это стало точкой данного эфира.

Подводя итог, отметим, что те речевые стратегии и тактики, которые использует в своем эфире В. Соловьев, никоим образом не соотносятся с понятием *демократической/свободной дискуссии*. Композиционно- и смыслоорганизующей стратегией автора является подчинение, подавление собеседника, а инструментарием этой стратегии выступают, как мы пытались показать, тактики дискредитации, намеренного уничтожения, аннулирования ответной реакции, угрозы, запугивания, т.е. именно такие, с помощью которых легко решается задача подавления воли и сознания коммуниканта.

Таким образом, вполне можно говорить о том, что та дискуссия, о которой В. Соловьев заявляет как о сути своих передач, часто оказывается лишь *кажимостью*, фасадом, за которым скрывается нечто вроде «диалогического монолога» самого ведущего, потому что именно В. Соловьев управляет в программе всеми коммуникативными действиями, направляя их в нужное для него русло.

Библиографический список

Данилевская Н.В. «Кажимость» политического текста: миф или реальность? // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М.П.Котуровой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 51–59.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

Иссерс О.С. Речевое воздействие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. // В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. // URL: <https://ru.scribd.com/doc/52113602/Языковой-круг-личность-концепты-дискурс>. (Дата обращения: 21.05.2018).

Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. С. 43-48. // URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/maslova-08.htm>. (Дата обращения: 26.05.2018).

Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка): автореф. дис. д. филол. наук. Иркутск, 2007. // URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/lingvisticheskij-fenomen-kazhimosti.html>. (Дата обращения: 03.05.2018).

V.V. Svistak

Student of the Faculty of Philology
Perm State University

SPEECH STRATEGIES AND TACTICS IN THE TV PROGRAM «THE TONIGHT WITH VLADIMIR SOLOVIEV» (to the question of appearance in political discourse)

The article presents the result of the study of speech influence within the framework of the political media discourse. The speech strategies and tactics of the TV presenter are analyzed in V.R. Soloviev's author's program «The tonight with Vladimir Soloviev». It is asserted that the revealed strategies and tactics testify to the apparent controversy of V. Soloviev's television programs.

Key words: media discourse, appearance, speech strategies and tactics, influence.

УДК 371'3:81.161.1

Елена Николаевна Ужегова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
uen-110@yandex.ru
Научный руководитель:
Кыркунова Лариса Геннадьевна
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и стилистики (ПГНИУ)

ОБУЧЕНИЕ СТИЛИСТИКЕ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Статья посвящена проблемам преподавания стилистики в школе. Качество обучения стилистике влияет на формирование коммуникативной компетентности школьников. Без создания пособий нового поколения, качественного изменения преподавания основ стилистики, современных методик обучения, увеличения количества учебных часов на изучение стилистики невозможно решить указанную задачу. Приведены примеры применения современных методик в МАОУ «Лицей №10» г. Перми. Предложены рекомендации по оптимизации учебной деятельности школьников с целью формирования их коммуникативных умений.

Ключевые слова: коммуникация, стилистика, основная общая школа, компетентностный и системно-деятельностный подходы, коммуникативная компетентность.

В действующем в настоящее время ФГОС особое место отведено формированию коммуникативной компетенции учащихся основной школы. *Метапредметные результаты* освоения образовательной программы основного общего образования наряду с прочим должны отражать умение обучаемых осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации для выражения чувств, мыслей и потребностей; планирования и регуляции своей деятельности; владение устной и письменной речью, монологической контекстной речью.

Личностные результаты освоения основной образовательной программы должны отражать формирование коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками, детьми старшего и младшего возраста, взрослыми в процессе образовательной, общественно полезной, учебно-исследовательской, творческой и других видов деятельности.

Предметные результаты изучения предметной области "Филология" должны демонстрировать овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии языка, нормами литературного языка (орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными), нормами речевого этикета; формирование опыта их использования в речевой

практике при создании устных и письменных высказываний; стремление к речевому самосовершенствованию.

Важно отметить, что учитель-словесник, помимо необходимости исполнять регламентирующие положения руководящих документов, обязан ответить на существующий в обществе объективный запрос на развитие у ребенка умения полноценно и эффективно взаимодействовать с другими членами общества. Еще А.А. Леонтьев, занимавшийся изучением теории общения, полагал, что для полноценного общения необходимо уметь произвольно и осознанно варьировать выбор и сочетание речевых операций (навыков) в зависимости от того, с какой целью, в какой ситуации, с каким собеседником происходит общение. Когда человек к этому способен, он обладает сформированным коммуникативно-речевым умением. Это означает сформированность умения выбрать стиль речи исходя из коммуникативной задачи, подчинить форму речевого высказывания цели общения, использовать самые эффективные для данной речевой ситуации средства языка. Кроме того, А.А. Леонтьев отмечал, что речевые навыки по своей природе механичны. Коммуникативно-речевые умения в отличие от них носят творческий характер, так как условия общения никогда не повторяются полностью, и каждый раз человек вынужден подбирать нужные языковые средства. Следовательно, и приемы обучения коммуникативно-речевым навыкам должны отличаться от приемов обучения речевым навыкам [Леонтьев 2003:116].

Общеизвестно, что основным научным направлением, изучающим возможности использования языковых ресурсов русского языка для решения задач наиболее эффективного достижения целей общения, является функциональная стилистика. Сегодня стилистика – отрасль языкознания, разрабатывающая вопросы, связанные с описанием не только средств речевой выразительности, но и закономерностей функционирования языка, обусловленных задачами наиболее целесообразного использования языковых единиц в зависимости от содержания высказывания, целей, ситуации и сферы общения. По мнению М.Н. Кожиной, стилевые нормы касаются трех основных параметров стиля: *отбора* языковых средств, *правил* их сочетаемости между собой и *соотношений* межстилевых и собственно стилевых языковых явлений. Стиль должен быть таким, чтобы использованные в нем средства и их организация давали необходимый эффект, то есть наилучшим образом обслуживали соответствующие им сферы человеческой деятельности [Кожина 1977: 87]. По мнению Е.А. Столяровой, стилистика – наука о высоком уровне речевой культуры [Столярова 2004: 6].

Таким образом, важнейшей методической целью при изучении русского языка и литературы в основной школе является формирование у обучающихся навыка спонтанной связной речи на заданную тему, умения свободно и точно излагать свои мысли. Задача учителя – развить у обучаемых способности использовать весь спектр допустимых в конкретной ситуации языковых средств. Стремлением оценить уровень овладения именно этими компетенциями

обусловлено введение в итоговую аттестацию школьников по русскому языку устной части экзамена.

Итак, обучение в основной школе должно обеспечивать достижение учащимися перечисленных выше *личностных, предметных и метапредметных* результатов. Для достижения этих целей школьникам необходимо освоить основы стилистики русского языка.

Действующие учебно-методические комплексы (УМК) включают темы, посвященные этому разделу языкознания. Так, в УМК Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой и др., придерживающемся традиционной системы обучения русскому языку в 5-6 классах, стилистический материал включен в разделы, связанные с культурой речи [Ладыженская 2012: 149-168]; УМК по русскому языку под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта, для которого характерно углубленное изучение тем, связанных с развитием речи, в 5 классе включает раздел «Развитие речи» [Разумовская 2015: 18-22, 58-55, 129-137, 195-207, 237-246, 268-280]; в 6 классе содержит раздел «Стили речи» [Разумовская 2016: 68-80]; по УМК Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, Л.Ю. Комиссаровой, И.В. Текучёвой, Н.А. Исаевой, являющемуся частью развивающей образовательной системы «Школа 2100», в 5 классе школьники изучают нейтральные и стилистически окрашенные слова, разговорный, художественный и научный стиль [Бунеев 2016: 204-224], в 6 классе знакомятся с книжной лексикой и официально-деловым стилем [Бунеев 2012: 71-78].

Казалось бы, необходимые условия формирования коммуникативной компетенции соблюдены, соответствующий материал для изучения в школьном курсе предусмотрен. Однако практика показывает, что старшие школьники, пройдя курс обучения в основной школе, зачастую оказываются неспособными даже на самом элементарном уровне выразить свои мысли, продуктивно и качественно выстроить общение, не говоря уже об использовании богатейшего потенциала разнообразных средств русского языка, использовании приемов художественной выразительности, создании ярких и информативно насыщенных высказываний.

Для выяснения причин этого явления необходимо более детально изучить содержание систематического курса и подходы к его преподаванию в основной общей школе.

Анализируя содержание теоретических материалов и практических упражнений, предлагаемых учащимся в период школьного обучения, мы видим, что преподавание русского языка ведется с позиций «структурного» подхода. Школьники постепенно осваивают различные уровни языковой системы (фонетический, орфоэпический графический, морфемный, орфографический, морфологический, синтаксический). При этом отсутствует «функциональный» подход к изучению языковых единиц, который отражал бы роль, функцию тех или иных речевых средств, используемых в различных ситуациях человеческого общения. В результате же реализации только «структурного», системного подхода к изучению русского языка дети, в лучшем случае, усваивают эту систему (синтагматические и парадигматические отношения между языковыми

единицами). Иногда даже этого не происходит – запоминаются лишь отдельные ее компоненты. В результате подростки знают язык (именно как систему), но не умеют эффективно применять его в условиях конкретной речевой ситуации для достижения актуальной в данный момент цели. Более того, они не осознают широчайшие возможности языка для построения эффективного общения, которые имеются в рамках языковой системы; не дифференцируют лингвистические инструменты в зависимости от особенностей речевой ситуации.

Данное наблюдение подтверждает внимательное изучение действующих в настоящее время школьных программ и УМК. Так, в УМК Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой и др. сведения о стилистике «растворены» в материале, касающемся культуры речи [Ладыженская 2012: 149-168].

УМК по русскому языку под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта для 5 класса содержит в себе три параграфа (из ста девяти!) и три часа в течение учебного года (при общем количестве отведенных на изучение русского языка 170/204 часов!) на изучение стилистических вопросов [Разумовская 2015: 219–137].

В УМК Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, Л.Ю. Комиссаровой, И.В. Текучёвой, Н.А. Исаевой для 5 класса стилистическим темам посвящено шесть учебных часов [Бунеев 2016: 2204-224].

При таком объеме учебного времени изучение основ стилистики осуществляется не систематически (в течение учебного года изучаются особенности одного – двух стилей), крайне эпизодически выполняются практические задания. Как следствие – коммуникативная некомпетентность целого поколения.

Неспособность в конкретной речевой ситуации подобрать необходимые для этого слова демонстрируют уже и взрослые люди. Ярким примером последствий школьной «недообученности» (а значит, впоследствии – профессиональной некомпетентности), является случай, произошедший во время трансляции матчей Чемпионата мира по футболу (летом 2018 г.). В один из ярких моментов игры российской команды с командой Саудовской Аравии, за которой следила значительная часть населения всей России, комментатор центрального телевизионного канала (профессионально обучавшийся речевой деятельности), сопровождавший трансляцию, просто не смог подобрать слов, чтобы выразить свои эмоции. Он никак не сумел описать ни свои, ни переполнявшие всех болельщиков чувства и вынужден был спеть строки какой-то песни, чтобы хоть как-то заполнить эфирную паузу. Более того, и другие комментаторы, работавшие на этом турнире, также не смогли продемонстрировать достойного уровня владения речью (какое можно было наблюдать у комментаторов, например, советского времени). Приведенный пример убеждает нас в том, что проблемы обучения основам стилистики и культуры речи становятся всероссийскими, и скрыть их уже не удастся.

На наш взгляд, вышеперечисленные трудности могут быть преодолены при условии изменения ракурса, с позиций которого выстраивается языковое

обучение: необходимо обеспечить изучение русского языка с акцентом на его стилистические возможности, его практическое использование. Систему подачи теоретического материала предлагается осуществлять на основе системно-деятельностного подхода, при котором материал не транслируется учителем, а «добывается» учениками в ходе их познавательной деятельности, особым образом организованной учителем.

В частности, для развития ассоциативного, образного мышления после изучения уровней языка учащимся предлагается изобразить языковую систему в виде этажей, расположенных друг над другом. Когда образ языковой системы будет представлен учениками, предлагаем поразмышлять над тем, какое место в получившемся здании займет стилистика. В ходе рассуждения школьники самостоятельно приходят к выводу, сделанному в прошлом столетии выдающимся лингвистом Г.О. Винокуром относительно объекта стилистики: «Объект стилистики – единицы языковой системы всех уровней (звука, слова, их формы, словосочетания, предложения), то есть язык изучается по всему разрезу его структуры сразу» [Винокур 1959: 183].

Особое значение для формирования коммуникативной компетенции учащихся приобретают интерактивные (например, групповые) формы работы. Нами успешно используется методика «мозаичного класса». Согласно этой методике, ученики являются членами постоянной рабочей группы, каждый получает свое уникальное задание. На подготовительном этапе работы каждый становится экспертом по своему вопросу. Например, первый ученик готовит сообщение для своей постоянной группы по теме «Особенности официально-делового стиля», второй готовится охарактеризовать научный стиль и так далее. Особенность технологии в том, что на этом этапе подготовки эксперты объединяются в экспертные временные группы. В рамках групп происходит обсуждение только одного общего для всех экспертов этой временной группы вопроса, выполнение общих упражнений. То есть осуществляется активный поиск решения в условиях так необходимой детям устной речевой деятельности и обмен информацией (взаимообучение). Итогом работы является возвращение экспертов в свои постоянные группы и презентация там изученного экспертной группой вопроса. Таким образом, буквально каждый ученик получает возможность максимально эффективного практического коммуникативного тренинга, построенного на глубоком изучении теоретического лингвистического материала.

Существенную роль в формировании коммуникативной компетенции школьников играют устные практики, которые проводятся нами в рамках изучения теории русского языка, а также курса литературы. Ученику предлагаются определенные речевые ситуации, приближенные к реальным, которые связаны с материалом соответствующего курса. Школьник, соблюдая определенные в задании условия ситуации, представляет устное монологическое высказывание по сути вопроса. Время ответа четко регламентировано, для школьников пятых-шестых классов оно не должно составлять менее трех минут.

Крайне важна работа по проведению стилистического анализа текстов, в особенности, взятых из реальных жизненных ситуаций.

На уроках литературы осуществляется дальнейшее развитие лингвистических умений школьников. Например, дети совместно с учителем очень подробно и многоаспектно анализируют на уроке всего одно слово, вдумываясь в малейшие нюансы и оттенки его значений, условия употребления, оказываемый на слушателя эффект. Ценна работа по сопоставлению иноязычного источника и вариантов его перевода на русский язык. Обучающиеся в ходе вдумчивого чтения разных вариантов перевода одного и того же произведения постигают стилистические возможности языка. Логическим развитием серии таких уроков становятся занятия по сопоставлению стилей разных авторов, выделения особенностей, присущих только конкретным художникам слова. Кроме того, школьники создают свои творческие работы – тексты определенного стиля и жанра, подражания стилю определенного автора, стилизованные варианты исторических источников и тому подобное.

В условиях недостатка учебных часов возможна разработка и внедрение в практику преподавания элективного курса стилистики.

Нами приведены примеры лишь некоторых методических приемов, форм и методов работы, призванных обеспечить достижение сложной, но вполне разрешимой задачи: подготовить школьников к участию в разнообразных видах коммуникации и быть в них максимально успешными.

Мы понимаем, что для изменения общего подхода к преподаванию русского языка в школе, активизации внимания к стилистическим его аспектам необходимы значительные усилия лингвистического сообщества. Однако только переход к интерактивным формам работы, наполнение системы упражнений материалом, отражающим реальные ситуации речевого общения, сможет обеспечить максимальную эффективность педагогической деятельности, а каждый учитель будет вооружен методическим инструментарием и окажется в силах помочь ребенку развить себя как творческую, культурную личность.

Библиографический список:

- Винокур Г. О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 207-226.
- Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
- Русский язык. 5 класс: учебник. Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцовой и др.; под науч. ред. Н.М. Шанского. М.: Просвещение, 2012. 192 с.
- Русский язык. 5 класс: учебник. Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В., Комиссарова Л.Ю., Текучёва И.В., Исаева Н.А.; под науч. ред. акад. РАО Леонтьева А.А. М.: БАЛАСС, 2016. 256 с.
- Русский язык. 5 класс: учебник. М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2015. 317 с.
- Русский язык. 6 класс: учебник. М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2016. 335 с.
- Столярова Е.Н. Современный русский язык и культура речи: конспект лекций. М.: Приор-издат, 2004. 128 с.

E. N. Uzhegova

Master Student of Philology Department

Perm State University

**THE LEARNING OF STYLISTICS DURING RUSSIAN LANGUAGE AND
LITERATURE LESSONS AS A NECESSARY COMPONENT OF FORMATION OF PUPILS'
COMMUNICATIVE COMPETENCE**

The article is devoted to the problems of teaching stylistics in school. The quality of teaching of stylistics effects on the pupils' communicative competence formation. The issue cannot be solved without creation of new generation teaching materials, a qualitative change of teaching, modern teaching methods, increasing the quantity of learning hours of stylistics. The article provides examples of using modern methods in PermLyceum No.10. Recommendations on optimization of pupils' educational activity for the purpose of their communicative abilities formation are offered.

Key words: communication, style, comprehensive school, competence and system-activity approaches, communicative competence.

УДК 81'42

Ксения Романовна Хмелева
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
khmeleva.ksyu96@mail.ru
Научный руководитель:
Наталья Васильевна Данилевская
д-р филол. наук, профессор кафедры
русского языка и стилистики (ПГНИУ)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОЭМЕ И.Ф. БОГДАНОВИЧА «ДУШЕНЬКА»

Статья посвящена исследованию особенностей языкового воплощения художественной концепции И.Ф.Богдановича в тексте поэмы «Душенька» и своеобразию стиля писателя, творившего во второй половине XVIII в. Выявляются способы реализации в тексте образа автора с учетом специфики его отношения к лирической героине, а также языковое выражение концепта *душа*, отражающего внутреннее наполнение Душеньки – главной героини поэмы. Утверждается значительная роль стилистического новаторства И.Ф.Богдановича в процессе развития русского литературного языка на рубеже XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: концепт, художественная концепция, поэтический язык, литературная традиция, художественное новаторство.

Лучшим произведением Богдановича – яркого представителя русского сентиментализма XVIII в. – стала поэма-сказка «Душенька», вышедшая в свет полностью в 1783г. На тот момент первая «книга» поэмы была уже известна в литературных кругах.

Миф античности в поэме предстает в травестийном виде, т.е. «дается не всерьез» [Гуковский 1999: 228]. В мифологическую канву произведения вплетаются «мотивы великосветской современности» отчего образы греческих персонажей сменяются окружением царей екатерининской эпохи.

Мифологические образы поэмы «Душенька» зачастую соотносятся с русскими историческими персонами, образ главной героини напрямую отсылает к портрету Екатерины II.

Концептуально значимым в произведении является то, что автор неоднозначно относится к своей героине, в связи с чем особый интерес вызывает вопрос о специфике построения художественной идеи произведения, а именно ее основополагающего образа – Душеньки, который лежит в основе всей художественно-образной системы текста. Лингвистическому анализу этого вопроса посвящено наше исследование.

Образ главной героини мы проанализировали сквозь призму известных сегодня в культурологии концептов «душа» и близкого к нему

концепта «красота», поскольку Душенька представляет собой воплощение существа прежде всего доброго, нежного, любящего, ранимого, ждущего любви и мечтающего о ней.

Одними из первых в отечественной лингвистике понятие концепта рассматривали такие исследователи, как С.А.Аскольдов-Алексеев и Д.С. Лихачев. В сборнике по концептосфере русского языка дается следующее самое общее определение концепта, предложенное С.А.Аскольдовым-Алексеевым: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Лихачев 1993:3]. Вследствие этого концепт выполняет функцию замещения «некоторых сторон предмета или реальных предметов» [Лихачев 1993:3]. В нашей работе мы попытались проанализировать характерные качества и черты концептов «душа» и «красота». По определению О.Н.Кондратьевой, *Душа*, выступает одной из ипостасей «внутреннего человека» и концептуализируется с помощью витальных характеристик, а также признаков внешности и характера [Антология концептов 2005: 85]. Основными семантическими полями концепта «душа» являются такие ментальные признаки, как мышление, мудрость и просвещение, образное воплощение души соотносимо с понятием сосуда.

Многогранность и глубокий замысел художественной концепции И.Ф. Богдановича в общем сосредоточивается в прекрасном, сложном и одновременно противоречивом образе Душеньки.

Так, с одной стороны, Душенька красива внешне: образ ее красоты представлен и в «отлитых из золота-серебра бюстах и медалях», и в «высшем пьедестале», на который ставит ее автор, где она наравне со статуями божественных красавиц и цариц, и даже в восклицании автора о Душеньке «*И боле красотой других превышает*» [Богданович 1783:43] Автор увековечивает красу Душеньки фразой «*Во всех ты, Душенька, уборах хороша*». [Богданович 1783:45]

С другой стороны, Душенька прекрасна внутренне: анализ художественного замысла И.Ф.Богдановича свидетельствует о том, что одной из главных черт души главной героини поэмы является бескорыстная любовь к своему супругу; немаловажными качествами ее души являются также страдание от одиночества и желание жить для любимого:

*Прости, Амур, Прости! Царевна вопияла;
И в тот же час лихой,
Узрев бездонную там пропасть под горой,
С вершины броситься в ту пропасть предприняла:
Пошла, заплакала, с платочком на глазах,
Вздохнула, ахнула и бросилась в размах...* [Богданович 1783:74]

В этих качествах героини реализуется, на наш взгляд, общечеловеческое представление о *душевности* как об определенной индивидуальной социальной потребности человека жить ради других.

Раскрытию в тексте поэмы *внутренней красоты* Душеньки, как главного предмета описания, во многом способствует богатая художественная концепция

автора, важной частью которой является образ самого автора. Присутствие автора в поэме проявляется вставками таких многочисленных поэтических формул, как «не стану представлять читателю пред очи», «читатель ведает», «читатель сам себе представит то удобно», «читатель, примечай» и др., которые говорят о таком приеме литературной модели, когда в поэме проявляется диалог с потенциальной аудиторией [Котариди 2007: 84].

Образ автора-рассказчика открывается взору читателя сначала ненавязчиво, автор – певец, воспевающий историю Душеньки нежно, подобно переливающейся свирели. Авторская оценка и суть отношения рассказчика к Душеньке нередко исходит от лица третьих лиц сюжета: *Любили Душеньку без меры, Без ней приятного не проводили дня...* [Богданович 1783:21].

Когда автору необходимо подчеркнуть важность того или иного фрагмента повествования, он «выходит» из тени и обращается к читателю с просьбой примечать важные смысловые явления, т.е. образ автора часто становится активным. Автор-рассказчик намеренно добивается эффекта «присутствия в поэме», как бы являясь одним из второстепенных героев: *Но всюду там умом Я Душеньку встречаю, Прельщаюсь и потом Палаты забываю.* [Богданович 1783: 46]. За неповиновение Душеньки рассказчик упрекает ее, и его речь в этих фрагментах произведения приобретает характер нравоучения, наставления.

Подчеркнем, что проявление авторской оценки к главной героине неразрывно связано с поэтической индивидуальностью автора, с особенностями его языка. Дело в том, что поэма И.Ф.Богдановича является первой попыткой устранения «жесткой иерархии стилей» и отражает литературные тенденции 1760–1770-х гг. XVIII в.

На наш взгляд, стремление автора сгладить стилевые различия можно считать одной из основных особенностей стиля И.Ф.Богдановича. Для обоснования нашего тезиса проанализируем поэтический язык автора и способы сочетания стилей на лексическом и синтаксическом уровнях.

В поэме автор «играет» со словом, соединяет лексику высокого стиля (*алчны, возжигать, предвозвещаая, возопияли, толико, утратить, утешить, паче*) с разговорной. Например:

*Иной, напутав много **врак**,
Не сказывал **ни так, ни сяк**;
Но все согласно **утверждали**,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда в печали
К Венере **вопиять** притек...* [Богданович 1783:20]

Благодаря столкновению книжной лексики и бытового просторечия, И.Ф.Богданович достигает комического эффекта в «Душеньке»: просторечное *харя, такать, хлипает, рожка, дура* употребляется в повествовании в одном ряду

с высокими формами выражения *Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных, Подай мне нужную мысль, и разум мой осмелю...* [Богданович 1783:7].

Однако, благодаря мастерству И.Ф.Богдановича как поэта, стилевые различия сглаживаются и гармонично согласуются друг с другом, «слова верхнего стилистического регистра употребляются в непосредственном соседстве со словами среднего стиля» [Казакова 2007: 6]. См., например:

Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней слышать:

Простая смертная, ругаяся богами...

Осмелилась повелевать

А в областях моих над мной торжествовать;..

Ввиду «смещения» разных типов речи в поэме нет резких стилевых сдвигов, «высокое» и «низкое» плавно перетекают в поэме в средне-простой слог, «близкий к разговорной речи, но основанный на строгом принципе «аристократического» салонного отбора.

Еще одной стилевой чертой, характерной для поэтического слова автора, является активное употребление целого слоя лексики, присущий средним лирическим жанрам. Этот лексический пласт связан с «выражением эмоционального отношения рассказчика к излагаемой истории» [Казакова 2007: 5]: *блаженные места, чудные сады, покрытые аллеи, приятный день, чудесные палаты.*

На основании проведенного нами исследования можно сделать вывод, что художественное своеобразие И.Ф.Богдановича сложно, многогранно и во многом является новаторским. Это находит свое выражение в нескольких аспектах.

Во-первых, в собирательном образе главной героини – Душеньке. Образ Душеньки представляет собой сложную организацию, внутренне во многом противоречивую, что было в целом нехарактерно для сентиментализма. То есть Душенька И.Ф.Богдановича близка обычному живому человеку, для которого свойственны и ошибки, и заблуждения, который вовсе не «прекрасен во всем».

Во-вторых, поэма И.Ф.Богдановича отличается своеобразной для того времени композиционно-смысловой организацией: она построена на основе открытого диалога между читателем и автором, где оба полюса коммуникации активны. Такое построение художественного произведения было новаторским и выбивалось из традиций русского классицизма и самого сентиментализма.

Наконец, художественная концепция автора воплощается с помощью своеобразной языковой манеры, также новаторской для того времени: И.Ф.Богданович соединил в повествовании, казалось бы, несовместимые стили. Слияние «высокого» и «низкого» осуществляется легко и гармонично благодаря тонкому эстетическому вкусу художника.

Использование новых формы стихосложения, отличных от классицистических, свидетельствует о том, что уже в допушкинский период писатели, а именно И.Ф.Богданович, искали возможности преобразования поэтического языка, уже экспериментировали со словом, синтаксической формой, с соединением разных стилей. Своими открытиями в области поэтического языка

они указали будущим поэтам (в том числе А.С.Пушкину) направление в движении к новому литературному языку, языку нашего времени.

Дальнейшее изучение затронутой в работе проблемы является перспективным ввиду большого своеобразия поэтического языка И.Ф. Богдановича, особенностей манеры его повествования, новых для того времени черт стиля, а также может вскрыть дополнительные детали в изучении вопросов влияния писателей XVIII в. на литературные тенденции следующих столетий.

Библиографический список

Антология концептов: сб. науч. тр. / Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. в 8т. Волгоград: Парадигма, 2005. Т.1. 347 с.

Богданович И. Ф. Душенька : Древняя повесть в вольных стихах. – Санкт-Петербург : Тип. Вейтбрехта, 1783. 107 с.

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 226–230.

Казакова Л.А. «Высокое» и «низкое» в «Душеньке» И.Ф.Богдановича // Русская речь, 2008. № 6. С. 3–7.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. М.: Известия РАН. Сер. лит. и яз., 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

X.R. Khmeleva

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

ARTISTIC CONCEPT AND METHODS of ITS LINGUISTIC IMPLEMENTATION IN THE POEM BY I. F. BOGDANOVICH "DARLING"

The article is devoted to the study of the features of the linguistic embodiment of the artistic concept of the poet "the Soul" and the originality of the style of the writer who created in the second half of the XVIII century. The ways of realization of the author's image in the text taking into account the specifics of his attitude to the lyrical heroine, as well as the linguistic expression of the concept of the soul, reflecting the inner filling of the soul – the main character of the poem, are revealed. The significant role of stylistic innovation in the development of the Russian language at the turn of the XVIII-XIX centuries is claimed.

Key words: concept, artistic concept, poetic language, literary tradition, artistic innovation.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 81'271.2

Алёна Владимировна Бисерова

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

alen4ikbiserova@gmail.com

Научный руководитель:

Иван Михайлович Печищев

канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики

и массовых коммуникаций (ПГНИУ)

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИКЕРОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Предметом исследования являются факторы, негативно влияющие на речь человека при чрезмерном использовании стикеров в коммуникации в социальных сетях. Исследование проводилось на основе опроса, созданного с помощью платформы Google. Констатируется гипотеза: слишком частое использование стикеров в целом негативно влияет на речь, упрощая ее, порой искажая смысл сказанного в диалоге, что в будущем может привести к ослаблению владения навыком составления точной, красивой и грамотной речи.

Ключевые слова: стикер, смайл, интернет, интернет-коммуникация, социальная сеть.

Речь человека – это постоянно развивающийся инструмент коммуникации людей. Зародившись миллионы лет назад в среде примитивных звуков и пройдя через колоссальные метаморфозы, сделав эволюционный скачок, в настоящее время она достигла стилистического многообразия.

Сегодня же, «в эпоху постиндустриального информационного общества жизнь человека наполняется различными ресурсами, главной целью которых является сделать ее как можно более комфортной, и вот – Интернет проявляет наше преимущественное желание писать, а не говорить» [Бирюкова 2014: 76].

Вместе с тем следует уточнить, что общение в Интернете на сегодняшний момент соединяет в себе специфику устной и письменной речи, т.е. литературного и разговорного языка. Что ждет нас в результате этого смешения, говорить пока преждевременно, тема это еще недостаточно изучена.

Поскольку в данной статье речь пойдет о специфике межличностной коммуникации в социальных сетях, обратимся к определению понятия последней. Википедия представляет социальную сеть как «скопление социальных объектов – людей или групп, которых можно рассматривать как сеть, узлы которой суть – те объекты, а связи – социальные взаимоотношения». К вышесказанному можно добавить, что это еще и «совокупность объектов, созданная для удовлетворения

потребностей своих членов, заинтересованная в обретении и поддержании стабильности» [Пономарев 2010: 1]. Специфические особенности организации диалога в Интернете и в социальных сетях, в частности, состоят «в абстрагировании от материальных проявлений процесса общения (собеседники в Интернете лишены голоса, мимики, жестикуляции как естественных проявлений)» [Буторина 1998: 132].

В связи с подобным обеднением общения посредством невозможности физического присутствия была создана специальная знаковая система – это наборы смайлов, а позднее и стикеров.

«Смайлик (от англ. *smile* – улыбка) – это стилизованное графическое изображение улыбающегося человеческого лица; традиционно изображается в виде желтого круга с двумя черными точками, представляющими глаза, и черной дугой, символизирующей рот» [Википедия. Свободная энциклопедия]. В действительности же, смайликами стали называть не только «жёлтые лица», отображающие чувства человека (радость, смех, грусть, обиду, страх и т.д.), но и другие предметы, окружающие людей в повседневной жизни: животные, растения, транспорт, еда и т.д. Человек использует их при переписке в социальных сетях, дополняя текст визуально и эмоционально. В электронном сообщении смайлики частично заменяют те жесты, настроения, эмоции, которые обычно помогают в восприятии информации при живом общении с собеседником.

Более молодой, но не менее популярный способ поделиться своими эмоциями в электронной переписке – это отправить стикер.

«Стикеры (от англ. *sticker* – наклейка) – наклейки с логотипом фирмы или бренда» [Словарь терминов по рекламе, маркетингу и PR]. В интернет-пространстве – это картинки, размером немного больше, чем смайлики. От бумажных наклеек они переняли свою автономность: стикер в социальной сети нельзя отправить вместе с текстовым сообщением, он посылается только как самостоятельная единица коммуникации. За 4 года в социальной сети «ВКонтакте» появилось более 170 стикер-паков (стикер-пак – набор стикеров по одной узкой теме). Каждый из них посвящен какому-то конкретному персонажу, событию, бренду и имеет своего автора. В каждом таком наборе содержится определенное количество стикеров с изображением одного персонажа (Ждун, собачка Спотти, котик Персик и др.), который пребывает в различных состояниях (счастье, злость, усталость и т.д.). Иногда эти эмоции сопровождаются надписями, типа «ку-ку», «это шедевр», «окей» и т.д.

Стикеры не перестают набирать популярность, и люди все чаще используют их в своих переписках в социальных сетях. Почему так происходит и несет ли в себе какой-либо негативный эффект их чрезмерное употребление? В данной статье с помощью эмпирического метода исследования предлагается выявить те аспекты использования стикеров, которые проявляют себя в коммуникации негативно. Тема исследования весьма актуальна, поскольку влияние стикеров на речевые конструкции в сети Интернет нуждается в научном осмыслении.

Авторы научных статей об интернет-коммуникации широко рассматривают тему их психологического воздействия на личность (Моисеенко А.И., Жичкина А.Е., Войкунский А.Е.), обращаются в своих работах к их межкультурному аспекту (Трофимова Г.Н., Воробьев Г., Бирюкова Г.А.), освещают феномен социальных сетей и специфику коммуникации в них (Пономарев П.П., Шевякова Л.П., Моисеенко А.И., Зражевская Н. И.).

Однако тема использования знаковых систем в социальных сетях изучена мало, а тема использования стикеров не была обнаружена в русскоязычной литературе. Потому считаем, что данная работа отличается содержательной новизной. Все выводы, сделанные автором, базируются на результатах анкетирования.

В марте 2018 года среди студентов 18-25 лет был проведен опрос на платформе Google. Выборка – 94 человека. Анкета содержала в себе 7 вопросов, 4 из которых были закрытого типа, 3 – открытого. Вопросы касались использования и восприятия стикеров. Отметим, что само содержание интернет-коммуникации не исследовалось. Все полученные данные основаны на рефлексии информантов. Результаты анкетирования показали, что почти 96% респондентов используют стикеры при общении в социальной сети, 30% из которых отправляют их при любом удобном случае.

Один из вопросов анкеты звучал так: «Продолжи фразу: я думаю, когда мне присылают стикер, это значит...». Ответ на данный вопрос предполагал открытую форму. 8% опрошенных считают, что человек, отправляющий стикер, ленится набирать словесное сообщение, а значит, несколько пренебрегает общением. Тем не менее, молодые люди используют стикеры, потому что считают текст недостаточно эмоциональным. Стикеры же, по признанию респондентов, позволяют более точно передать свои чувства и эмоции. Кроме того, предполагается, что некоторые люди отправляют их ради развлечения, считая последние забавной и веселой формой сообщения.

Бесспорно, стикеры разнообразят и в какой-то степени уточняют язык социальных сетей, но в данном исследовании предполагается подчеркнуть именно негативные аспекты употребления стикеров в переписках.

Приведем несколько тезисов, справедливость которых доказана вышеописанным анкетированием.

Итак, во-первых, использование стикеров упрощает разговорную речь в социальных сетях. Довольно часто вместо слов молодежь использует визуальную форму для передачи своих мыслей, чувств и эмоций. К негативному аспекту этого процесса относится тот факт, что молодые люди все реже задумываются над правилами построения грамматических и синтаксических конструкций, что ведет к упрощению разговорной и письменной речи. В связи с прогрессированием этого явления людям становится труднее сформулировать свои мысли письменно, когда речь не идет об общении в социальных сетях, ведь здесь уже нет возможности использовать шаблоны в виде смайлов или стикеров.

Во-вторых, пользователи социальных сетей вынуждены платить за упрощение своей речи. Один стикер-пак не может обеспечить нас всеми дежурными фразами и эмоциями, сделать общение более полноценным относительно эмоциональных проявлений. Большинство же наборов являются платными. 60% респондентов используют платные стикер-паки: кто-то покупает их самостоятельно, кто-то получает в подарок от друзей.

В-третьих, использование стикеров влечет за собой недосказанность мысли. Визуальный ряд позволяет передать лишь внешнее выражение тех или иных эмоций человека. Мы можем отправить стикер, и наше эмоциональное состояние будет понятно собеседнику. Но в полной мере выразить содержание нашей речи через стикер не удастся, поскольку в данном случае связь символа-образа и содержания строится по принципу ассоциации, тогда как у языкового знака связь между планом выражения и планом содержания существует благодаря закреплённости языкового знака и способствует адекватной трактовке сообщения. Результаты опроса показали, что 15% респондентов считают, что когда им посылают стикер, это означает, что человек хорошо относится к ним, расположен к беседе. Однако восприятие чего-то визуального, в том числе и стикеров, у каждого человека различно. Поэтому мы не можем быть уверенными в том, что правильно поняли мысль собеседника. Текст же способен более точно передать содержание мысли.

В-четвертых, возможность «спрятаться» за стикерами, избегая формулировок, типа «извини», «я не прав» и т.п. негативно отражается на психологическом состоянии обеих сторон, участвующих в диалоге, заменяет искренние красивые обороты речи шаблоном.

Каждый раз, вступая в коммуникацию, мы пытаемся воздействовать на собеседника: сделать свое намерение понятным и вызвать ожидаемую реакцию (проявление сочувствия или осуществление того или иного действия). Зачастую при использовании стикеров в сообщениях нас ждет коммуникативная неудача, сопровождаемая отсутствием взаимопонимания между участниками общения. Очевидно, что при недостижении коммуникативной цели практическая ее составляющая тоже останется недостигнутой. Если собеседник не понял того, что мы ему сказали, или истолковал наши слова нежелательным для нас образом, то оказать осознанного и направленного воздействия на него не удастся.

И, наконец, в-пятых, стикеры закрепляют нарушение литературной нормы. Некоторые стикеры весьма специфичны. Они содержат надписи, не соответствующие нормам литературного языка, например, «ща, сек», «патамушта», «чёт лень» и т.п. Авторы стикер-паков, следуя за модными тенденциями в сфере коммуникаций молодежи, создают угрозу того, что более младшее поколение, возможно, будет воспринимать такие надписи всерьез и как языковую норму. Конечно, общение в социальной сети тяготеет к разговорному стилю, однако частое нарушение языковых норм закрепляет представление о допустимости употребления того или иного неверного выражения, расшатываются эталоны употребления норм литературного языка.

Таким образом, приходим к выводу, что на сегодняшний день чрезмерное использование стикеров при общении в социальных сетях является неоднозначным явлением и в будущем может привести к ослаблению владения навыком составления красивой и грамотной речи. Уже сейчас стикеры, упрощая нашу речь, способствуют нарушению литературных норм языка, препятствуют адекватному восприятию информации. Зачастую, используя в сообщениях стикеры, между адресантом и адресатом осуществляется неточный и неэффективный процесс коммуникации.

Кроме того, помимо возможности выражать свои чувства при помощи стикеров, «физическое отсутствие участников коммуникации в акте коммуникации приводит к тому, что чувства можно не только выражать, но и скрывать, равно как и можно выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает» [Жичкина 2004: 27]. Следовательно, способ поделиться своими эмоциями через стикеры хоть и является современным и популярным, но не эффективным.

Библиографический список

Бирюкова Е.А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Language. Philology. Culture. 2014. №6. С. 75-98.

Буторина Е.П. А поговорить? Интернет как лингвистический феномен // Мир медиа XXI. 1998. № 1. С. 132-133.

Википедия. Свободная энциклопедия // URL: <http://ru.wikipedia.org/wik> (дата обращения: 03.09.2018).

Пономарев П.П. Социальные сети – протест, свобода или безумие? М., 2010.

Словарь терминов по рекламе, маркетингу и// URL: <http://hr-portal.ru/article/slovar-terminov-po-reklame-marketingu-i-p>(дата обращения: 11.09.2018).

A.V. Biserova

Student of Philological Faculty

Perm State University

NEGATIVE ASPECTS OF USING STICKERS ON SOCIAL NETWORK«VKONTAKTE»

The subject of research is factors that negatively affect person's speech, if he/she excessively uses stickers in social networks communication. The research was conducted on the basis of the survey created by using the Google platform. The hypothesis is stated: the frequent usage of stickers has a negative impact on speech by simplifying it. Sometimes the meaning of what is said in the dialogue is distorted, in the future it can lead to a weakening of the skill of drawing up an accurate, beautiful and competent speech.

Key words: sticker, smile, Internet, Internet communication, social network.

УДК 81'33

Мария Алексеевна Кузьменко

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

ma0kuzmenko@gmail.com

Научный руководитель:

Денис Владимирович Яруллин

преподаватель кафедры журналистики

и массовых коммуникаций (ПГНИУ)

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЕЧНЫХ АВТОМАТОВ ДЛЯ ФОРМАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Настоящая статья посвящена возможному подходу к формальному описанию речевого жанра в терминах теории конечных автоматов как ответ на повышение частотности коммуникации между человеком и информационными системами. Предполагается, что любой диалог относится к определенному речевому жанру, обладающему формализуемой структурой, которую можно представить в форме конечного автомата. Предлагается пример такой формализованной модели и фрагмент ее визуализации. Указываются возможные пути применения модели для решения прикладных задач.

Ключевые слова: формализация естественного языка, конечный автомат, речевой акт, речевые жанры

Современная коммуникация не ограничивается только лишь привычными, хорошо изученными ее формами. Развитие технологий ведет к тому, что общение выходит за рамки взаимодействия только между людьми, и построение диалога в коммуникативных ситуациях, в которых одним из коммуникантов является некая информационная система, становятся актуальной задачей для прикладных лингвистов.

Каждый диалог представляет собой последовательность речевых событий, создаваемую собеседниками в процессе общения. Следовательно, обладает теми же компонентами, что и любой речевой акт: в их числе *адресант* и *адресат*, роли которых попеременно принимают собеседники; *сообщение*, посылаемое адресату; *контекст*, позволяющий адресату понять, о чем идет речь; общий в какой-то мере для обоих собеседников *код*; *контакт*, необходимый для установки и поддержания общения [Якобсон 1975: 198].

Более того, любой диалог является не просто высказыванием, но высказыванием, принадлежащим некоему речевому жанру. Теория А. Вежбицкой предполагает, что все многообразие речевых жанров может быть описано с помощью формул, состоящих из элементарных семантических единиц. В качестве примера такой формулы мы можем привести описание жанра «спор»:

СПОР

знаю, что ты думаешь о Z нечто другое, чем я

думаю, что ты думаешь плохо

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы ты думал так же, как и я [Вежбицка 1997: 106]

Подставляя в эту формулу разные Z, мы каждый раз будем получать разные диалоги, в то же время объединенные общей иллокутивной целью и структурой.

Опираясь на идеи А. Вежбицкой, мы можем представить речевой жанр в виде упрощенной модели, имеющей исчислимое число состояний, реализуемых в типичных, повторяемых речевых актах. Такая интерпретация речевого жанра, например, разговора с официантом в кафе, позволяет нам формализовано описать его в терминах теории конечных автоматов.

Конечным автоматом называется абстрактный автомат, имеющий некоторое конечное число внутренних состояний, переход между которыми осуществляется в соответствии с функцией переходов. Конечный автомат можно представить в виде ориентированного графа или таблицы переходов [Гуренко 2013: 5–9].

В терминах конечного автомата, каждая реплика собеседника или же ее отсутствие в диалоге является условием перехода из одного состояния к другому. Функция переходов в данном случае напрямую зависит от конкретного речевого жанра. Таким образом, для любого речевого жанра может быть составлена таблица переходов, состоящая из трех столбцов: состояние, в котором автомат находится в данный момент; состояние, в который автомат переходит при заданном условии; и само условие перехода.

Ниже приведен пример таблицы, составленной для жанра «разговор с официантом», выбранного нами по причине того, что данный речевой жанр, как и все, относящиеся к сфере услуг, имеет достаточно жесткую структуру, которую легко формализовать, а также является одним из частотных жанров в речевом континууме.

Таблица 1

Исходное состояние	Новое состояние	Условие перехода
ожидание	предложить меню	пришел клиент
предложить меню «Добрый день. Вот наше меню»	ожидание	«Я еще не готов сделать заказ»
предложить меню «Добрый день. Вот наше меню»	принять заказ	«Я готов сделать заказ»
ожидание	принять заказ	«Я готов сделать заказ»
принять заказ «Что будете заказывать?»	уточнить наличие X/Y	«Я буду X и Y»
уточнить наличие X/ Y	уточнить характеристики X и Y	X и Y в наличии
уточнить характеристики X и Y «Как приготовить X/Y?»	предложить напиток	«Приготовить X с характеристиками N»
предложить напиток	предложить десерт	«Нет, спасибо»

«Вы хотели бы что-нибудь из напитков?»		
предложить напиток «Вы хотели бы что-нибудь из напитков?»	уточнить наличие X	«Я буду X»
предложить десерт «Что бы вы хотели на десерт?»	повторить заказ	«Я не буду десерт»
предложить десерт «Что бы вы хотели на десерт?»	уточнить наличие Y	«Я буду Y»
повторить заказ «Вы заказали блюда X и Y, напиток X и десерт Y»	изменить заказ	«Я хочу внести изменения в заказ»
изменить заказ	ожидание	
повторить заказ «Вы заказали блюда X и Y, напиток X и десерт Y»	озвучить примерное время приготовления заказа	«Все правильно»
озвучить примерное время приготовления заказа «Ваш заказ будет готов примерно через N минут»	ожидание	
уточнить наличие X/ Y	предложить замену X	X нет в наличии
предложить замену X «К сожалению, X закончился. Не хотите ли попробовать Z?»	предложить напиток	«Нет, спасибо»
предложить замену X «К сожалению, X закончился. Не хотите ли попробовать Z?»	уточнить характеристики Z	«Да»
ожидание	описать блюдо K из меню	«Что это за блюдо?»
описать блюдо K из меню	принять заказ	«Я готов сделать заказ»
ожидание	озвучить список фирменных блюд	«Какие у вас фирменные блюда?»
«Наши фирменные блюда – X и Y»	ожидание	
ожидание	поиск блюд без N	«У меня аллергия на N»
поиск блюд без N «Блюда X, Y и Z не содержат N»	ожидание	
ожидание	поиск блюд без N	«Я не ем N»
ожидание	назвать пароль от Wi-Fi	«У вас есть Wi-Fi?»
назвать пароль от Wi-Fi «Пароль XXXX»	ожидание	
ожидание	указать, где находится туалет	«Где здесь туалет?»
указать, где находится туалет «Туалет находится справа от входа»	ожидание	
ожидание	поиск решения	«Блюдо несъедобно»
поиск решения «Мы можем заменить ваше блюдо или вернуть вам деньги»	заменить блюдо	«Замените блюдо»
заменить блюдо	ожидание	

поиск решения «Мы можем заменить ваше блюдо или вернуть вам деньги»	вычеркнуть стоимость блюда из заказа	«Верните мне деньги»
вычеркнуть стоимость блюда из заказа «Стоимость этого блюда не войдет в общий счет»	ожидание	
ожидание	принести счет	«Можно мне счет?»
принести счет «Итоговая сумма составляет XXX рублей»	произвести расчет	«Я оплачу наличными/картой»
произвести расчет	попрощаться	клиент уходит
попрощаться «До свидания. Приходите к нам еще»	ожидание	
ожидание	вопроса нет в базе данных	«Где здесь ближайший банк?»
вопроса нет в базе данных «К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос»	ожидание	

Простейший пример реализации такого подхода отображен в приведенном коде, описывающем функцию автоматического приветствия. Система выбирает приветствие исходя из двух характеристик – знаком ли ей этот пользователь и как она к нему относится.

Рисунок 1

```
def hello_generator(hello):
    name = random.choice(names)
    if name not in list_of_sentiment.keys():
        name = 'anonymus'
    familiar = list_of_sentiment.get(name).get('familiar')
    sentiment = list_of_sentiment.get(name).get('sentiment')
    if familiar == 0:
        i = random.randint(0, len(unfamiliar)-1)
        return(unfamiliar[i])
    else:
        if sentiment == 1:
            i = random.randint(0, len(positive)-1)
            return(positive[i])
        else:
            i = random.randint(0, len(negative)-1)
            return(negative[i])
```

Такая формализация диалога может помочь в создании дружественных человеку интерфейсов для взаимодействия на естественном языке, так как бесконечное количество возможных вариантов поведения человека сужается до необходимого и достаточного для конкретной ситуации минимума. При этом для придания большей естественности речи, для каждого состояния, включающего реплику системы, необходим список возможных ответов, один из которых выбирается случайным образом. В дальнейшем возможно модернизация системы

посредством создания нескольких списков, соответствующих отношению системы к пользователям, основанному на их предыдущих действиях.

Однако диалог, представленный в виде таблицы, достаточно сложен для восприятия из-за нелинейности переходов. В таком случае имеет смысл представление конечного автомата в виде графа переходов, где вершины графа обозначают состояния автомата, а дуги – переходы между состояниями.

Рисунок 2

Таким образом, представляя речевые жанры в форме конечного автомата, мы можем формализовать любой диалог. В заключение заметим, что, хотя предложенный нами способ требует отдельной проработки каждого жанра, в дальнейшем возможно создание общей базы речевых жанров, представленных в форме конечных автоматов, который в дальнейшем могут использоваться в прикладных целях, например, для создания чат-ботов.

Библиографический список

- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» М., 1975. 198 с.
Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи Саратов: «Колледж», 1997. Вып. 1. 103–106 с.
Гуренко В.В. Введение в теорию автоматов // В.В. Гуренко М., 2013. С. 5–9
Graphviz—Graph Visualization Software // URL: <http://www.graphviz.org/theory/> (дата обращения: 28.04.2018).
The Python Standard Library // URL: <https://docs.python.org/3/library> (дата обращения: 24.04.2018).

M.A. Kuzmenko

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE APPLICATION OF FINITE-STATE MACHINES FOR A FORMAL REPRESENTATION OF A SPEECH GENRE

The article is concerned with a possible treatment of a formal representation of a speech genre in terms of finite-state machines theory as a response to a rapid increase of frequency of the communication between people and information systems. In our opinion, any dialogue is a speech genre which consists of formalizable structure. Such structure can be represented in terms of the finite-state machine theory. An example of the formalized model and the fragment of its visualization are proposed. Possible methods of application of the model in handling of applied problems are pointed.

Key words: formalization of natural language, finite-state machine, speech act, speech genres.

УДК 070

Милана Сергеевна Лебедева

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

milana_lebedeva_1998@mail.ru

Научный руководитель:

Татьяна Николаевна Масальцева

канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики

и массовых коммуникаций (ПГНИУ)

ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЙ СКРЫТОЙ И НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ. ПРИЕМЫ СКРЫТОЙ РЕКЛАМЫ: НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО КИНО

Автор статьи раскрывает понятия «скрытая» и «нативная» реклама и проводит их сравнительный анализ, а также исследует приемы скрытой рекламы в российском кино за 2017–2018 г.

Ключевые слова: скрытая реклама, нативная реклама, приемы скрытой рекламы, скрытая реклама в российском кино.

Реклама представляет собой процесс передачи информации о товарах, услугах и идеях, предлагаемых рекламодателями с помощью различных коммуникационных платных средств [Третьякова 2008: 7]. Она поддерживает интерес к продукту и обеспечивает его продвижение на рынке.

Человек является объектом воздействия рекламы практически всю жизнь. Но назойливость и чрезмерное количество прямой рекламы все чаще вызывают раздражение у потребителя. Он становится невосприимчивым к новым рекламным сообщениям. Распространяется такое явление как «банерная слепота» – осознанное или бессознательное игнорирование рекламной информации.

Все эти факторы приводят сегодня к возрастающей популярности новых разновидностей рекламы. Рассматривая понятия скрытой и нативной рекламы, попытаемся определить сходства и различия между ними.

Скрытая реклама (productplacement) – это реклама, которая оказывает не осознаваемое потребителями воздействие на их сознание, например, путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и другими способами [Тульсонова 2008: 108].

Психологи считают, что скрытая реклама, в отличие от прямой, не так раздражает потребителя. Ее суть в скрытом эмоциональном давлении на человека. При этом само рекламное предложение маскируется и уводится из прямого фокуса внимания.

Встретить скрытую рекламу можно на разных каналах: теле- и радиопередачи, печатные издания, интернет, компьютерные игры, музыка и другие.

Согласно общественному мнению, одним из самых популярных каналов распространения productplacement является кино. Во время его просмотра человек увлечен сюжетом и поэтому встречает рекламное сообщение в спокойном, расслабленном состоянии, не осознавая его влияния. Такая реклама весьма действенна, так как ассоциируется у человека с тем, что ему нравится (например, с любимым героем из фильма/книги). Но реально оценить эффективность скрытой рекламы сложно, так как ее успех во многом зависит от успеха продукта, частью которого она является.

Есть и обратная сторона productplacement: использование этой технологии может классифицироваться как незаконное (ст. 5 Федерального закона о рекламе). Также использование скрытой рекламы противоречит Российскому рекламному кодексу и Международному кодексу рекламной деятельности, согласно которому «реклама должна быть легко идентифицирована, как таковая, вне зависимости от используемой формы и средства массовой информации», «ее внешний вид должен обеспечивать ее безошибочную классификацию как рекламы» [Международный кодекс рекламной деятельности].

Несмотря на запрет законом, данная разновидность рекламы в наше время активно используется, так как доказать ее наличие чрезвычайно сложно.

Возбуждением дел по использованию скрытой рекламы занимается Федеральная антимонопольная служба. Ярким случаем вмешательства ФАС была скрытая реклама водки «Хортица» в фильме «Вий», которую заметили активисты.

Выделяют три основных приема распространения productplacement:

1. визуальный – подразумевает передачу информации о товаре через зрительный образ, то есть показ продукта или его логотипа (например, в фильме «Ночной дозор» невозможно не заметить щит «МТС» в одной из сцен).

2. вербальный – ориентирован на восприятие бренда или идеи посредством слуха (например, в фильме «Дьявол носит Prada» известный бренд звучит уже в названии кино)

3. практическое применение – непосредственное использование продукта в кадре (несколько героев «Служебного романа» курили «Malboro») [Березкина, 2008: 19–24].

Нативная («естественная») реклама, в свою очередь, представляет собой рекламное сообщение, которое выглядит органично в окружении нерекламного контента, то есть соответствует стилю, функционалу, тематике и другим показателям той площадки, частью которой является.

Суть такой рекламы: обеспечить потребителя реально полезной информацией о каких-либо товарах и услугах.

Основными преимуществами такого формата являются возможность избежать уже известного эффекта «банерной слепоты», а также большие шансы обойти «блокировщиков рекламы» (приложения, которые «чищают» интернет от рекламных сообщений).

Также плюсом является соответствие такой рекламы интересам целевой аудитории, так как она отвечает запросам и предпочтениям посетителей той площадки, частью которой является.

Конечно, у данного формата имеются и недостатки. Нативную рекламу нельзя распространять по нескольким каналам одновременно, контент всегда должен быть уникальным, адаптированным под конкретный случай.

В Руководстве по нативной рекламе (NativeAdvertisingPlaybook) от IAB выделяют шесть интерактивных форматов, которые сейчас используются в сфере нативной рекламы:

- 1) рекламные блоки в новостной ленте,
- 2) реклама в поисковых системах,
- 3) рекомендательные виджеты,
- 4) спонсорский контент,
- 5) стандартная реклама с элементами нативной,
- 6) другие форматы, которые не могут быть включены в предыдущие группы и разрабатываются для каждого конкретного случая отдельно [Руководство по нативной рекламе 2017].

Способы оценки эффективности нативной рекламы не отличаются от методов работы с обычными форматами (охват аудитории, вовлеченность и т.д.).

Стоит отметить, что в отличие от скрытой рекламы, нативная не ставит перед собой задачу скрыть свою рекламную направленность. Согласно руководству Федеральной торговой комиссии США: «для того, чтобы избежать потенциального введения потребителя в заблуждение, необходимо представить рекламу в виде, позволяющие с легкостью отличить ее от результата органической выдачи» [Руководство по нативной рекламе 2017].

Однако согласно исследованиям, 59% американских пользователей не в состоянии ее распознать, и только 41% потребителей однозначно определяют нативную рекламу, как оплаченную брендом [Дружинин 2016].

Поскольку в нашем Законе о рекламе нет такого понятия как «нативная реклама», оценивать ее легальность и соответствие требованиям очень сложно. В Российском рекламном кодексе наблюдаем аналогичную ситуацию.

Таким образом, в ходе рассмотрения понятий «нативная» и «скрытая» реклама была составлена таблица №1, которая отражает суть данных терминов, а также их основные сходства и различия.

Таблица №1. Сравнительная таблица: скрытая и нативная реклама

	Скрытая	Нативная
Сходства	причина возрастающей популярности: «банерная слепота»	
	не является самостоятельным рекламным сообщением, не существует отдельно от какого -либо контента	
	может вводить в заблуждение потребителя, «прикидываясь» не рекламой	

Различия	не позиционирует себя как реклама	позиционирует себя как реклама
	практически не возможна оценка эффективности	возможна оценка эффективности
	использует запрещенные технологии для воздействия на подсознание (н-р, 25 кадр)	не использует запрещенных технологий
	является незаконной	не запрещена законом
	требует сравнительно низких затрат	требует высоких затрат
	менее трудоемкий процесс создания	более трудоемкий процесс создания
	потребитель не имеет права выбора смотреть или нет скрытую рекламу	потребитель сам решает, будет ли он смотреть рекламный контент

Рассмотрим приемы скрытой рекламы в российском кинематографе в фильмах, снятых при поддержке Фонда кино за 2017-2018 г.

Скрытой рекламой в данном исследовании будем считать показ логотипа какого-либо товара, его практическое применение или упоминание торговой марки/бренда какого либо продукта.

В ходе анализа постараемся ответить на следующие вопросы:

- а) какие товары рекламируются в российских фильмах
- б) какой прием productplacement является наиболее популярными

Всего было проанализировано 7 одних из самых кассовых фильмов за 2017-2018 гг.: «Притяжение», «Кухня: последняя битва», «Бабушка легкого поведения», «Елки новые», «Селфи», «Лед» и «Жизнь впереди».

В ходе анализа фильмов было обнаружено 25 случаев использования productplacement. Можно сделать следующие выводы на основе полученных результатов

Скрытая реклама активно используется в фильмах, снятых при поддержке Фонда кино. В фильмах рекламируются как отечественные, так и зарубежные товары, но основное предпочтение все же отдается продуктам отечественного производителя.

В исследуемых фильмах скрыто рекламировались 60% российских продуктов (например, майонез «Ряба» и авиакомпания «Nordstar» в «Елках», водка «Мягков» в фильме «Селфи», часто герои снимаются в одежде от BoscoSport). Зарубежных товаров/торговых марок было соответственно 40% (например, чипсы Lays в фильме «Притяжение», «BurgerKing» в «Кухне», в нескольких фильмах использовались сотовые телефоны от Samsung).

Среди зарубежных продуктов наиболее часто рекламируются товары производства США (Nike, Apple, Google и др.) – 50% от общего количества. На втором месте реклама продуктов производства Южной Кореи (Samsung, LG), что

составляет 30%. Третье место делят Турция (BeKo) и Украина (реклама BlackSeaAirlines) – по 10 %.

Наиболее часто рекламируют бытовую технику и электронику (20% от общего количества продуктов), также популярна реклама продуктов питания и одежды (по 12% на каждую категорию) и реклама алкоголя и авиа-компаний (по 8%).

В российском кинематографе используют все три приема productplacement (визуальный/вербальный/практический). Всего было обнаружено 32 примера использования приемов скрытой рекламы. При этом наиболее часто используются практический и визуальный приемы (в 47% и 44% случаев соответственно). Вербальный прием распространения скрытой рекламы используется значительно реже (лишь 3 раза из 32, что составляет 9%).

Одним из самых ярких примеров использования productplacement стала реклама «Триколор ТВ» в фильме «Лед», где были задействованы все три приема одновременно: сотрудник в форме с логотипом «Триколор ТВ» устанавливал спутниковое телевидение в квартире героини, при этом актриса проговорила название фирмы «скучно дома, а тут целый «триколор», сколько хочешь каналов».

Также нельзя не заметить рекламу «Россельхозбанка» в фильме «Жизнь впереди»: в середине фильма показывают рекламный щит, где видно название и логотип банка, далее в сцене в машине следует объявление по радио: «Россельхозбанк» предлагает ипотечные кредиты на привлекательных условиях».

Довольно неожиданна и реклама ювелирного магазина «585» в фильме «Кухня: последняя битва». Герой использует продукцию магазина – кольцо с бриллиантом, чтобы сделать предложение, при этом название фирмы видно на коробочке из-под кольца.

Таким образом, скрытая реклама – это распространенное явление для российского кино. Это технология, которая позволяет не так явно и открыто продвигать какую-либо продукцию и поэтому не порождает такого недовольства со стороны потребителя, как прямая реклама. Можно предположить, что в ближайшее время рынок скрытой и нативной рекламы будет только расти, так как настроение потребителя в современном мире несомненно требует появления новых, менее «агрессивных» разновидностей рекламы.

Библиографический список

Третьякова Т.Н. Реклама в социально-культурном сервисе и туризме. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.

Тульсонова О.Л., Дорский А.Ю. Этическое и правовое регулирование связей с общественностью и рекламы: учебное пособие. Ч. 2. Санкт-Петербург, 2008. 213 с.

Международный кодекс рекламной деятельности // URL: <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=20> (дата обращения: 10.04.2018).

Березкина О.П. Product Placement. Технологии скрытой рекламы. Санкт – Петербург, 2008. 220 с.

Руководство по нативной рекламе. Перевод SmartScape. Санкт-Петербург. 2017 // URL: <http://agm.agency/nativ-playbook> (дата обращения: 10.04.2018).

Дружинин А. Законна ли нативная реклама. 2016 // URL: <http://www.sostav.ru/publication/nativnaya-reklama-20662.html> (дата обращения 11.04.2018).

M.S. Lebedeva

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE DEFINITION OF HIDDEN AND NATIVE ADVERTISING CONCEPTS. HIDDEN ADVERTISING TECHNIQUES: BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN CINEMA

The author of the article reveals the concepts of "hidden" and "native" advertising and conducts a comparative analysis of it. And the methods of hidden advertising in Russian cinema for 2017-2018 are explored.

Key words: product placement, native advertising, techniques of product placement, product placement in Russian cinema.

УДК 070'15

Елизавета Геннадьевна Русских
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
russkih.eg@gmail.com

Научный руководитель:
Лариса Львовна Черепанова
канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникация (ПГНИУ)

МЕДИАИНФОРМИРОВАНИЕ О РАБОТЕ С ЛЮДЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ПОДХОДОВ

В статье рассматривается проблема освещения в медиапространстве деятельности некоммерческих организаций, занимающихся работой с людьми с ограниченными возможностями здоровья. Проблема изучается на примере работы Национальной ассоциации развития образования «Тетрадка Дружбы». Исследование проведено с применением методики индексирования (выделения ключевых слов текста), интервьюирования. В результате исследования выявлены особенности текстов, установлен ряд факторов, влияющих на уровень востребованности информации о деятельности благотворительной организации в региональном медиапространстве.

Ключевые слова: НКО, СМИ, благотворительный фонд, портрет, волонтеры, люди с инвалидностью.

Проблема медиатизации деятельности некоммерческих организаций (НКО), занимающихся работой с людьми с ограниченными возможностями здоровья, является одной из самых острых и важных с точки зрения эффективности их деятельности. Общественные организации, благотворительные фонды и СМИ часто не могут найти взаимопонимания в этом вопросе. Представители НКО не знают, как заинтересовать СМИ своими информационными поводами. Журналисты, в свою очередь, часто не реагируют на запросы НКО и не готовы идти на информационное сотрудничество.

Несмотря на присутствие в СМИ материалов о деятельности НКО, часто они имеют лишь поверхностный, информирующий характер. Очень редко можно найти глубокий, интересный, авторский материал на тему деятельности общественных организаций и благотворительных фондов [Белокрыльцева 2012].

В связи с тем, что СМИ не всегда проявляют интерес к теме добровольчества и благотворительности, НКО необходимо разрабатывать новые форматы вовлечения СМИ в их деятельность, создавать яркие и значимые информационные поводы, писать истории о героях своей деятельности. Одним из

таких форматов может стать прием портретирования героев– участников и организаторов деятельности НКО.

Портрет героя может быть создан с помощью информационного или аналитического интервью, блиц-портрета, а также портретного очерка [Тертычный 2000]. Для предупреждения профессиональных и этических ошибок при создании текстов об участниках деятельности НКО, в частности, о людях с инвалидностью, разрабатываются рекомендации и правила, которые учитывают специфику подобных материалов. Например, нельзя слишком героизировать героя публикации, так же как нельзя его и жалеть. Это в одинаковой степени отдаляет героя от читателя и противопоставляет его по принципу «больной – здоровый» [Культура общения с людьми с инвалидностью 2017].

Для выявления актуальных характеристик текстов, посвященных людям с инвалидностью и волонтерам, создания системы оценки текстов, был проведен эксперимент. В нем приняли участие студенты 1-2 курсов филологического факультета направлений «журналистика» и «медиакоммуникации», 14 и 32 соответственно. Во время эксперимента участники читали публикации на обозначенную тему, выбранные из региональных пермских и федеральных СМИ. Эксперимент проведен с использованием методики индексирования (НКС) А.С. Штерн [Мурзин Штерн 1991]. Суть методики индексирования связана с тем, что необходимой операцией в процессе восприятия текста является *выделение набора ключевых слов* (НКС), которое проходит в основном неосознанно. Применение данной методики позволяет оценить уровень эффективности восприятия текста, а также выделить актуальные для аудитории смыслы, связанные с главными героями публикаций. Выявленные в ходе эксперимента смысловые категории позволят в дальнейшем повышать качество текстов, посвященных людям с инвалидностью и волонтерам.

Материалами исследования стали четыре близкие по объему публикации в разных СМИ:

1. Максим Артамонов «Дарить тепло. Наталья Логинова вяжет вещи и раздает их бездомным» (Интернет-журнал «Звезда», 26.01.2018), объем – 1006 слов (далее – текст №1).

2. Алина Семенова «История девушки с безграничными возможностями» информационное агентство («РИА Новости», 03.12.2017), объем – 1306 слов (далее – текст №2).

3. Анастасия Аверкова «Волонтер, артист, столяр, спортсмен – четыре ипостаси удивительного человека» (информационное агентство «ТАСС», 21.03.2018), объем – 918 слов (далее – текст №3).

4. Наталия Костарнова, Нина Фрейман «Сильные помогают: 7 историй мужчин о волонтерстве и помощи» (электронный журнал о благотворительности «Филантроп», 22.02.2018), объем – 899 слов (далее – текст №4).

Условия проведения эксперимента. В текстах, предложенных участникам эксперимента в распечатанном виде, не было указания на авторство и название

СМИ. После прочтения материалов участникам эксперимента необходимо было выписать из каждого текста по 15 ключевых слов, указывающих прямо или косвенно на характеристики главного героя публикации.

Процедура эксперимента: студентам выдавались тексты – по одному, по мере выполнения задания. В результате прочтения текстов каждый участник эксперимента выписал из каждого текста по 15 ключевых слов, которые, по его мнению, наиболее полно характеризуют главного героя публикации. На основании обобщения выписанных каждым участником по каждому из четырех текстов наборов ключевых слов (индивидуальных НКС) было составлено четыре статистических набора ключевых слов (НКС_{стат}). Объемы НКС_{стат} для разных текстов оказались неравными: Текст №1 – 73 КС, текст №2 – 87, текст №3 – 84, текст №4 – 69.

Наиболее эффективным текстом оказался первый материал, посвященный девушке, которая вяжет вещи и дарит их бездомным людям. В нем общее количество выделенных ключевых слов составило 73. Для выявления самых значимых смыслов в каждом тексте мы берем те ключевые слова, относительная частота которых составляет не менее 50%. Согласно методике А.С. Штерн, в перечень высокочастотных слов должны входить слова с показателем относительной частоты от 70%, однако на практике используется от 50%.

Аудитория восприняла текст на среднем уровне эффективности: истинный НКС (НКС_{ист}) включает 6 слов, каждое из которых имеет абсолютную частоту (m) и относительную (p%): *вдохновение* (m=12, p%=85,71%), *благотворительность* (m=11, p%=78,57%), *греет* (m=9, p%=64,29%), *волонтерство* (m=7, p%=50,00%), *подарить* (m=7, p%=50,00%), *тепло* (m=7, p%=50,00%).

Опираясь на полученные данные, выделим обобщенные характеристики героя (смысловые категории). Самым частотным словом оказалось «*вдохновение*», которое в данном случае указывает на *мотивацию* героини публикации. На втором месте «*благотворительность*». Это слово в целом характеризует *род деятельности* героини. Не менее важно слово «*греет*». В контексте оно используется в таком сочетании: «*А это уже душу греет*». В данном случае речь идет о том, что получает героиня в результате своей деятельности, о *цели* ее работы. Одинаковое количество упоминаний набрали три слова – «*волонтерство*», которое указывает на *вид деятельности* героини, «*подарить*», обозначающее *безвозмездные условия деятельности*, «*тепло*» – в данном случае метафора, взятая из заголовка и означающая *заботу и внимание*, которое вкладывает героиня в свой труд. Эти слова вновь указывают на то, чем занимается героиня, а также конкретизируют ее деятельность – *благотворительность*. Слово «*подарить*» подтверждает, что вся деятельность Натальи Логиновой построена на безвозмездной основе. Заметно, что слова «*благотворительность*», «*волонтерство*», «*подарить*» характеризуют особый род социальной активности героини, основанный на безвозмездном труде, который направлен на достижение ее бескорыстных целей. Причем как основной мотив этой деятельности аудитория выделяет *вдохновение*.

Среди среднечастотных слов, которые выделила аудитория: «люблю», которое указывает на *отношение* главной героини к ее деятельности, «душа», которое помогает нам понять *степень важности и близости* волонтерской деятельности для героини, «бездомные», которое обозначает *категорию благополучателей* деятельности героини.

По *результатам* эксперимента нам удалось составить список смысловых категорий, которые, как мы полагаем, могут быть в дальнейшем использованы в качестве характеристик написания текстов и создания цикла портретных очерков, посвященных волонтерам и людям с инвалидностью: мотивация, род деятельности, цель работы, вид деятельности, безвозмездные условия деятельности, забота и внимание, результат работы (для волонтеров), достижения, превосходство в чем-либо, эмоциональное состояние, особенности здоровья (для людей с инвалидностью).

Заметим в итоге, что список выявленных характеристик текста нельзя считать исчерпывающим, но необходимо внимательно изучать опыт работы по информационному сопровождению деятельности НКО, чтобы учесть разнообразные факторы, влияющие на уровень эффективности взаимодействия со СМИ и медиакоммуникационными платформами.

Библиографический список

Белокрыльцева А. Почему о нас не пишут, или как НКО наладить взаимодействие со СМИ. М.: Студио-Диалог, 2012. 91 с.

Культура общения с людьми с инвалидностью // РООИ «Перспектива» URL: <https://perspektiva-inva.ru/language-etiquette>. (Дата обращения: 09.07.2018).

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 171 с.

Соколов К.И. Развитие взаимоотношений некоммерческих организаций с бизнесом и средствами массовой информации //URL: http://www.adhdportal.com/book_2630_chapter_11_K.I._Sokolov._Razvitievzaimootnoshenijj_nekommercheskikh_organizaiij_s_biznesom_i_sredstvami_massovojinformaii.html(дата обращения 07.07.2018).

Тертычный А.А. Жанры периодической печати// Книжный клуб. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1019990/10/Tertychnyy_-_Zhanry_periodicheskoy_pechati.html (дата обращения: 09.07.2018).

E.G. Russkikh

Student of Philology Faculty
Perm State University

MEDIAINFORMING ABOUT WORKING WITH PHYSICALLY CHALLENGERS: FINDING EFFECTIVE APPROACHES

The article describes the problem of media coverage of the activities of non-profit organizations dealing with physically challengers. The problem is analyzed using the example of the National Association of the Development of Education "Friendship Notebook". The study was carried out using the indexing technique (highlighting the keywords of the text), interviewing. In the result of the research the features of the texts are revealed, factors influencing the level of demand for information about the activities of charitable organizations in the regional media space are established.

Keywords: NGOs, media, charitable foundation, portrait, volunteers, physically challengers.

УДК 070

Елена Радиковна Сарманова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
elenasarmanova14@gmail.com
Научный руководитель:
Алексей Васильевич Пустовалов
канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций (ПГНИУ)

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ГРУППЫ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ «ВКОНТАКТЕ»: ПОРТРЕТ АУДИТОРИИ И АДМИНИСТРАТОРОВ

В статье представлены общие данные по теме «Медийный ландшафт Пермского края: районные газеты и социальные сети», подробно анализируется портрет аудитории и администраторов информационно-коммуникативных групп районов Пермского края «ВКонтакте».

Ключевые слова: социальные сети, группы «ВКонтакте», комьюнити-медиа, информационное поле, коммуникативные технологии, районные газеты.

Смартфоны, айфоны, планшеты и другие гаджеты становятся все совершеннее, и каждый из них имеет постоянный доступ в интернет. В среднем социальную сеть «ВКонтакте» в день посещает около 80 000 000 человек, каждый из них может стать свидетелем какого-либо события и молниеносно выложить это в сеть, когда печатные СМИ вынуждены ссылаться на источник в социальной сети.

Несложно заметить, как динамично меняется информационное поле российских регионов. На примере Пермского края мы видим, что если в прошлом безусловными лидерами его районов были муниципальные и иные районные газеты, то сегодня с ними успешно конкурируют группы «ВКонтакте» информационно-коммуникативного характера (типа «Подслушано ...», «Мой город ...» и пр.). Это обусловлено следующими причинами: с одной стороны, районным газетам все труднее становится воспитать лояльную к изданию аудиторию, удержать ее, с другой стороны молодое поколение привыкает получать новости не из газет, а из интернета, предпочтительнее – из социальных сетей, которые берут на себя не только роль генераторов, но и создателей новостей.

Эта работа является одним из аспектов большого исследования – «Медийный ландшафт Пермского края: районные газеты и социальные сети», цель которого – прояснить условия и специфику противостояния этих двух информационных источников.

В ходе исследования нами были проанализированы общественные районные газеты 42 районов Пермского края, имеющие большой тираж, чем другие газеты этого района, группы «ВКонтакте» и сайты этих газет, а также группы информационно-коммуникативного характера социальной сети «ВКонтакте» этих районов, имеющие самое большое количество подписчиков.

Основным фактором, повлиявшим на исследовательский интерес, стала статистика: уже видна тенденция понижения активности чтения печатных СМИ. На 2017 г. медиапотребление печатных СМИ упало на 22%, что является самым низким показателем из всех прочих медиаканалов. В то время как Интернет имеет положительную динамику, и занимает первое место с индексом 66%.

С чем же связана такая тенденция?

Во-первых, с аудиторией. Снижение популярности такого медиаканала как печатные СМИ происходит, в основном, за счет оттока молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет.

Во-вторых, огромную роль играет финансово-экономическая сторона этого вопроса и системный кризис самой модели медиабизнеса. Эту проблему отмечают многие успешные издательства.

Александр Чекшин, генеральный директор ОАО «Редакция газеты «Вечерняя Москва» комментирует эту проблему: «Эпоха больших рекламных бюджетов закончилась. На рынке изменились правила и практика продаж. Мы выстраиваем новые отношения с рекламодателями и рекламными агентствами, предлагая им индивидуальный подход для каждого продукта. <...> будущее печатного рынка – в создании мультимедийных редакций, активно вовлекающих свою аудиторию в процесс формирования контента. Газета и сетевое телевидение на базе редакции вполне могут существовать как продукт. «Вечерняя Москва» доказала это».

Изучив информационную специфику Пермского края в течение двух лет, мы пришли к следующим выводам:

Тираж газет обычно продолжает падать, а число подписчиков групп – увеличивается: в целом, по краю 33% и 67% соответственно. По сравнению с показателями 2017 г. тираж упал на 25,6%, а количество подписчиков увеличилось на 22,2%.

Рассмотрим подробно одну из этих сторон: социальные сети. Мы можем представить, как выглядит обычная редакция районной газеты и ее целевой аудитории. Но что представляют собой администраторы групп «ВКонтакте», и какова их целевая аудитория? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нами были разосланы анкеты администраторам всех крупнейших информационно-коммуникационных групп, созданные самой местной коммуной, чтобы обеспечивать свои информационные и коммуникационные нужды. Несмотря на то, что ответы были получены лишь на треть из посланных анкет, представляется, что полученные показатели репрезентативны и могут отражать ситуацию по всему краю.

Всего в Пермском крае 42 района (за исключением Пермского района). Каждый из них имеет свою информационно-коммуникативную группу

«ВКонтакте». Анкета была разослана всем 42 районам. На анкету ответило лишь 30% (12) представителей групп; ответы опрошенных нередко повторяются, поэтому, как мы предполагаем, по этим показателям можно представить общий портрет администратора и аудитории.

Для составления портретов администраторам были заданы следующие вопросы:

1. Каков ваш возраст?
2. Какое у Вас образование?
3. Имеется ли у Вас гуманитарное образование?
4. Что или кто является главным источником для Вашей информации?
5. Конкурируете ли Вы с местными СМИ?
6. Заимствуете ли Вы материалы местных СМИ?
7. Случается, что информация Вашей группы стала источником для СМИ?
8. Какая ваша целевая аудитория?
9. Возраст Вашей целевой аудитории?
10. Какой процент среди подписчиков вашей группы составляют жители вашего населенного пункта?
11. Активна ли Ваша аудитория?
12. В каких формах особенно проявляется активность вашей аудитории?
13. Какой контент Вы чаще всего предлагаете аудитории?
14. Какой контент, по вашим наблюдениям, вызывает наибольший отклик вашей аудитории?
15. Монетизирована ли ваша группа, окупается ли ваш труд администратора?

На основе полученных данных мы составили портрет типичного администратора – это человек 20–25 лет (41,7%) или 25–30 лет (33,3%), имеющий высшее (33,3%) не гуманитарное (91,7%) образование. Главным источником информации для него является его целевая аудитория (83,3%). Он довольно часто (66,7%) заимствует материалы из местных СМИ. Также иногда случается (83,3%), что информация его группы становится источником для СМИ. Он абсолютно точно не конкурирует с местными СМИ (100%) и работает из любви к родному краю (41,7%).

И получили следующий портрет целевой аудитории группы – это жители района/округа (83,3%), проживающие в том же населенном пункте (66,7%), в возрасте от 15 до 44 лет (по 75%). Не зафиксировано случаев пассивности аудитории, но все же она не так активна, как хотелось бы (58,3%). В основном эта активность проявляется в том, что пользователи ставят отметки «мне нравится» и комментируют уже имеющиеся посты (83,3%), чуть меньше публикуют собственные новости и вопросы (75%). 83,3% контента группы – это новости о различных происшествиях: именно эта информация и вызывает наибольший отклик аудитории (66,7%).

Как мы выяснили далее, аудитория ведет себя по-разному в разных районах края. Она может характеризоваться: низкой («Информ Губаха», «Усолъе

(Пермский край» и др.), средней («Подслушано Частые», «Моя родина – Гайны!» и др.) и высокой активностью («Подслушано Очер» имеет самый высокий показатель активности среди районов). Причины такой дифференциации представляют особый интерес, который может послужить основой дальнейшего исследования, но уже сейчас нами было отмечено, что группы активнее там, где ниже качество работы и активность районных газет.

Библиографический список

- Статистика сайта «ВКонтакте.ру» // LiveInternet. URL:
<http://www.liveinternet.ru/stat/vkontakte.ru/index.html> (дата обращения: 12.05.18).
- Медиапотребление в России // Deloitte. URL:
<https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-in-Russia-2017-rus.pdf> (дата обращения: 12.05.2018).
- Рынок печатных СМИ и полиграфии: кризис перепроизводства // Pandia.ru. URL:
<http://pandia.ru/text/80/079/54224.php> (дата обращения: 12.04.2017).

E.R. Sarmanova

Student of Philological Faculty
Perm State University

INFORMATION AND COMMUNICATION GROUPS OF THE DISTRICTS OF PERM KRAI "VKONTAKTE": A PORTRAIT OF THE AUDIENCE AND ADMINISTRATORS

The article describes general information of the topic "Media landscape of the Perm Krai: regional newspapers and social networks", and it is analyzed in detail a portrait of the audience and administrators of information and communication groups of the Perm Krai regions of "Vkontakte" social network.

Key words: social networks, groups of "Vkontakte", community media, information field, communication technologies, local newspapers.

УДК 070'23.1-37

Рината Шамилевна Хайдарова

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

khaidarova.rinata@yandex.ru

Научный руководитель:

Лариса Львовна Черепанова

канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики

и массовых коммуникаций (ПГНИУ)

РЕКЛАМНЫЙ КОНТЕНТ ПЕРМСКИХ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлены результаты исследования, проведенного с целью профессионально-этической оценки работы районных газет Пермского края с рекламными публикациями. В исследовании использованы материалы интервью с редакторами, данные анкетирования журналистов районных СМИ, выпуски районных газет; в результате их анализа уточнено место и роль рекламы в системе финансирования районных газет, особенности ее создания и предъявления аудитории; уточнен перечень основных нарушений, допускаемых районными газетами при использовании прямой и непрямой рекламы, выявлен уровень профессиональных знаний журналистов в области этической и правовой составляющей работы СМИ в сфере рекламы.

Ключевые слова: районные СМИ, профессиональная этика, реклама, интервью, контент-анализ, жанровое своеобразие вторичных текстов.

Современная российская районная журналистика имеет положительные тенденции развития. Так, М.В. Симкачева и А.И. Шакиров отмечают, что районные СМИ остаются востребованными местной аудиторией [Симкачева 2016: 138–142]. При этом материалы местных редакций интересны тем, что отражают повседневную жизнь людей. В свою очередь, районные журналисты стремятся разнообразить тематику публикаций, сделать газету более привлекательной для местной аудитории [Фролова 2016: 28–32]. К тому же карьера в районных СМИ приобретает популярность у молодых журналистов. В тематическом аспекте районные издания избегают новостей и аналитических публикаций о политических процессах, проблемах бизнеса и экономики. В таких СМИ нет дорогостоящей рекламы, несмотря на то, что для всех современных изданий характерно проникновение PR-функций и рекламы в журналистику и ее жанры [Кедяркин 2011: 61–67].

В нашем исследовании мы опираемся на мнение С.Г. Корконосенко о том, что несоблюдение журналистом профессионально-этических норм первостепенно по отношению к закону. Журналист, пренебрегающий существующими морально-этическими принципами работы с рекламой, показывает свою непрофессиональность [Корконосенко 2012: 1723–1732].

Между тем результаты исследования А. Ю. Дорского показали, что важность этики в рекламе, с точки зрения СМИ, находится на последнем месте среди всех этических проблем общества [Дорский 2014]. Н.Н. Грицюта считает, что этической проблемой не только журналистики, но и всего медиaprостранства, является «представление рекламных материалов под видом информационного, журналистского сообщения», такой материал «должным образом не идентифицирован и закамуфлирован под сопровождающее сообщение», что противоречит закону «О рекламе», в части ее публикации в СМИ [Грицюта 2015: 11].

Медийная практика показывает, что российские журналисты нередко нарушают устоявшиеся в обществе профессионально-этические нормы. Причины этого А.О. Панченко связывает с гибридизацией журналистики, пиара и рекламы. Он считает, что содействовать формированию необходимых обществу профессиональных журналистских стандартов подачи информации позволяет институт *саморегулирования* [Панченко 2012: 170–175].

По определению М. Харасти *саморегулирование СМИ* – «это совместные усилия профессионального сообщества средств массовой информации по добровольному определению принципов, руководящих работой редакции, и их соблюдению в открытом процессе информирования общественности. При этом независимые СМИ берут на себя долю ответственности за качество общественного дискурса в стране при полном сохранении редакционной самостоятельности в его формировании» [Харасти 2008: 9].

По результатам проведенного ранее исследования, в число субъективных факторов, влияющих на профессиональное поведение сотрудников районных СМИ, входит отсутствие профессионального журналистского образования и недостаточный в связи с этим уровень профессиональных знаний, в том числе в сфере законодательства о рекламе, его реализации в журналистской практике и ответственности журналиста и редактора за последствия допущенных нарушений. Среди объективных факторов назовем отсутствие в редакциях целенаправленной работы по повышению профессиональных знаний сотрудников и стимулов к самообразованию [Хайдарова 2017: 129–132].

Для оценки профессионально-этического уровня районных редакций пермских районных газет в работе с рекламными материалами в исследовании были использованы проблемно-тематический анализ по заданным параметрам, классификация, сравнение, систематизация данных, полученных в ходе исследования, а также контент-анализ. Поставленная цель решалась на материалах пяти интервью с редакторами районных СМИ. Из них: три районных общественно-политических издания «Красная Вишера», «Искра» (город Лысьва), «Зори плюс»; одно районное рекламное-информационное – «Наш Соликамск»; одно районное, территориально приближенное к мегаполису периодическое – «Нива».

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе был составлен список из девяти вопросов по десяти параметрам для проведения интервью с целью выявления особенностей работы редакций газеты с рекламой. В связи с

тем, что редактор газеты «Красная Вишера» отказался отвечать на вопросы анкеты, интервьюирование было проведено с бывшим журналистом издания. Все анкетлируемые отвечали на вопросы с 15 марта по 3 апреля в письменной форме посредством электронной почты и переписки в социальных сетях. Анкеты высылались после получения предварительного согласия редакторов. Ответы получены от всех участников интервьюирования на все предложенные анкетой вопросы.

В ходе исследования для общественно-политических газет районного уровня «Зори плюс», «Красная Вишера» и «Искра» был разработан дополнительный вопрос, выявляющий возможный финансовый интерес районных журналистов к работе с рекламой в условиях отсутствия постоянного государственного софинансирования (как в газете «Нива») и рекламы как основного вида деятельности газеты («Наш Соликамск»). Одна из трех общественно-политических районных редакций отказалась давать ответ на дополнительный вопрос.

В результате обработки интервью получены данные, характеризующие особенности работы районных СМИ с рекламными материалами.

По параметрам – *источник финансирования и наличие рекламного отдела* в 100% был получен ответ «да».

По количеству сотрудников в рекламном отделе, четверо интервьюируемых отметили, что в редакциях работают от 1 до 6 человек. В одном ответе указано, что в рекламном отделе по штатному расписанию работает 2 сотрудника, а по факту – только один.

По видам рекламы 60% интервьюируемых в ответе указали, что в газете чаще всего используются «рекламные тексты под видом журналистских», 40% отметили – «имиджевые рекламные материалы».

По указанию на рекламность публикации. Нами получено два положительных ответа, два ответа с вариантами в зависимости от условий, один – отрицательный. В одном ответе указывается, что в редакции не ставят пометку о рекламе рядом с имиджевым материалом.

По видам рекламодателей. 80% редакторов ответили, что газеты привлекают предприятия и частные компании, относящиеся к малому, среднему и крупному бизнесу в качестве рекламодателей.

По авторству рекламных текстов в двух ответах помимо журналистов в качестве авторов указаны «рекламщики», в одном – редактор и ответственный секретарь, в двух – готовый текст.

На вопрос о знании закона «О СМИ» два ответа содержали оценку близкую к «отлично», один – «достаточно хорошо», один – «хорошо», один ответ – «средне». Знание закона «О рекламе» оценивается ниже, в двух ответах содержат оценку близкую к «достаточно хорошо», еще в двух – «средне», в одном – «отлично».

Вопрос, выявляющий наличие финансового интереса журналистов к рекламным текстам, был предложен трем районным СМИ. Получено только два

развернутых ответа. В обоих ответах отмечается, что гонорары за рекламный материал выше, чем за редакционный.

Итак, в результате первого этапа исследования установлено, что важность использования *рекламы как источника финансирования* подчеркивалась интервьюируемыми вне зависимости от типа издания. По сравнению с рекламно-информационной газетой «Наш Соликамск» для общественно-политических газет «Красная Вишера», «Зори плюс» и «Искра» средства от рекламы – существенная часть бюджета редакции.

Отметим, что открытость к диалогу о работе журналистов с рекламой прослеживается не во всех ответах. В большинстве случаев уклонения от ответов были связаны с вопросами о финансовой составляющей работы СМИ.

О финансовой зависимости от рекламы в газетах говорит *число сотрудников в рекламных отделах*: количество работающих «рекламщиков» в редакции возрастает от объема рекламного контента в газете.

Объем постоянного рекламного контента определяется наличием сотрудничества с объектами крупного бизнеса. Территориальная удаленность газет от бизнеса, постоянно заинтересованного в собственной рекламе, влияет на свободу газет от рекламного контента.

Большинство интервьюируемых утверждают, что в газетах используется указание на рекламность текстов. Редакторы газет подчеркивают, что знание законов «О СМИ» и «О рекламе» в редакциях находится на уровне «выше среднего».

Важно отметить, что, несмотря на знание законов «О СМИ» и «О рекламе», ответы интервьюируемых косвенно подтверждают пренебрежение нормами профессиональной этики журналиста. Можно предположить, что система гонораров, принятая в редакциях, служит стимулом для участия журналистов в создании заказных текстов, т.е. в редакциях существуют условия для нарушения Кодекса профессиональной этики журналиста.

На втором этапе исследования был проведен контент-анализ рекламной составляющей газет в 15 номерах районных общественно-политических газет «Зори плюс», «Красная Вишера» и «Искра» за январь-февраль 2018 г. По мнению И.А. Пашиной, этот научный метод исследования предполагает «систематичность и надежность фиксации элементов содержания изучаемой области с последующей количественной обработкой информации» [Пашиная 2012: 13–18].

В исследовании рекламного контента газет использовано определение понятия рекламы и ее видов с опорой на федеральные законы «О рекламе» и «О средствах массовой информации», а также Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Понимание скрытой и косвенной рекламы основано на трудах А.А. Жагариной и Н.В. Ежовой [Жагарина 2014: 32–35 ; Ежова 2009: 207].

Так, по каждому изданию определена суммарная площадь рекламы, объем модульной и срочной рекламы в зависимости от вида рекламируемого товара или услуги (бытовые, интеллектуальные, экономические услуги, зрелища, поздравления и некрологи, политическая, духовная реклама).

Результаты исследования были обобщены для каждой газеты. В пяти первых с начала 2018 г. газетах районного СМИ «Искра» количество рекламного контента превышает допустимую законом норму в 40% площади газеты и составляет в среднем 47,8%. В газете «Зори плюс» и «Красная Вишера» площадь прямой и непрямой рекламы составляет от 30 до 32 %.

Во всех газетах встречаются тексты, содержащие рекламу скрытого характера. При этом *пометка о рекламе* зачастую отсутствует, *авторство*, напротив, часто имеется. Это свидетельствует о явных нарушениях работы редакции в рамках правового, следовательно, и этического поля. При этом основными рекламодателями для «Красной Вишеры» являлись индивидуальные предприниматели, для «Зори плюс» – крупный и средний бизнес, для газеты «Искра» – региональная власть.

Для жанрового анализа рекламных текстов использована классификация жанров рекламы в прессе, предложенная Э. В. Чепкиной, которая разделила жанры текстов рекламы на заметки, новости, статьи, интервью [Чепкина 2008: 24–35].

Выявлено, что жанровое своеобразие рекламных текстов в исследуемых газетах представлено скудно. Чаще всего тексты пишутся в новостных жанрах. В рекламных материалах под видом журналистских без указания рекламности применяются эффекты усиления воздействия рекламы на читателя через подмену информационного повода, оценочную аргументацию, а также манипулятивное визуальное сопровождение.

Таким образом, в редакциях районных газет существуют размытые профессионально-этические ориентиры. При этом знания правовой и этической базы журналиста не всегда служат надежным инструментом саморегулирования в работе с рекламной информацией. Кроме того, редакции районных газет считают допустимым нарушение этических и законодательных норм в работе с рекламой. В частности, во взаимодействии с непрямой рекламой редакции районных газет Пермского края не делают различий между профессиональными компетенциями журналистов и «рекламщиков». Наличие рекламного контента обеспечивает общественно-политическим газетам Пермского края необходимый объем финансирования, а потому зависимость газеты от рекламного контента существенно влияет на качество работы СМИ.

Библиографический список

«О рекламе»: федеральный закон от 13 марта 2006 №38-ФЗ (последняя редакция)// КонсультантПлюс. 2006. № 38. С. 16.

«О средствах массовой информации»: федеральный закон от 18 декабря апреля 2018 года № 2124-1 (последняя редакция)// КонсультантПлюс. 1991. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 10.05.18).

Грицюта Н.Н. Формирование этики рекламы: национальный и международный опыт// Universum: общественные науки. 2015. №5. С. 11.

Дорский А.Ю. Этика рекламы в зеркале российских СМИ// Медиаскоп. 2014. №3. //URL: <http://www.mediascope.ru/node/1465> (дата обращения: 18.06.18).

Жагарина А.А. Скрытая реклама – одна из уникальных технологий управления потребительским поведением// Сборники конференций НИЦ Социосфера.2014. № 37. С. 32–35.

Кедяркин С.Н. Макарова Л. С. Проблемы тематического и жанрово-стилевого своеобозначения современной районной прессы (региональный аспект) // Знак: проблемное поле медиаобразования: журнал. 2011. №2. С. 61–67.

Кодекс профессиональной этики российского журналиста// URL: http://ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista/ (дата обращения: 18.06.18).

Корконосенко С.Г. Деонтология журналистики как область морального выбора профессионала // Журнал сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. № 12. С. 1723–1732.

Панченко А.О. Регулирование и саморегулирование журналистской деятельности: теория и прагматика// Научные ведомости. Серия: гуманитарные науки. 2012. №24. С. 170–175.

Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения// Научная переодика: проблемы и решения. 2012. №3. С. 13–18.

Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее: монография/ под общ. Ред. Л. Л. Черепановой; Перм. гос. нац. ун-т. 152. – Электрон. дан. – Пермь, 2017.С. 152–157.

Симкачева М.В. Шакиров А.И. Социальная проблематика районных газет республики Татарстан // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки: журнал. 2016. № 4. С. 138–142.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати// М.: Аспект Пресс, 2000.

Толкачев А.Н. Реклама и PR в бизнесе. М.: Эксмо, 2009. – 207 с.

Ученова, В.В. Реклама: палитра жанров / В. В. Ученова, С. А. Шомова, Т. Э. Гринберг, К. В. Конаныхин. М.: РИП-холдинг, 2000. С. 8.

Хайдарова Р. Профессионально-этические проблемы в СМИ: реклама в газете // Проблемы филологии глазами молодых исследователей. Электрон. издание. Пермь, 2017. С. 129-132.

Харасты М. Путеводитель по саморегулированию СМИ. Все вопросы и ответы. – Вена, 2008. С.9.

Чепкина Э.В. Дискурсивные практики СМИ и проблемы информационной безопасности: хрестоматия. Екб.: 2008. С. 24–35.

R.S. Khaidarova

Student of Philological Faculty

Perm State University

ADVERTISING CONTENT OF PERM REGIONAL NEWSPAPERS: PROFESSIONAL-ETHICAL ASPECT

The article presents the results of the study of the professionally-ethical evaluation of the work of regional newspapers of Perm region with advertising materials. The study is used materials of interviews with editors, data of questionnaires of journalists of regional media, issues of regional newspapers. In the result of the analysis we identify the place and role of advertising in the system of financing of regional newspapers, the features of its creation and presentation of the audience. The list of the main violations of regional newspapers in the use of direct and indirect advertising are specified. The level of professional knowledge of journalists in the field of ethical and legal component of the media in the field of advertising are revealed.

Key words: district mass media, professional ethics, advertising, interview, content analysis, genre peculiarity of secondary texts.

УДК 070'42

Мария Петровна Шипулина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Shipulina_jour-15@mail.ru
Научный руководитель:
Лариса Львовна Черепанова
канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций (ПГНИУ)

ЖУРНАЛИСТЫ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ ПЕРМСКОГО КРАЯ О РАБОТЕ РЕДАКЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В работе исследуются результаты интервьюирования медиа-экспертов, руководителей редакций и анкетирования журналистов районных газет Пермского края с целью выявления профессиональных проблем районной журналистики. На основе анализа выявленных проблем и сравнения результатов предпринята попытка установить уровень осознания журналистами профессиональных проблем редакций районных газет.

Ключевые слова: районные газеты Пермского края, работа редакции, профессиональные проблемы, социологический подход, социология журналистики.

В исследовании, посвященном проблемам изучения современных районных газет, профессиональным проблемам районной журналистики и степени их осознания журналистами, проверялась гипотеза о том, что в редакциях районных газет существуют разные позиции по отношению к профессиональным проблемам журналистики и это препятствуют и их разрешению.

Результаты исследования районных газет Пермского края показали, что в районных газетах существует большое количество профессиональных проблем, некоторые из них не всегда осознаются редакциями [Шипулина 2017: 133–135]. В связи с этим необходимость выявления степени осознания журналистами своих профессиональных проблем определяет актуальность работы.

Материалами исследования стали:

1. Данные социологического опроса журналистов районных СМИ Пермского края, который был проведен группой сотрудников кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ [Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее 2017: 173–197].

2. Материалы из «Цикла интервью с журналистами и медиа-экспертами Пермского края» [Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее 2017: 212–239].

В исследовании проведено сравнение результатов опроса журналистов и интервью редакторов. Целью этого исследования было выявление степени осознания менеджментом пермских районных газет тех профессиональных

проблем пермской районной журналистики, которые были установлены на первом этапе исследования [Шипулина 2017: 133–135].

На втором этапе работы были выявлены позиции редакторов и руководителей разных уровней районных газет Пермского края по отношению к профессиональным проблемам. Результаты свидетельствуют о неполном совпадении и даже существенном расхождении по отдельным параметрам позиций руководства районных СМИ и объективно выявленных в результате опроса журналистов проблем.

1. Проблема незнания руководителями редакций предпочтений в работе своих сотрудников. Опрос журналистов районных СМИ Пермского края показал признаки феминизации профессии журналиста: 78% журналистов районных СМИ – женщины, и при этом почти все опрошенные считают, что в редакции должно быть одинаковое количество мужчин и женщин. Мы предположили, что из-за гендерной асимметрии журналисты ощущают дискомфорт в работе.

В интервью все руководители районных газет, кроме одного, не отметили феминизацию профессии как проблему.

2. Руководители не считают обязательным иметь специальное журналистское образование для работы в газете. Наоборот, большинство из них считают это преимуществом.

В результате опроса было выявлено, что меньше одной трети работников районных СМИ имеют специальное журналистское образование. Отсутствие специального журналистского образования объясняет наличие двух следующих проблем.

3. Непонимание важности владения мультимедийными технологиями. Опрос показал, что специальную должность, связанную с технической подготовкой мультимедийных публикаций, на которой работает специалист (специалисты), имеют менее половины редакций. И по результатам интервью видно, что внимание мультимедийным технологиям уделяют только два издания из девяти. Остальные руководители не дали ответа на этот вопрос.

4. Второй проблемой, связанной с отсутствием специального журналистского образования, является тот факт, что представители редакций районных газет Пермского края не осознают отсутствия в их редакции отчетливых представлений о требованиях профессиональной этики журналиста. Результаты опроса помогли определить, что почти все работники районных редакций делали заказные материалы (93%). При этом почти все опрошенные (88%) утверждают, что в своей работе руководствуются принципами профессиональной этики журналиста.

В интервью о своих представлениях о профессиональной этике журналиста высказалось всего пять из девяти руководителей районных газет. Они считают соблюдение кодекса журналистской этики важным, но при этом не считают применение нативной рекламы без указания рекламного характера текста нарушением журналистской этики.

На вопрос, делают ли в их редакции заказные материалы, все руководители ответили, что они регулярно их пишут. Ни один руководитель не указал, что написание заказных материалов противоречит журналистской этике.

Очевидно, причиной того, что журналисты пишут заказные материалы, является не только незнание Кодекса журналистской этики, но и пренебрежение им. Ввиду низкой заработной платы журналисты зарабатывают написанием заказных материалов, что также подтверждается результатами опроса.

5. Проблема низкой заработной платы у сотрудников редакции влияет на отсутствие существенного стимула для работы. По результатам опроса большинство журналистов получает всего 10-15 тысяч рублей в месяц. Отсутствие существенного стимула для работы подтвердили результаты интервью. Наталья Мальцева, главный редактор газеты «Березниковский рабочий» (г. Березники), говорит: «Изменились и функции работников: например, сотрудники рекламного отдела не только зарабатывают для газеты, сколько – на прокорм самих себя» [Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее 2017: 201].

6. Непонимание того, что некоторые работники редакций не довольны работой в издании: по данным опроса, это почти треть сотрудников [Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее 2017: 183,185]. Но руководители ничего не знают о недовольстве своих сотрудников.

По результатам анализа интервью были выявлены другие проблемы, которые не были обнаружены в материалах опроса журналистов.

1. Проблема сильной зависимости от власти. Цензурирование текстов властью усложняет работу редакции, уменьшает полноту поданной информации, а также делает газету более склонной к интересам власти. Также зависимость от власти проявляется в ограничении доходов газеты и в маленькой зарплате сотрудников.

2. Проблема возрастных работников в редакции. Руководители не считают важным фактором при приеме в штат возраст сотрудников. Возраст может проявляться в неактуальности подачи информации, в сложности отбора нужной информации, в неумении пользоваться современными технологиями. Это может привести к неактуальности издания.

3. Малое количество аналитических материалов в издании. Это может говорить о недостаточности навыков создания публикаций в аналитических жанрах у сотрудников редакций.

4. Слабое освоение изданиями интернет-площадок. Только один руководитель из девяти говорит, что не понимает, как зарабатывать деньги на веб-версии газеты. Есть руководитель, который принципиально возражает против освоения интернет-площадок. Он считает, что развитие сайта приведет к уничтожению печатной газеты (Игорь Михайлов, газета «Искра», г. Лысьва [Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее 2017: 213]). Остальные говорят о группах своих газет в соцсетях (в основном о группах «ВКонтакте»), но подписчиков на них мало.

Полагаем, что заявленная гипотеза (в редакциях районных газет существуют разные позиции по отношению к профессиональным проблемам, и это препятствуют их разрешению) подтверждена полностью. Для качественной работы современных районных газет необходимо решение системных вопросов по повышению уровня профессиональных знаний сотрудников редакций.

Библиографический список

Районные газеты Пермского края: настоящее и будущее: монография под общ. ред. Л. Л. Черепановой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. // URL: <https://elis.psu.ru/node/>. (дата обращения 20.03.2018).

Черепанова Л. Л. Журналист районного СМИ. Штрихи к современному портрету // Информационное поле современной России: практики и эффекты. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Казань, 2016. С. 323–329.

Шипулина М. П. Профессиональные проблемы районных СМИ Пермского края: социологический подход // Проблемы филологии глазами молодых исследователей. 2017. С. 133–135.

M.P. Shipulina

Student of Philological Faculty

Perm State University

JOURNALISTS OF REGIONAL NEWSPAPERS OF PERM REGION OF THE EDITORIAL BOARD: SOCIOLOGICAL APPROACH

The article describes the results of interviewing media experts, heads of editorial offices and questionnaires of journalists of the regional Newspapers of Perm region. Our object is to identify professional problems of district journalism. Based On the analysis of the identified problems and comparison of the results obtained from the two groups, we set the level of awareness of journalist of professional problems of the editorial offices of district Newspapers.

Key words: regional Newspapers of Perm region, editorial work, professional problems, sociological approach, sociology of journalism.

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР

УДК 81'373.2

Ольга Дмитриевна Вьюжанина
студент Колледжа профессионального образования
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Научный руководитель:
Мария Владимировна Боброва
канд. филол. наук, преподаватель
Колледжа профессионального образования

ПРИНЦИПЫ НАИМЕНОВАНИЯ АГЕНТСТВ НЕДВИЖИМОСТИ Г. ПЕРМИ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00555)

В статье изучены современные наименования агентств недвижимости г. Перми. Имена собственные рассмотрены с точки зрения основных принципов отбора лексики номинаторами и функций наименований. Сделан вывод о воздействующем характере номинаций, призванных создать положительный образ организации у целевой аудитории.

Ключевые слова: ономастика, агентство недвижимости, Пермь.

Данное исследование продолжает изучение, с одной стороны, современных процессов в области эргонимии (науки об именовании различных объединений людей) в целом, с другой – особенностей наименования локальных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории г. Перми. В центре внимания оказались названия коммерческих организаций, в связи с чем проблематика работы пересекается с вопросами маркетинговых исследований, а именно, с вопросами нейминга. Подобные работы, направленные в том числе на повышение культуры номинирования организаций, не теряют своей актуальности. И настоящая статья вписывается в ряд исследований по изучению эргонимии отдельных регионов России, выполненных А.М. Емельяновой, Т.П. Романовой, Е.А. Трифоновой, О.В. Чеботаревой, Н.В. Шимкевичем, Е.А. Яковлевой и другими лингвистами.

Нами было собрано 50 названий агентств недвижимости г. Перми. Поиск информации осуществлялся в сети интернет, при помощи справочников по наименованиям агентств недвижимости. Основным источником материала послужил справочник «2ГИС».

На данный момент разработано множество подходов к созданию наименования коммерческой организации. Мы далее укажем наиболее востребованные принципы отбора лексики, которых придерживаются владельцы и / или учредители агентств недвижимости г. Перми.

1. Названия, содержащие указание на род деятельности фирмы, например:

Мир недвижимости, Мир сделок, Легко квартиру. Благодаря такому наименованию потенциальный клиент понимает, что фирма занимается именно недвижимостью, а, например, не проведением ремонтных работ или оказанием клининговых услуг.

С этой целью при отборе лексики обычно применяется метод ассоциаций: а) прямые ассоциации (с использованием слов, связанных со сферой / родом деятельности организации непосредственно), ср.: *Мир недвижимости, Смени квартиру, Жилищные решения, Новые дома, Нужный Адрес, Новоселы, Новостройка59* (обычно актуализируются понятия, относящиеся к конкретному месту проживания, в данном случае – понятия «жилище», «дом», «квартира», «адрес», «недвижимость», «новостройка», «новосел»); б) не прямые ассоциации: *Крепость* (вероятно, связано с выражением «Мой дом – моя крепость»), *Metro room* (фирмоним, в котором обыгрываются английские слова *metropolitan* ‘столичный’, *room* ‘комната’ и русское *метр*, вероятно из сочетания *квадратные метры* ‘о жилье’). Необходимо отметить, что ассоциативным является абсолютное большинство названий.

2. Названия, указывающие на особенности (качество, скорость и т. п.) выполнения услуг, например: *Эксперт, Гарант, Удачное решение* (вероятно, удачным должен стать выбор агентства, которое поможет затем найти оптимальное решение жилищного вопроса), *Best-Недвижимость* (из английского *best* ‘лучший’), *GOOD Недвижимость* (из английского *good* ‘хороший’), *VICTORIAVIP*. Такие номинации призваны создать положительный образ фирмы.

3. Названия с использованием варваризмов, например: *Century 21 HomeRealEstate, Fedesta, Fondhouse, VICTORIAVIP*, а также комбинированные названия: *Best-Недвижимость, GOOD Недвижимость*. Сегодня это один из наиболее популярных приемов нейминга, т.к. в сознании потребителей все европейское и американское связывается с представлениями о высоком уровне обслуживания, высоком качестве и т. п. И поэтому всё чаще используются названия на английском языке.

4. Названия, содержащие топографическую привязку, например: *Пермская недвижимость* (агентство находится в Перми), *Новостройка59* (отсылка к номеру региона – Пермского края). Такие онимы указывают потенциальным клиентам, где именно работает организация, что бывает очень актуально при обращении потенциального клиента к сети интернет.

5. Названия, содержащие указание на имя владельца, например: *Тимур, VICTORIAVIP, Людмила*. Такие наименования нацелены на то, чтобы вызвать особое доверие к организации.

6. Названия, не связанные с деятельностью организации, например: *Ларец, Ракурс, Гранат, Галактика*.

Имеются единичные примеры лексики иных групп: неместные топонимы (*Атланта, Милан*), термины (*Финрент*), аббревиатуры (*СПК*), др.

Можно заметить, что большинство названий – комбинированные единицы, в которых сочетается два и более принципа отбора лексики.

Выделим группы эргонимов с функциональной точки зрения. Обычно

исследователи говорят о трех функциях – номинативной, информативной и рекламной (см., например, [Михайловская: 1971]). Однако «номинативная – функция идентификации объекта – главная функция любого СИ [собственного имени]. А вот информативная и рекламная – специфические функции названий, предназначенных для сферы реализации товаров и услуг» [Романова: 1998].

Исследуемые названия можно разделить, вслед за Т.П. Романовой, на четыре группы.

1) Информативные: *Пермская недвижимость, Жилищные решения, Этажи, Прикамье*. Такие онимы сообщают, чем занимаются организации и где они расположены.

2) Рекламные: *Привилегия, Альфа, Эксперт, Перспектива, Респект*. Такие названия призваны вызывать положительный образ фирмы и воздействовать на целевую аудиторию главным образом эмоционально.

3) Рекламно-информативные: *Нужный Адрес, 1001ан, Best-Недвижимость*. Нередко в таких названиях используются притяжательные местоимения, усиливающие воздействующую функцию онимов: *Ваш дом, Ваши метры, Своя квартира*. Особое доверие призваны вызвать такие названия, в которых сообщается имя владельца, тем самым принимающего на себя ответственность за качество услуг: *Тимур, VICTORIAVIP, Людмила*.

4) Номинативные: *Ракурс, Ларец, Вектор-ПМ, Белые ночи*. Это периферийная группа эргонимов. Для таких названий характерна прежде всего краткость, нацеленность на запоминаемость слова.

Таким образом, названия агентств недвижимости г. Перми разнообразны по принципам отбора лексики и функционально. В конечном итоге такие эргонимы призваны воздействовать на целевую аудиторию (на потенциальных клиентов) и направлены на создание положительного образа организации.

Библиографический список

- 2ГИС // URL. <https://2gis.ru> (Дата обращения: 23.02.2018 г.).
- Михайловская Л.Г. Три аспекта проблемы названий // Ономастика Поволжья: Материалы II Поволжской конф. по ономастике. Горький, 1971. С.252–355.
- Романова Т.П. Проблемы современной эргонимии // Вестн. СамГУ. 1998. № 1. Филология // URL. <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1998web1/plog/199811801.html> (дата обращения: 25.05.2018).

O.D. V'yuzhanina

Student of College of Professional Education
Perm State University

PRINCIPLES OF NOMINATION OF THE REAL ESTATE AGENCIES OF PERM

The article is about the modern names of the real estate agencies of Perm. The proper names are considered from the point of view of principles of selection of lexicon by nominators and functions of names. The conclusion about the manipulate character of the nominations, designed to create a positive image of the organization by the target audience, is made.

Key words: onomastics, real estate agency, Perm.
УДК 811'161.1

Калиса Сергеевна Пешина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alisapeshina@yandex.ru
Научный руководитель:
Светлана Юрьевна Королева
канд. филол. наук, доцент
кафедры русской литературы (ПГНИУ)

СЛУЧАЙНЫЙ ПРИЗНАК ИЛИ НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ? ОБ ОДНОЙ ИЗ ГРУПП ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ

*(Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ,
проект № 16-34-00007-ОГН «История Северного Прикамья в зеркале фольклора
(на материале публикаций XIX – начала XX вв.)»)*

Статья посвящена описанию одной из групп топонимических преданий Пермского края, выделяемой с позиций уже существующих классификаций. Рассматривается уместность использования сложившейся формулировки: мотивировка по случайному признаку (произвольная) или «народная этимология» – на примере конкретного материала доказывается необходимость уточнения ключевого признака данного типа фольклорного исторического повествования. Высказываются предложения в отношении распределения корпуса текстов по иным основаниям.

Ключевые слова: топонимия, топонимическое предание

Топонимические предания как тексты, так или иначе объясняющие происхождение названий географических объектов, включаются исследователями в общий объем фольклорной исторической прозы и являются интересным объектом для изучения хотя бы потому, что получили в отличие от других типов собственное устойчивое название. Возможно, это связано с тем, что рассказы об образовании названия населенного пункта или другого топонима ярко выделяются на фоне других нарративов и к тому же в совокупности составляют достаточно большой массив текстов.

В нашей работе в качестве материала использовались топонимические предания, собранные в экспедициях Пермского государственного университета разных лет (1972, 1978, 1983–1993, 1995, 2000–2005, 2010 гг.) на территории Пермского края (ранее – Пермской области). Для сравнения привлекались также тексты XIX в., обнаруженные в региональных периодических изданиях.

На основании уже существующих указателей сюжетов и мотивов фольклорной исторической прозы [Криничная 1991; Приказчикова 2009] мы

выделили основные группы топонимических преданий, бытующих на территории Пермского края. Наиболее многочисленными оказались три: 1) где название объясняется через обращение к имени (фамилии, прозвищу) лица (основателя поселения, первого жителя или другого); 2) название отсылает к физическим характеристикам местности; 3) название дано на основе произвольной мотивировки (по случайному признаку, так называемая «народная этимология»).

Нужно заметить, что тексты, условно относимые к двум последним группам, часто пересекаются и сближаются настолько, что классифицировать их представляется затруднительным. Само же наименование третьего раздела, введенное исследователями, представляется спорным. Н.А. Криничная предлагает две параллельные формулировки для обозначения преданий данного типа: «описывают происхождение топонима по случайному признаку (народная этимология)» [Криничная 1991]. Мы считаем, что здесь необходимы уточнения. Кажущаяся «случайность» мотивирующего признака при ближайшем рассмотрении таковой не является, так как на самом деле этот признак либо прямо обусловлен лингвистическим фактором (семантикой топонима, а в случае его иноязычного происхождения – сближением с русской лексемой), либо связан для информантов с конкретными местными реалиями. Для наглядности приведем несколько примеров.

Интерес представляет группа преданий о названии села Пянтег (Чердынский р-н). Многочисленные варианты показывают устойчивую ассоциативную связь данного ойконима со словом «пень»: *«Слышала я, давно это было. Плыл по реке пень. А на пне–икона. Люди-те икону увидели, церковь поставили тут. И назвали место Пянтег»* (Чердынский р-н, 1987 г.); *«Село называется так, потому что когда-то по реке плыл пень, а на нем была икона. Пень с иконой пристал к берегу. А люди увидели икону и решили построить здесь поселение (пень и тёк)»* (Чердынский р-н, 1987 г.); *«Слышала я, что стоял здесь пень, а возле ручей тёк. Люди пришли, деревню поставили и назвали Пянтег»* (Чердынский р-н, 1987 г.). По всей видимости, основанием для возникновения и сохранения мотивации послужил не «случайный выбор», но сходство фонетического облика лексических единиц «пень» и «Пянтег».

Подобная связь между топонимом и обоснованием его происхождения прослеживается и в следующих примерах: *«Жил чудской князь Кор на городище. Воевал и был разбит русскими воинами. Жителей переселили на место нынешнего Искора. Вот и назвали: “Из-кор”»* (Чердынский р-н, 1995 г.); *«Был май. Пролетела ворона и сказала: “Кар!” И не знали, как [село] назвать. Майкор и назвали»* (Чердынский р-н, 1995 г.); *«Амбор раньше Амбур назывался. Бурили здесь раньше, а что бурили, кто его знает»* (Чердынский р-н, 1987 г.) и др.

Обратим внимание, что почти всегда в связи с данным типом предания нам приходится говорить о нерусскоязычных названиях. Наряду со стремлением подобрать для таких топонимов русскую мотивирующую основу, встречаются попытки перевода названий с языка-источника. У информантов действительно часто не возникает сложностей с расшифровкой гидроформантов –*ва* или –*шор*, однако смысл корня может не восприниматься вовсе, что проявляется в текстах,

где информант не предлагает никаких версий объяснения: «*Кушор, ку – ?, шор – “река” по-коми-пермяцкому*» (Красновишерский р-н, 2005 г.). В других случаях иноязычный корень осмысляется иначе, чем это принято в науке: «*Язьва так называется потому, что ва–это “вода” по-коми, а язь – это рыба. Раньше ее здесь очень много было*» (Красновишерский р-н, 2005 г.). Лингвист А.К. Матвеев дает объяснение названия этой реки (и комментирует недостоверные версии) в работе «Географические названия Урала»: «Язьва (раньше также Язва), лев. пр. р. Вишера в Перм. кр. По И. Я. Кривошекову, из коми-пермяцких слов ез – “орех” и ва – “вода”, поскольку в древности здесь в обилии росли кедровники, но тогда была бы Езва или Езьва. А.С. Кривошекова-Гантман видит в первой части названия мансийское яс – “колея”, “тропа”, “русло большой реки”. Есть еще русское язь, ез – “запруда для ловли рыбы”. Это слово могло проникнуть и в коми язык. Интересно, наконец, коми-пермяцкое йӧз – “народ”, “люди” (в смысле “Река, на которой живут”, “Жилая вода”), хотя и в этом случае фонетическое соответствие неполно» [Матвеев 2008: 334].

Еще одна популярная модель фольклорной интерпретации топонима – когда информант объясняет ту часть слова, для которой находится какое-то соответствие в его родном языке, а другую часть оставляет неясной: «*Еще рядом есть название Турьямор. Так это, говорят, на острове между Иньвой и Камой нашли голову тура. Вот и получилось “Турь”, а “ямор” – это слово пермяцкое, перевод-то его я не знаю*» (г. Чермоз, Ильинский р-н, 1992 г.). И здесь, и во всех ранее приведенных случаях происходит работа с внутренней формой слова, то есть срабатывает лингвистический фактор.

Выше мы указывали также на другой мотив, встречающийся во многих преданиях, где содержится топоним, объясняемый по принципу народной этимологии, – это описание случаев, которые подаются как события локальной истории либо реальные местные происшествия: «*Есть там у нас камень, называется Сотник. У этого камня такой порог высокий и пережат большой. Ехал мужик и только на сотый раз он поднялся на этот пережат, и камень назвали Сотник*» (Чердынский р-н, 1987 г.); «*Шли два охотника, пошли по речке. Там в домике старушку мертвую нашли. “Как будем речку звать?” Да Бабкой и назвали*» (Соликамский р-н, 1972 г.); «*Там женщина родила семерых ребят за раз, так и назвали – Семеряново*» (Красновишерский р-н, 1986–1987). Заметим, что здесь почти всегда фигурируют русскоязычные названия, но есть и некоторые исключения: «*У Вижая есть камень Варуш. Рассказывали, один мужик не мог подняться на пережат и заварил кашу, поэтому камень и называется Варуш*» (Чердынский р-н, 1987).

В преданиях, где объяснение строится на основании события локальной истории, насыщенность действием выше, чем в тех же «лингвистических» объяснениях или рассказах об основателях поселений – последние обычно ограничиваются указанием на лицо. По структуре рассказы о местных событиях сближаются с фольклорными повествованиями о реальных исторических событиях или персонажах.

Поскольку при рассмотрении топонимических преданий и их бытованиям интересен также диахронный аспект, мы сопоставляли тексты XX в. с теми, что обнаружили на страницах «Пермских губернских ведомостей» второй половины XIX в. Предания с мотивировкой от имени или прозвища лица, а также от особенностей местности распространены в достаточной мере в обоих периодах. Представлены в XIX в. и попытки любительской этимологии: *«Мне кажется, что название реки произошло от прежде живших здесь пермяков, ибо слово – тул означает гвоздь или спицу, а окончание – ва – на том же языке означает воду»* [«Переписные Осинские книги...» 1880: 77]; *«Кам-гур, по всей вероятности, здесь говорится о р. Кунгуре, составляющей приток реки Сылвы. Слово “кунгур” татарское и, как мне кажется, происходит от следующих слов: кун – корень слова, откуда глагол кунак – ночевать, иметь ночлег; слово гара – пещера. Стало быть, первоначальное название и притом правильное ныне существующих реки и города Кунгура – было Кун-гара, впоследствии измененное в Кунгур, т.е. ночлег в пещере»* [Шшонко 1880: 328]. Эти тексты, безусловно, являются авторскими и должны быть отделены от нашего материала, но они демонстрируют, как тенденция объяснять происхождение топонима исходя из его внутренней формы проявляется не только в фольклоре, но и в любительском краеведении.

Текстами, в которых повествование основывается на событиях локальной истории, мы располагаем в меньшей степени. Однако был обнаружен интересный случай: один из нарративов, записанный в 1990-х гг., с некоторыми вариациями повторяет сюжет, встреченный нами в «Пермских губернских ведомостях» за 1881 г.: *«<Соб.: А почему Переволока так называется?> А потому что она перевезёна–из Чокина. А полностью-то она зовется Чистопереволока, потому что всю чисто ее перевезли. Когда-то, гыт, она выгорала, вся выгорала. Заново отстроили»* (Большесосновский р-н, 1993 г.); *«Поводом к основанию этого селения, по уверению местных старожил, послужило следующее обстоятельство. К юго-востоку от села, на расстоянии 2-х верст, идет небольшое возвышение, именуемое местными обитателями Чекиной горой. Это возвышение идет полукругом на расстоянии от 300-400 сажень, образуя двумя своими отрогами род замкнутой котловины. На склоне этой котловины находилось некогда селение, о чем свидетельствуют сохранившиеся до сих пор руины. Жители этого селения (названия его не сохранилось), вероятно, по недостатку воды, – стали переселяться на берег р. Сивы, на место настоящего селения. Таким образом все жители переселились и старое селение, говоря простонародным языком, было “чисто переволочено”. Отсюда село и получило название села Чистопереволочного»* [Ф. Я. 1881: 245]. Пример показывает, что в некоторых случаях сюжеты данного типа могут быть очень устойчивы и сохраняться на протяжении долгого времени.

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу, мы можем заключить, что «именование по случайному признаку» оказывается не самым удачным для рассмотренной группы топонимических преданий. Но и второй вариант – «народная этимология» – может быть принят лишь с определенными

оговорками. С одной стороны, народной этимологией можно назвать любое объяснение происхождения слова (не только топонима), полученное от носителя фольклора, – и тогда все топонимические предания в широком смысле относятся к этой области. С другой стороны, такая формулировка заранее содержит в себе некоторую оценочность: она однозначно опровергает информацию, содержащуюся в предании, противопоставляя ее тому, «как было на самом деле», либо научной истине. Зачастую, однако, у нас нет никаких данных, чтоб установить, соответствует ли фольклорная версия происхождения топонима реальной действительности или нет.

В модели более подробного указателя сюжетов и мотивов, разработанного Н.В. Петровым [Петров 2013], предложен альтернативный подход. Материал топонимических преданий непротиворечиво можно классифицировать, основываясь на выделенных в этой разработке структурных единицах. В частности, в раздел данного указателя – I.A.3. Названо в связи с особенностями объекта – носителя топонима: I.A.3.1. Отдельные события из истории данного объекта – попадает предание о селе Чистопереволочном: село было «переволочено». Сюда же мы можем распределить, например, предание о деревне Гари: *«Три года поля вокруг деревни горели, видно, торф там горел. Вот Горелой и назвали. А потом Гари»* (Чердынский р-н, 1989 г.), – тогда как по классификации Н.А. Криничной последний сюжет мог бы попасть в группу преданий, описывающих происхождение топонима от особенностей местности. Предусмотрено в указателе Н.В. Петрова место и для «лингвистических» объяснений топонимов: раздел I.A.3. Названо в связи с особенностями объекта – носителя топонима: I.A.3.5. Через «языковую игру».

Таким образом, на текущем этапе исследования все обнаруженные нами тексты, первоначально объединенные в соответствии с указателем Н.А. Криничной в группу «произвольная мотивировка (народная этимология)», распределяются на те, где идет речь о событиях локальной истории, и те, где объяснение обусловлено внутренней формой слова. Членение на более мелкие подгруппы оказывается более соответствующим материалу и потом более продуктивным.

Библиографический список

- Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krinichnaya1.htm> (дата обращения 15.03.2018).
- Матвеев А.К. Географические названия Урала. Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008. 352 с.
- Петров Н.В. Проблемы описания локальной традиции: указатель сюжетов и мотивов топонимических и исторических преданий // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции: сб. статей. М., 2013. С. 227–246.
- Переписные Осинские книги князя Ивана Дашкова 1678 года / Поясн. В. Шишонко // Пермские губернские ведомости. 1880. №15. С. 76–77
- Приказчикова Ю.В. Устная историческая проза Вятского края : Материалы и исследования. Ижевск, 2009. 389 с.
- Ф. Я. Село Чистопереволочное Оханского уезда // Пермские губернские ведомости. 1881. №48. С. 245.
- Шишонко В. Примечания к грамотам книги Соликамского Вознесенского монастыря // Пермские губернские ведомости. 1880. №84. С. 327–328

K.S. Peshina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

**RANDOM FEATURE OR FOLK ETYMOLOGY? ABOUT ONE GROUP OF
TOPONYMIC LEGENDS OF PERM REGION**

The article is devoted to description and characterizing of one group of toponymic legends of Perm Region, which was selected according to traditional classification. On the base of resources (texts of the 19th century and notes of the 20th century from PSU folklore archive) we demonstrate inadequate wording “...” and “folk etymology” for naming this type of texts. In conclusion we offer other characteristics for classification.

Keywords: toponyms, toponymic legends

УДК 81'37

Дарья Александровна Сазина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
sazina@psu.ru

Научный руководитель:
Ирина Ивановна Русинова
канд. филол. наук, доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания (ПГНИУ)

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МУХИ

В работе рассматривается фрагмент языковой картины мира, который отражает представления человека о мухе. Проводится анализ внутренней формы языковых единиц, содержащих в себе лексему «муха» или производных от данной лексики. На основе анализа выделяются мотивационные признаки, лежащие в основе рассматриваемых языковых единиц. Предлагается классификация мотивационных признаков и связанных с ними мотивов. Составляется ономаσιологический портрет мухи. Дается оценка представлений о мухе в русской традиционной картине мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, мотивационный признак, мотив, ономаσιологический портрет.

Картина мира человека, воплощенная в языке, сегодня является актуальным объектом исследования в этнолингвистике. А все более возрастающий интерес исследователей к «зоологическому коду» в русском языке предполагает изучение и энтомологической лексики с целью получения социокультурной информации о человеке и окружающей его действительности. Высокая степень вовлеченности насекомых в быт человека «обуславливает богатую палитру их наименований в языке и символическую разработанность в народной культуре. Кроме того, энтомологическая лексика выступает как богатый источник разного рода метафорических обозначений, в том числе и определений человека» [Кривошапова 2007: 3]. В русском языке богатым источником этнокультурной информации является лексика и фразеология, связанная с таким насекомым, как муха.

Муха принадлежит к группе короткоусых (Brahycera) и группе куклородных (Pupipara) отряда двукрылых (Diptera) семейства насекомых [ЭСБЕ 20: 661-670]. В природе существует около 5000 видов мух; часть из них обитает в дикой природе, место обитания остальных видов тесно связано с местами жизнедеятельности человека. Подобного рода «сожительство» человека и насекомого (Ср. *комнатная муха*) породило в сознании человека определенные представления о нем. Отражение этих представлений мы обнаруживаем в языке в процессе анализа семантики различных языковых единиц: номинативных единиц, производных от

слова муха, фактов семантической деривации и ситуативных номинаций (фразеологизмов и пословиц) на базе этих слов. Заложенный в основу номинации признак отражает наиболее устоявшееся в сознании носителя языка представление об объекте, а интерпретация мотивационного признака носителем языка порождает множество связанных с реальией устойчивых мотивов.

Анализируемые языковые единицы объединены нами в 4 большие группы с точки зрения общности мотивационных признаков, которые подробно проанализированы внутри каждой группы и составляют подгруппы. На основе мотивационных признаков нам удалось выделить несколько мотивов (интерпретаций того или иного признака реальности).

I. Внешние признаки

- Муха – насекомое маленького размера.

Основной характеристикой мухи, отражающей внешние признаки насекомого, является маленький размер относительно размера человеческого тела. В первую очередь, этот признак реализуется через сближение мухи с другими насекомыми: *муха* ‘овод’ – «Летом муха одолевает скотину» (Даль), ‘пчела’ – «Мухи теленка больно изжалили» (Вят.) [СРНГ 19: 35], *мушкар* ‘комары’ (Нижегор.) [СРНГ 19: 45], что объясняется универсальностью данного мотивационного признака для большинства насекомых.

Признак маленького размера лежит в основе таких обозначений, как *муха* ‘прозвище малорослого человека’ (Волог.) [СРНГ 19: 35], *мушиха* ‘прозвище малорослой женщины’ (Пенз.) [СРНГ 19: 44] и *мушинка* ‘узелок на нитке, прикрепленной к крючку для определения глубины’ (Пенз.) [СРНГ 19: 44], а также в основе фразеологических сочетаний *есть как муха* шутол. ‘очень мало’ [СПП: 106], *брать на мушку* ‘сосредоточивать внимание на ком-либо или на чем-либо, наблюдать, следить за кем-либо или за чем-либо’ и *мушки в глазах* ‘рябь, мелькание точек в глазах’ – «Давление у меня, мушки в глазах, а раньше ведь я давлением не мучалась» (Залежная) [ФСРГНП 1: 414], в котором помимо маленького размера актуализируется признак множественности.

Кроме того, данный признак нашел отражение в пословице *делать из мухи слона* ‘сильно преувеличивать что-либо, придавать чему-либо незначительному большое значение’ – «Вы не слушайте Петра Иваныча: он из мухи делает слона: рад случайно поумничать» (Гончаров. Обыкновенная история) [ФСРЯ: 131], где маленький размер мухи противопоставляется крупному размеру слона.

Благодаря маленькому размеру муха воспринимается как безобидное и слабое существо, что связано в языке с **мотивом безобидности**. Данный факт отражен в фразеологизме *муха крылом пробьет* ‘о тонком некрепком материале’ – «Такой материал плохой да слабый – муха крылом пробьет» (Дон.) [СРНГ 32: 82]. Продуктивность данного признака также отражена в семантическом деривате *мухаиш* ‘об очень смирном человеке’ (Ленингр.) [СРНГ 19: 32] и фразеологических образованиях типа *мухи не обидит* ‘кроткий, безобидный, добрый’ [ФСРЯ: 290] и *мухи да старухи* ‘немошные, утратившие работоспособность люди’ – «Ну кто в деревне-то счас есть, мухи да старухи, все ведь на сенокосе» (Усть-Цильма) [ФСРГНП 1: 413].

II. Функционирование реалии

- Муха – насекомое, встречающееся во множестве.

Важной чертой ономаσιологического портрета мухи также является объективная характеристика множественности, которая проявляется, например, в собирательном определении *муховня* ‘скопление, рой мух’ [ССГ: 120]. Этот признак также лежит в основе синонимичных фразеологических сочетаний *белые мушки* ‘хлопья снега’ [ФСРГС: 115] и *белые мухи* ‘падающие снежинки’ – «Над деревней давно уже носятся белые мухи, лениво падая на истоптанную землю, одевают ее прозрачной, тонкой пленкой сухого снега» (М. Горький. *Лето*) [ФСРЛЯ 1: 388].

Подтверждением важности данной характеристики для портрета мухи служит факт переноса признака с насекомого на человека. Наиболее интересно такой перенос осуществлен в фразеологизмах *как мухи на мед* ‘о большом количестве людей, стремящихся в ажиотаже куда-либо, к кому-либо’ и *мрут как мухи* ‘погибают в огромном количестве’ – «Если бы арестанты лишены были всякой возможности иметь свои деньги, – они или сходили бы с ума, или мерли как мухи» (Достоевский. *Записки из мертвого дома*) [ФСРЛЯ 1: 388]. В последнем, помимо мотивационного признака множественности, находит отражение и представление об уязвимости мухи как маленького насекомого, которого легко убить и связывается в языке с **мотивом ущербности**.

Такие факторы, как множественность мух и объективная трудность их поимки, порождают, с одной стороны, восприятие процесса как сложного, для которого необходима ловкость: *как муху убить* неодобр. ‘немедленно, вовремя (прийти, явиться)’ – «Я его не ждала, а он тут же приехал, как муху убил, а сам хотел долго ездить» (Залежная), ‘быстро, метко, точно (сказать, ответить)’ – «Ну ты, Люба, ты уж скажешь как муху убьешь» (Скитская) [ФСРГНП 1: 304], а с другой стороны, восприятие процесса охоты на мух как бесполезного, заниматься которым можно либо от лени, либо от крайней степени скуки: *с киселя мух гонять* ‘делать бесполезную и легкую работу’ [ФСПГ: 87] и *мух ртом ловить* ‘ирон. зевать’ – «Опять ты мух ртом ловишь, не выспался однако» (Омск) [ФСРГС: 107].

Этот признак также породил в языке ряд семантических дериватов: *мухобой* ‘повеса’, *мухоблуд* ‘лентяй или шатун, дармод’, *мухолов* ‘кто, от нечего делать, мух ловит’ [Даль: 947]. В целом, ситуация безделья и скуки в русской языковой национальной картине мира тесно связана с образом мухи: *мухи дохнут* презрит. ‘невыносимо скучно’ – «И, чтобы перевести разговор, он спросил, как мама живет на даче. – Скука там, мухи дохнут, – ответил Евгений.» (Ю. Герман. *Дело, которому ты служишь*) [ФСРЛЯ 1: 388] и находит свое отражение в **мотиве скуки**.

- Муха – насекомое, издающее характерный громкий звук.

Не остается без внимания и «звуковая» сторона образа мухи, этот признак актуализируется в целом номинативном ряде: *гудок* ‘муха, похожа на трутня, издающая пронзительное жужжанье’ (Смол.) [СРНГ 7: 203], *визга* ‘муха, кусающая лошадей (очень больно кусает и противно визжит)’ – «Коней визга

кусает гораз больно» (Пек.) [СРНГ 4: 277], *бурчага* или *бурчалка* ‘о мухе’ – «Летит муха-бурчага и говорит: «Чей это домок?»» (Нижегор.) [СРНГ 3: 300].

Зачастую мушиное жужжание сравнивается с плачем: *горюха* ‘муха с синим брюшком, издающая «грустное жужжание»’ – «Мухи-горюхи собирались, комаров кости собирали» (Смол.) [СРНГ 1972: 84] или брюзжанием: «Муха брюзжит» (Даль) и «Брюзжит, как муха в осень» (Даль) [СРНГ 3: 221].

- Муха – насекомое, кусающее человека и скот.

Способность мухи кусать, жалить человека и скот также отмечена в языке. Например, некоторых паразитирующих насекомых, в том числе муху, называют *кровопивка* – «Мухи-кровопивки покою не дают» (Куйбыш.) [СРНГ 15: 269], а осенних очень злых мух – *кусачками* (Калуж.) [СРНГ 16: 156].

- Муха – насекомое нечистое.

Некоторые способы питания и размножения мух, а также способность разносить заразу породили в сознании человека представление о мухе как о нечистом насекомом. Например, муха определяется как существо, близкое к гадам, что отражено в наименовании *гнузина* ‘муха’ – «Алеша, гли-ко в молоке-то гнузина плавает» [ОСВГ 3: 34] и собирательном наименовании *гад* ‘слепни, оводы, мухи’ (Свердл.) [СРНГ 6: 90].

Кроме того, муха может быть метафорой моральной нечистоплотности: *Одна муха не проест брюха* ‘говорят тому, кто слишком брезглив’ (Иркут.) [СРНГ 19: 35], *Прилетела муха-грязнуха к мухе-пачкухе* ‘сплетни’ [Князев: 54] или же *непокрытая вода: таракан полакал, муравей полизал, муха падала* ‘о пустом человеке’ [Даль: 947].

Представления о мухе как нечистом насекомом происходят также из способности мух оставлять следы жизнедеятельности, которые со временем скапливаются на предметах в жилище человека. Это явление стало причиной метафорического переноса и легло в основу фразеологических единиц, называющих, прежде всего, старого человека: *мухами загаженный* ‘всеми забытый’ – «Раньше ты народная была, все тебя знали, а ноне никому ненужная стала, мухами загажена» (Левино Ус.) [ФСПГ: 127], *мухи засрали (обгадили, обкакали, обосрали)* ‘ирон. о старом человеке; о человеке, потерявшем добрую репутацию’ [СПП: 54] и *Ныне мухи засрали, а ране и комары не слетали* – «Ноне нашего брата мухи засрали, а ране и комары не слетали» (Тельв.) [ФСРГНП 2: 129].

III. Время функционирования реалии

Важной чертой портрета мухи является календарная детерминированность ее биологической активности. Пик активности этих насекомых приходится на лето, что отражено в словосочетании *мушье лето* ‘летний период, изобилующий мухами’ [СРГК 3: 119]. К осени активность мух снижается, а поведение будто меняется – насекомые становятся более злыми: «Нет злей осенней муха и девки-вековухи» [СПП: 802]. Этот факт отражен в лексических единицах, в которых осуществлен перенос признака с насекомого на человека: *бродить что худая муха в осень* ‘о постоянно ворчащем человеке’ [СПП: 106].

Кроме того, актуализация данного признака в языке тесно связана с **мотивом надоедливости**. Наиболее полно он отражен в факте семантической деривации *муха* 'о назойливом, надоедливом человеке' (Волог.) [СРНГ 1983: 35] и фразеологических сочетаниях *пристает как муха на сон грядущий* и *неотвязчив, пристает, как муха* [Даль: 947].

Как и многие другие насекомые, на время зимы мухи «впадают в спячку», от которой пробуждаются только с наступлением весны. Поведение мух после пробуждения нашло отражение в фразеологических единицах, называющих медлительного, нерасторопного человека: *как спящая муха* 'вяло, медленно' [ФСПГ: 225], *как сонная муха* 'разг. пренебр. вяло, еле-еле (делать что-либо)' [ФСРЛЯ 1: 388] и *бродить как муха* неодобр. 'о сонно, вяло и лениво расхаживающем человеке' – «Как мухи, мужики пьяные по улицам бродють» (Холм.) [СПП: 612].

IV. Мифологические представления человека о реалии

Помимо представлений, основанных на объективных факторах функционирования реалии, большое значение для ономазиологического портрета мухи имеют мифологические представления человека о насекомом. Существующие в народном сознании мифологические представления, связанные с образом мухи, весьма разнообразно представлены во всех славянских традиционных культурах.

- Муха – насекомое, насекомое, чей облик может принимать нечистая сила.

В народной традиции Пермского края бытует представление о мухах как насекомых, чей облик может принимать нечистая сила. Болезнь «икота» (кликушество), по представлениям носителей традиционной культуры Пермского края, может быть получена с помощью бесов, которые принимают облик мухи и по приказу колдуна «вселяются» в жертву: «*Икотка – болезнь такая. Чё-ко попадёт, и всё. Я сама лечилась. Омег траву пила. Ивгала, когда говорить хотела. Муха чё ли попадёт, она вот и говорит*» (Елога Юрл.) [ФА ПГНИУ]. Эти бесы, будучи помощниками колдуна, тоже существуют в облике мух и именно в этом зооморфном образе обнаруживаются людьми: «*Черти и порча как мухи большие. Живут они в дому. Она, Мария, их в подвале держит и на ворот людям садит. Как заругаешься, она в тебя и залетит, эта муха*» (Вавилова Сол.) [ФА ПГНИУ]. Этот вид нечистой силы покидает тело умирающего человека тоже в облике мухи: «[А вот смотрите, пришло человеку время умирать, а у него «чертёнок» внутри сидит. Он куда девается?] *У меня сестра умирала, бабушка рассказывала, что две мухи вылетели. И в окошко. Надо, говорю, было их поймать да в печку бросить. А пришла сестра с работы, жарко же, открыла окошко, они и вылетели. До кого-то ведь всё равно долетели. Это вот мне рассказывала бабушка, я тогда маленькая ещё была. Вот такие вот большие мухи. Они не умирают, они улетают*» (Бигичи Черд.) [ФА ПГНИУ].

- Муха – насекомое, способное проникать в тело человека, тем самым вызывая смену психофизиологических состояний.

Взаимодействие человека и мухи (как воплощения дьявольского) породило в сознании человека представления о возможном негативном результате такого контакта. Например, мушиный укус осмысляется носителем русского языка как причина резкой смены физического или психологического состояния человека: *будто (словно, точно) муха укусила* ‘(будто) неожиданно что-то случилось с кем-либо, настолько он необычен в своих поступках, действиях и т.п.’ [ФСРЛЯ 1: 388].

Проникновение мухи в дыхательные пути человека может стать причиной нечеткой речи: *Во рту каша варится, а в носу мухи чепутся* ‘говорится о косноязычии, вызванном дефектами полости рта и носа’ [ФСРГНП 1: 105], которая, в свою очередь, осмыляется как характеристика глуповатого, бестолкового человека: *Мухи во рту блудятся* ‘о нерасторопном, застенчивом человеке’ – «Не бойкий, не развитый, муху не обидит; мухи во рту блудятся» (Омск) [ФСРГС: 115].

В русской традиционной культуре также распространено представление о взаимосвязанности мухи и состояния алкогольного опьянения, которое характеризуется проникновением мухи в голову человека: *под мухой* разг. ирон. ‘в состоянии опьянения (чаще: легкого опьянения, навеселе) и *с мухой (в голове)* устар. прост. ‘в состоянии легкого опьянения’ – «Урядник на завалинке сидит: ногу отставил, руку в карман, глаза на выкате, усы строгие, сам «с мухой»» (В. Шишков. Тайга) [ФСРЛЯ: 388]. Актуализация данного признака порождает также факты семантической деривации – *мухой* ‘пьяница’ (Ворон.) [СРНГ 19: 37].

- Муха – насекомое, наделенное женской символикой.

Женская символика мухи реализуется в наименовании навозной мухи: *баба-муха* (Том.) [СРНГ 2: 15], где основой для переноса является традиционное общее представления о мухе и о женском начале (женщине) как о нечистых существах. Кроме того, отличным примером актуализации женской символики в портрете мухи является фразеологизм *муха не тянет – и комар не волочет* ‘если жена ленится, то и муж ничего делать не будет’ – «На бабе весь дом держится, муха не тянет – и комар не волокет» (Черногорская) [ФСРГНП 1: 413], в котором женская символика мухи реализуется через противопоставление мужской символике комара.

Таким образом, наиболее значимыми признаками для ономаσιологического портрета мухи являются объективно-качественные признаки реальности. Например, наиболее продуктивными характеристиками становятся: маленький размер и связанный с ним мотив безобидности, множественность функционирования насекомого и вытекающие из данного признака мотивы скуки и ущербности, а также характеристика времени функционирования реальности. Проведенный анализ показал также, что набор мотивов, которые нам удалось выделить в портрете насекомого, характеризуется отрицательной семантикой. Данный факт порождает в сознании носителя русского языка негативную оценку насекомого и детерминирует положение мухи в русской языковой картине мира.

Библиографический список с сокращениями

- Даль – Даль, В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / под ред. В. И. Даля. 2-е изд. М. 1879. 690 с.
- Кривошапова 2007 – Кривошапова Ю. А. Языковой и культурный портрет реалии: ПАУК // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / под ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2007. – Вып. 6. – С. 82–86.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. З.В. Сметаниной. – Киров: Изд-во ВятГГУ (с 2012 – ООО «Радуга–ПРЕСС»), 2004 – наст. вр.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок. – СПб.: Норинт, 2001. – 176 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / сост. Ф. П. Филин. Ленинград: Наука. 1965 – наст. вр.
- ССГ – Словарь смоленских говоров. – Смоленск: СГПУ, 1974–2005.
- ФСПГ – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь Пермских говоров / Перм. гос. пед. у-нт. – Пермь, 2002. – 432 с.
- ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / под ред. Н.А. Ставшиной. – СПб: Наука, 2008.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
- ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1995.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под. ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 543 с.
- ЭСБЕ – Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского; Изд. Ф. А. Брокгауз [Лейпциг], И. А. Ефрон [Санкт-Петербург]. – СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890–1907. – Т. 1–41А [1–82], доп. 1–2А [1–4].

D. A. Sazina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

ONOMASIOLOGICAL PORTRAIT OF A FLY

The article deals with an analysis of linguistic world-image which reflects people's conceptions of a fly. The inner form review of the linguistic units which includes lexical item «fly» is carried out. As a result of the analysis are defined motivational features which form these lexical items. The article also gives a classification of motivational features and motives. In this article onomasiological portrait of fly is given. The article draws attention to evaluation of conceptions of a fly in Russian traditional world-image.

Key words: linguistic world-image, motivational feature, motive, onomasiological portrait.

УДК 398'2

Елизавета Сергеевна Шевченко

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

sh.liza98@gmail.com

Научный руководитель:

Светлана Юрьевна Королева

канд. филол. наук, доцент

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ФОЛЬКЛОРНАЯ СКАЗКА «МАЛЬЧИК И ВЕДЬМА»: ЮРЛИНСКИЕ ВАРИАНТЫ СЮЖЕТА

Статья посвящена анализу одного сказочного сюжета, записанного в Юрлинском районе от сказочницы Т.П. Никитиной в 2015 и 2016 гг. Сравнение с другими записями позволяет выявить обязательные и факультативные элементы сюжета. Анализируется архаичный мотив искусственно созданных детей. Кроме того, рассмотрен коммуникативный аспект рассказывания сказки. Благодаря диалогам сказочницы и ее сына обнаруживается, что сказка может рассказываться по-разному в зависимости от слушательской аудитории.

Ключевые слова: Юрлинский район, сказочный сюжет СУС 327С, мальчик и ведьма.

Фольклорная сказка – сложное явление: это не один, а несколько близких жанров. Восточнославянская сказочная проза условно делится на сказки о животных, волшебные и бытовые (анекдотические и новеллистические). В некоторых из этих групп есть свои разновидности – например, кумулятивные сказки о животных. В целом каждый жанр отличается своеобразием художественного вымысла и особой повествовательной формой, он оригинален по происхождению и имеет особые, только ему присущие, типы героев и самостоятельный круг сюжетов [Зуева, 1998: 133, 141] [Кравцов, 1983: 92, 100]; [Пропп, 1998: 28].

Многие сказочные сюжеты носят международный характер. Изучение сказочного репертуара имеет давнюю традицию, а сюжетно-мотивный состав описан в различных указателях. Самые известные и используемые в отечественной фольклористике – «Указатель сказочных типов» С. Томпсона, созданный на основе указателя А. Аарне (1973), посвященный восточнославянской сказке «Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне» Н.П. Андреева (1929), а также «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (1979) – коллективный труд, базирующийся на указателя Аарне – Андреева [СУС 1979].

Статья посвящена юрлинским сказкам, причем на материале поздних записей. В фольклорных экспедициях 2015 и 2016 гг. исследователи ПГНИУ зафиксировали несколько сказочных сюжетов от Татьяны Петровны Никитиной, 1939 г.р., жительницы д. Мухоморка Юрлинского района Пермского края

(собиратели: в 2015 г. С.Ю. Королёва, Е.М. Четина, М.А. Брюханова, О.А. Колегова, А.С. Беломестнова; в 2016 г. в беседе также участвовала И.И. Русинова). Нужно сказать, что с этой юрлинской сказочницей исследователи народной культуры работали и раньше. В ходе фольклорно-этнолингвистических экспедиций 2000–2007 гг. под руководством проф. И.А. Подюкова от нее была записано как минимум одно сказочное произведение: сказка на сюжет «Мальчик и ведьма», которая вошла в сборник «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор» [Бахматов 2008: 256-257]. В экспедициях ПГНИУ 2015–2016 гг. от этой исполнительницы было зафиксировано 6 сказок, из них 3 волшебных, одна о животных, одна бытовая (сдвигающаяся в сторону былички) и одна докучная.

В нашей работе мы сосредоточим свое внимание лишь на одной сказке, которую сама сказочница называет «Сказка про Пердунка». Важно отметить, что данный сюжет в чистом виде не зафиксирован ни в одном сказочном указателе, но больше всего совпадает именно с типом 327С, версией которого, по-видимому, и является. Вот как он описан в СУС: «Ведьма заманивает мальчика к себе, подражая голосу матери; поручает своей дочке изжарить его или сама показывает, как надо садиться на лопату; мальчик засовывает в печь дочь ведьмы или ведьму; взбирается на дерево; гуси-лебеди приносят его домой» [СУС: 120].

В сказке, записанной от Татьяны Петровны Никитиной, присутствует мотив искусственно созданных детей; этот тип сказочных героев встречается довольно часто – к нему относятся, например, такие герои и сюжеты, как «снегурочка» (СУС 703*=АА*171, *703), «мальчик с пальчик» (СУС 700), «рожденная от рыбы» (СУС 300А), «чудесные дети» (СУС 707). В подобных сказках такие дети либо гибнут, либо творят что-то плохое и за этим следует их изгнание/смерть, либо герои – крайне сообразительные дети, которые уничтожают отрицательного демонологического персонажа (людоеда, бабу Ягу и т.п.).

Сказка «Пердунок» фиксировалась от Татьяны Петровны Никитиной 4 раза: три записи сделаны в 2015–2016 гг.; еще одна – более ранняя – запись обнаружена нами в сборнике «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор» (Пермь, 2008). Именно в этой книге данный сюжет представлен в максимально полном объеме. В записях 2015–2016 гг. сказка повествуется иначе, многие моменты меняются и забываются сказочницей – по-видимому, как в силу возраста, так и в силу того, что теперь Татьяна Петровна рассказывает сказки не так часто, как раньше.

Во всех вариантах начало сказки остается неизменным: «Жили-были старик со старухой. Детей у них не было, а иметь их им очень хотелось. И вот решили они выпердеть дитё. В ступу пердели и Пердунка выпердели». Далее оказывается, что по соседству жила ведьма Егибича со своими тремя дочерьми. Егибича – то есть Егибица, редкий вариант имени, явно однокоренного сказочному имени Яга. Каждый день Егибича пекла дома блины и уезжала в гости. Пока ведьмы с дочерьми не было дома, приходил голодный Пердунок и съедал все блины на сковородке.

Затем следуют различия: в записи 2007 г. мать уезжала в гости вместе со

всеми дочерьми, а в записи 2016 г. одна дочь оставалась дома: *«Мать с дочерьми постоянно уезжала в гости, но так как хозяйство у нее было большое, она одну дочь оставляла. И вот уезжала она, забирала с собой двух дочек, а третьей дома блины напечет и оставит ее».*

Образ действующих лиц также варьируется. В одном варианте у младшей дочери один глаз, а у старшей – три; в самой поздней записи у дочерей ведьмы нет особенностей во внешности. Однако у матери имеется три глаза. Кроме того, в первом варианте Пердунок усыплял девушек фразой: *«Глаз спит, другой уснёт»*, – а в более поздней записи дочери засыпали сами: *«Та прибралась, управилась да и уснула».* Во всех вариантах Пердунок не может усыпить трехглазку – дочь или мать: *«А у Егибичи было три глаза. Вот она блины напекла, управилась, устала и начала засыпать. Тут как тут Пердунок, но он не знает, что у матери один глаз спит, другой – уснет. Стал мальчишка какать [на сковородку], как она его схватила и в печку потащила».*

Конец сказки, соответственно, также различается. В первом варианте Пердунка поймала старшая дочь, а в более поздних записях – сама мать. Меняется и финал сказки: в одном случае Пердунок сжигает старшую сестру, а в другом – мать. В одной из записей сказочница кратко проговаривает, что вроде бы герой сжег всю ведьмину семью.

Мы видим, как меняются некоторые детали, но сюжет остается прежним. Сохраняется и ряд мотивов, характерных для всех вариантов, записанных от Татьяны Петровны – например, необычное рождение героя, наличие трех глаз у персонажа-антагониста.

Кратко скажем о самой поздней записи, сделанной в 2016 г. К сожалению, по ней видно, что процесс забывания сказки прогрессирует. В данном варианте уже нет мелких подробностей и вовсе непонятно, у кого сколько глаз, кто оставался дома, а кто уезжал: *«А Егибича блины стряпала. В печке были. Дочки спят. Один глаз спит, другой уснёт. И вот уснёт, он прибежит блинчики поест и убежит».* Концовка сказки тоже размывается: *«Знаете, я вам неправильно рассказала. Он, наверное, дочерей её сжигал... А он сам, видно, ушёл в голбец. Вот знаете, я забыла. Они приехали: "Надо покататься у Пердунка на косточках", – а он: "Поваляйся, покатайся на дочериных косточках". Он дочерей-то, видно, сжѐг. Вот смотрите же, забыла. Вот он, наверное, всех их пережѐг. И дочерей, и Егибичу. Вот, наверное, мне кажется так. Вот на самом деле забыла. А потом он и домой убежал».* Однако в этой записи появляется новая подробность, которая отсутствовала в трех предыдущих вариантах. Ведьма держит героя в голбце и ждет, когда он станет «ядренный»: *«Она его посадила в голбец. Он там сидел. Она еще спрашивала: "Ядрёный нет ты? Руку покажи, ядрёная нет". Он помело вытянул. Она посмотрела: "Нет, тоненькая". Что-то ещё я пропустила».*

Важно отметить, что на территории Юрлинского района в первой половине 2000-х гг. сказочная традиция была зафиксирована в нескольких населенных пунктах. От талантливой рассказчицы Суворовой из д. Ефремова было записано несколько сказок, ода из них – на аналогичный сюжет типа 327, но близкий не к

версии С, а к версии F – там главный герой рыбачит, сидя в лодке, когда ведьма заманивает его к себе. В сборнике «Русские в Коми-Пермяцком округе» эта сказка называется «Ваня Полешко». Сравнение с записями Т.П. Никитиной позволяет выявить ряд более мелких различий со сказкой из д. Ефремова:

1) главный герой – также искусственный ребенок, но его не «выпердели» в ступу с пестом, а «вычесали из полешка».

2) в сказке Суворовой ведьма приказала трем дочерям заманить к ним домой Ваньку и поджарить его на ужин, а в сказке Никитиной он самостоятельно приходит «в гости».

3) в «Ваньке Полешке» ведьму зовут Баба-Яга, а в «Пердунке» – Егибича.

4) в сказке из дер. Ефремовой совершенно отсутствует мотив с блинами и сковородкой.

5) до того как попасть к ведьме, Ваня плывет через речку на лодке, а Пердунок катается на угоре на санках.

Интересен тот факт, что в обеих сказках мальчик проявляет хитрость и не садится на лопату под предлогом, что он не знает, как это делать: *«Ну как я сяду, если я ни разу на лопате не бывал? Ты, бабушка, пожалуйста, сядь сама и покажи мне...»* («Ваня Полешко»). В итоге ему удается обмануть ведьму и победить зло.

Последнее, на чем мы остановимся, – коммуникативный аспект сказки. В фольклорной экспедиции 2015 г. во время интервью произошла неожиданная ситуация: вечером в гости зашел сын Татьяны Петровны – Игорь Васильевич Никитин. Благодаря их диалогам и тому, как он интерпретировал сюжет этой сказки, обнаружилось, что произведение может рассказываться по-разному в зависимости не только от слушательской аудитории, но и от индивидуальной манеры рассказчика. В интервью в процессе повествования явно прослеживаются два разных стиля, которые условно можно назвать «мужским» и «женским». Татьяна Петровна, рассказывая сказки, часто использовала слова в уменьшительно-ласкательной форме: *горошек, кошечка, сиротки, ложечка, старичок*. Игорь Васильевич же употреблял лексику совершенно другого эмоционального окраса: *кошка, горох, кыска, парень*. Женщины употребляют уменьшительно-ласкательные слова, когда предмет, о котором идет речь, вызывает у них чувство умиления или симпатии. Поскольку женский пол в принципе более сентиментален, чувствителен, то такая лингвистическая зависимость вполне объяснима.

Сюжет «Мальчик и ведьма» известен по целому ряду русских, украинских и белорусских источников. Но поздние записи позволили обнаружить вариант, не вполне совпадающий с представленным в СУС. В Юрлинском районе герой – искусственный ребенок. В записях, сделанных от Т.П. Никитиной, он добровольно приходит к ведьме, появляется здесь и мотив трех глаз. Сам процесс записи позволил выявить, что ключевую роль в повествовании сказки играет коммуникативная ситуация – в частности, «своя» или «чужая» для рассказчика аудитория.

Библиографический список

Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.А., Черных А.В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2008. 501 с.

Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших уч. завед. М.: Флинта; Наука, 2003. 400 с.

Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество: Учебник для фил. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1983. 448 с.

Подюков И.А. Пермские сказки. М.: Изд-во ПРИПИТ, 2000. 70 с.

Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков; отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.

E.S.Shevchenko

Student of Philological Faculty

Perm State University

A FANTASTIC STORY "THE BOY AND THE WITCH": YURLINSKY VARIANTS OF THE PLOT

The article is the analysis of plot of a fairy story. Fairy tale is written in the Yurly region from the storyteller Nikitina T.P. in 2015-16 years. Comparison with other records allows to identify the mandatory and optional elements of the story. In the fairy tale there is an archaic motive of artificially created children. The method of creating a hero is unusual and includes motif. Also the communicative aspect of storytelling is considered. In the dialogues of the storyteller and her son is discovered that the tale can be told differently depending on the audience.

Key words: jurlinsky district, a fairy story of 327C, a boy and a witch.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 801'73

Анастасия Николаевна Балахнина

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

balakhninaan@gmail.com

Научный руководитель:

Елена Михайловна Четина

канд. филол. наук, доцент

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ВАВИЛОВА

Александр Вавилов—современный поэт, яркий представитель Уральской поэтической школы. В статье рассматриваются периоды его творчества, выделяются основные мотивы; предпринимается попытка проследить эволюцию лирического героя.

Ключевые слова: уральская поэзия, периодизация, эволюция, лирический герой.

Александр Вавилов—уральский поэт, постоянный участник региональных слэмов в Перми, Екатеринбурге, Челябинске. В 2016 году он победил на Всероссийском поэтическом слэме в Красноярске и позже представлял Россию на Всемирном поэтическом слэме в Париже. На наш взгляд, именно участие в поэтических соревнованиях снискало ему популярность в молодежной среде.

По личному признанию поэта, его творческий путь длится уже 21 год. За последние десять лет он издал семь поэтических сборников: «Так надо» (2007), «Абсурд. Россия. Скотобаза» (2009), «Итальянский ноктюрн» (2011), «Темные уровни» (2014), «Внутри молчания» (2015), «Тысяча миль до Катарагуса» 2016. В 2010 г. Александр Вавилов стал лауреатом премии журнала «Урал» в области поэзии. Творчество поэта высоко оценивается литературоведами. Исследователи, в большинстве своем, рассматривают творчество Вавилова сквозь призму поэтической традиции. Т.А. Снигирева отмечает: «Вавилов легко соединяет уральский рок и традицию поэзии Б. Рыжего» [Снигирева 2016: 94].

Н.В. Барковская считает, что продолжая традицию Бориса Поплавского, поэт замыкает хронологическую цепочку: Поплавский—Рыжий—Вавилов—и развивает «другую сторону поэтического мира Поплавского—не элегически-мистическую, а жестко-гротескную, сюрреалистически-абсурдную, горько-ироническую» [Барковская 2013: 285]. Исследователь выделяет общие мотивы творчества трех поэтов (музыки, города, смерти, одиночества), находит общую тему, характерную для их творчества (тема уходящего детства).

Поэт Александр Самойлов в рецензии на творчество Александра Вавилова полемизирует с «уважаемыми экспертами-филологами». Он считает: «Например, из четырех имен поэтов, которые якобы оказали влияние на нашего сегодняшнего героя, мы бы не оставили ни одного» (Гумилев, Бродский, Гребенщиков, Рыжий) [Самойлов 2015]. Самойлов пишет, что Вавилов является ярко выраженным представителем Уральской поэтической школы, подчеркивая самобытность поэта. Александр Вавилов, в свою очередь, не отрицает поэтического влияния Бориса Рыжего.

Мы выделяем в творчестве Вавилова два периода: ранний и зрелый. К раннему периоду относятся стихи, написанные в подростковом и юношеском возрасте, опубликованные в журналах до 2010 г. и сборник «Так надо».

Уже в первых публикациях Александра Вавилова в журнале «Урал» перед читателем предстает мятущийся лирический герой, стремящийся уйти от реальности. Лирический герой ранних стихов часто бежит от себя и от времени. Бег в ранних стихах поэта – бег времени: «стрелки дымятся от вечного красса», а в стихотворении «Бег по пересеченной местности» слова «бежим во всю прыть», поясняются следующими строками:

«Спешим то от силы, то к силе...

Мы будем веками платить

За то, чтоб тебе не платили» [Вавилов 2007: 33].

В ранних публикациях лирический герой остро чувствует свою смертность. Тесная связь с вечностью станет для него проклятием в более поздних сборниках. В стихотворении «Обратный отсчет» герой объясняет, почему так происходит: «*Я увидел так мало, чтобы чувствовать вечность*» [Вавилов 2007: 32]. Причиной этому – высокая скорость времени: «дымящиеся стрелки», «нон-стопы», «час пики», скоротечность, растянувшаяся на тысячи лет – все это указывает на то, что человеческая жизнь – коротка. В конце пути лирического героя всегда ждет смерть. Герой признается: «*Мы линию жизни в кольцо изогнули*» [Вавилов 2007: 34], и позже этот круговорот жизни, бесконечный цикл перерождений, станет определяющим фактором состояния лирического героя.

В поэзии Вавилова постепенно разворачивается, углубляется мотив памяти. «Память – четыре секунды», – фраза предполагает ряд трактовок, в том числе и ту, что связана со смертью героя: четыре секунды – это время, за которое взрывается граната.

В ранних стихах Вавилова важную роль играет мотив войны: свинцовые пули, «погоны и пики» становятся частью окружающего мира. Лирический герой является участником боевых действий: где они происходят, кто воюет, почему – автор не уточняет. Здесь появляется мотив самопожертвования. Герой умирает за идеалы, страдает «за правду», «за честность и верность». В «военных» стихотворениях появляются христианские мотивы, которые станут значимыми в дальнейших произведениях поэта. Принося себя в жертву, лирический герой вспоминает о Боге: «*Лишь в Боги дорога из вашей-то грязи*» [Вавилов 2007: 34]. В дальнейшем мотивы страдания за святые идеалы и искупления чужих грехов трансформируются.

В «Беге по пересеченной местности» героя преследует «безумия сила». В стихотворении «Обратный отсчет» она уже настигает его. Если «конвой первозданного ада» можно воспринимать, как метафору тюрьмы, в которой страдает герой, то «аритмичные сны окольцованной бури» и «первородный огонь, оттеняющий закаты» – это детали сюрреалистичной картины мира, которая предстанет перед нами в полном объеме в поздних поэтических сборниках.

Вода – постоянный образ художественного мира Вавилова. Часто вода заполняет собой окружающее пространство: под водой оказываются страны, города, герой. В стихотворении «Лед» впервые появляется семантически многоплановый образ воды:

*«Она, холодная, жжет,
И пар ее – словно дым.
Я бьюсь как рыба об лед,
Но не на нем, а под ним»* [Вавилов 2007: 35].

Вода стремится заполнить пространство: *«Мне дно озерное жмет,/ И кислорода мне мало»*. [Вавилов 2007]. «Толстый лед» становится очередной «тюрьмой» для лирического героя.

Замкнутость пространства – одна из особенностей лирики Александра Вавилова – проявляется уже на раннем этапе его творчества. Лирическому герою тесно не только в городских зданиях (тюрьма в стихотворении «Обратный отсчет») или подо льдом («Лед»), но и в собственном теле: в произведении «До наркоза» на шестнадцать строк приходится шесть повторов слова «стены» и его синонимов.

Герой ощущает свою телесность: мы видим и состояние героя до наркоза («До наркоза»), и кровь на его груди («Четыре секунды»), и как ему ломают кости («Обратный отсчет»). В ранних публикациях мы встречаем описание не только физических состояний, но и внутренних переживаний героя. Автор часто использует риторические вопросы. Особенно ярко этот прием представлен в стихотворении «Платный сыр» – в монологе сумасшедшего:

*«Это грабли? Тут выставка огородников?
Нынче день единенья с граблями?
Я вас ставлю в тупик своими вопросами?
Или вы в тупике перманентно?»* [Вавилов 2007: 33].

Здесь сюжетобразующим является мотив безвременной смерти героя. «Все вокруг подозрительно белого цвета»; «Меня бесплатно пускают на кладбище» и «Люди в черном, с лопатами» – детали создают атмосферу похорон. Монолог сумасшедшего становится монологом «живого трупа»:

*«Люди в черном, с лопатами... Это кадеты?
На погонах иконы. Занятно...
Стоп! Вы кто? Контролеры? Какие билеты?!
Меня ж раньше пускали бесплатно...»* [Вавилов 2007: 33].

Таким образом, в «Платном сыре» проявляются мотивы, которые будут развиваться на протяжении всего творчества Александра Вавилова.

Для раннего лирического героя характерны романтические черты. Он бросает вызов обществу и погибает в борьбе за идеалы.

«Мы все же измерили безразмерность.

Мы видели правду сквозь облако пыли,

Да только в награду за честность и верность

Телами свинцовые пули ловили» [Вавилов 2007: 34].

Самопожертвование позволяет лирическому герою чувствовать себя нравственно выше общества. Некоторые черты лирического героя раннего периода (сумасшествие, желание убежать от реальности) будут развиваться, другие (мотивы самопожертвования, самонаблюдение и линейное восприятие времени) исчезнут. Позднее возникает мотив одиночества. Смерть воспринимается как избавление от мук жизни. С течением времени у лирического героя меняется взгляд на мир: герой конечен и рад этому.

У героя зрелого периода иное отношение к смерти. Безрадостная жизнь воспринимается как звено в цепи перерождений. К этому периоду мы относим творчество поэта 2010-х гг. («Итальянский ноктюрн», «Темные уровни», «Внутри молчания», «Клаустрофобия»). Лирический герой обретает бессмертие. Опыт бесконечного числа прожитых жизней дает герою право обращаться к истории. Для творчества этого периода характерны частые обращения к Античности и эпохе Ренессанса.

«Внутри окружного морга на каждой бирке

Автографы Тинторетто, Дали, Ван Гога...

Роден с Донателло здесь мастерам просvirки

И Моцарт играет Верди по просьбе Бога» » [Вавилов 2011: 58].

Бесконечное существование приводит к одиночеству. Близкие для героя люди: мать и друзья не обладают бессмертием. Их образы хранятся в памяти героя: *«Помните, Македонский сказал Лисиппу: «Я тебя помню»? Я тебя тоже, Мама»* [Вавилов 2011: 106].

Смерть перестает быть спасением для лирического героя, и тогда он пытается уйти от реальности в мир иллюзий. Безумие становится его постоянным спутником. Лирический герой создает ментальное пространство, где путешествует, не выходя из комнаты. Герой стремится забыть все, что происходит вокруг него. Он теряет связь с миром: *«нет никакой Гаваны, аэродрома, смысла, Терпсихоры»* [Вавилов 2016: 53].

Отдельно хотелось бы выделить сборник «Тысяча миль до Катаругуса...» (2016). На первой странице автор помещает стихотворение «Географ», включающее совокупность мотивов сборника, читателю предлагается своеобразный «анонс» содержания.

Лирический герой первого стихотворения является учителем. Это новый образ для творчества А. Вавилова, героями которого часто становились экзотические персонажи такие, как капитан Немо («Колумбийская теорема»), гробовщик («Ящик»), водолаз Освальдо («Водолаз Освальдо») и др. Герой приобретает право «учить»: возникают назидательные мотивы, воплощенные в стихах «Страна советов» и «Не забывай оглядываться». Герой оказывает влияние

как на «учеников, рисующих на парте Мальорку», так и на учителей: учителю алгебры «захотелось увидеть вечерний Пхеньян». Он расширяет границы не только своего мира, но и мира окружающих людей.

Мы определяем художественное пространство зрелого творчества А. Вавилова как «ментальную географию». В попытке убежать от жестокой реальности он создает в своем сознании атмосферу той или иной страны, путешествуя таким образом по миру, не выходя из комнаты. Стремясь упорядочить мир вокруг себя, географ не стремится к стабильности собственного мира. В забытии он представляет себя Муаммаром Каддафи или нигерийцем:

«А я напиваюсь и начинаю тоже

Считать себя нигерийцем, сходить с ума» [Вавилов 2016: 53].

В итоге мы видим, как проживающий бесконечную череду жизней и страдающий от этого лирический герой в «Тысяче миль до Катарэгуса...» открывает для себя новый вариант спасения. Если раньше он стремился к смерти, как избавлению, то теперь он стремится к людям.

Помимо нового героя, в сборнике возникают новые мотивы, например, мотив театральной игры. Герой надевает на себя различные маски. Маской может стать собственное лицо («Обои»), хоккейная маска («Дамаск») или определенная роль, будь то географ или Гомер («Гомер в библиотеке»). Жизнь, однако, представляется не спектаклем, а шоу. В стихотворении «И еще кое-что» герой признается: «*Это шоу уже не спасти, замыкается круг*», а в «Простой игре» мы видим его с микрофоном на заснеженных склонах, к тому же он стремится туда, где «*выбранный путь освещает звезда, а вовсе не светодиоды*».

С признанием того, что жизнь—это шоу, приходит ее принятие. Если раньше действительность была настолько невыносима, что герой стремился сбежать от нее в иную реальность, то теперь в стихотворении «И еще кое-что» мы видим такие строки:

*«Остается принять этот сумрачный цирк шапито,
Потихоньку стареть и глушить с акробатами ром,
Оставаясь типичным уродцем, помойным ведром...
Вряд ли это удачный расклад, но уже кое-что»* [Вавилов 2016: 7].

Желание прервать бесконечный цикл перерождений, с которым мы встречаемся в предыдущих сборниках, неожиданно сменяется мыслью о том, что и в цирке шапито можно жить. Смерть отступает на второй план, и герой воскресает.

Библиографический список

- Быков Л.П. От автора. Книга не только о стихах. Екатеринбург: Сократ, 2007. 368 с.
Вавилов А.В. Абсурд. Россия. Скотобаза. Екатеринбург: Пинта ветра, 2009. 112 с.
Вавилов А.В. Внутри молчания. Екатеринбург: Пинта ветра, 2015. 112 с.
Вавилов А.В. Итальянский ноктюрн. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2011. 107с.
Вавилов А.В. Темные уровни. Екатеринбург: Пинта ветра, 2014. 112 с.
Вавилов А.В. Тысяча миль до Катарэгуса. Екатеринбург: Пинта ветра, 2016. 112 с.
Вавилов А.В. Стихи // Урал. 2007. №6. С. 32–35.

Барковская Н.В. «Приемные дети культуры»: традиции Бориса Поплавского в современной уральской поэзии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 279–289.

Лапаева Н.Б. Борис Поплавский и сюрреализм: опыт «автоматического» письма // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2002 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. С. 284–290.

Сайфутдинова В. Одинокая рыба-географ // URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2017/8/odinokaya-ryba-geograf.html> (дата обращения: 25.03.2018).

Самойлов А. Александр Вавилов и ни слова о спиртном // URL: <http://mv74.ru/gul/samoylob-o-vavilove.html> (дата обращения: 26.03.2018).

Снигирева Т.А. «Уральский звукоряд» поэзии Александра Вавилова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 1 (148). С. 85–95.

A.N. Balakhnina

Student of Philological Faculty
Perm state University

THE EVOLUTION OF THE LYRICAL HERO IN THE WORKS OF ALEXANDER VAVILOV

Alexander Vavilov is a modern poet, a bright representative of the Ural Poetry School. In the article are considered the periods of his works, an attempt is made to trace the evolution of the lyrical hero through a motive analysis.

Keywords: Alexander Vavilov, poetry of Ural region, periodization, evolution, lyrical hero.

УДК 82'159.972

Даниил Алексеевич Буланкин

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

d.bulankin2014@yandex.ru

Научный руководитель:

Анна Александровна Моисеева

канд. филол. наук, доцент

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ТЕМА БЕЗУМИЯ В НОВЕЛЛИСТИКЕ В.Я. БРЮСОВА

В статье мы постараемся определить, чем тема безумия привлекала внимание писателей серебряного века и, в частности, одного из его выдающихся представителей – В.Я. Брюсова. В исследовании предпринимается попытка установить, кто повлиял на его интерес к указанной теме, проанализировать несколько его рассказов, в которых она находит свое воплощение («Теперь, – когда я проснулся...», «В зеркале», «В башне») и установить диагнозы их героев.

Ключевые слова: Брюсов, безумие, русская литература, серебряный век.

Сама тема безумия и психологических страданий человека в литературе очень важна. Ведь к числу «безумных авторов» относилось себя огромное количество писателей. Есть работы о мистике в творчестве тех или иных прозаиков и поэтов, представлявших себя «безумными», или работы об их жизни. Но литературоведческих трудов о том, почему отдельные писатели позиционируют себя «безумцами» в творчестве, почему их интересует тема безумия в целом, какие болезни и расстройства можно найти у их героев, не так много, как проявлений этого специфического интереса. Можно говорить об относительно малой исследованности темы «безумия» не только в новеллистике В.Я. Брюсова, но и в литературе в целом.

Безумие (то же, что сумасшествие) – потенциально неизлечимое психическое расстройство. Казалось бы, причем тут литература? Тема безумия и заболеваний человеческой психики весьма загадочна и, следовательно, привлекательна. Привлекает она авторов как своей мрачностью, так и потенциальной возможностью проявления симптомов безумия у любого человека.

О том, кто первым начал описывать безумие в своем творчестве, доподлинно неизвестно, но первые упоминания о безумии можно найти еще в мифологии. Например, среди древнегреческих мифов есть история о Нарциссе, человеке настолько самолюбивом и эгоцентричном, что даже смерть его была связана с самолюбием. Нарциссизм считается одним из симптомов шизофрении, наряду с манией величия, состояние психики, позже, уже в христианстве, названное одержимостью.

Также с темой безумия можно соотнести и цикл мифов о боге Дионисе. Это утверждение можно найти в книге Вальтера Ф. Отто «Дионис. Миф и культ», наиболее интересные части которой представлены в составленном тем же автором сборнике «Безумие и его Бог»: «Дионис уничтожает монотонное время, монотонное пространство, размеренную ежедневность, Дионис–бог ослепительного момента, властитель необъятных горизонтов и удивительных метаморфоз. Дионис не любит людей разумных, и они отвечают ему взаимностью.

Что такое разум с высоты дионисийского полета? Плотина бобров, церебральная паутина, искусственный островок иллюзорной стабильности. Но: рациональное большинство боится безумия и опьянения, подлежащих изучению и лечению» [Вальтер 2007:1].

В России интерес к безумию возник на почве популярности романтизма. В романтической литературе безумие стало метафорой конфликта героя и реальности. Одна из модификаций романтического героя–это человек безумный. Однако особую популярность, если можно так выразиться, тема безумия приобрела в России в период Серебряного века, обратим внимание, период увлечения Ф. Ницше и его концепцией «дионисийства». У литераторов того времени образ безумца становится не только неотъемлемой частью произведений, но и одной из любимых масок, составляющей эпатажного поведения, частью собственного имиджа.

В.Я. Брюсов совершенно точно был писателем своего времени. Романтизация безумия – это вполне типичный элемент декаданса. Сумасшествие, суицид, наркотики–все это возводилось в культ. В то время вместе с символизмом из Франции приходит также мода на мистику и демонизм. В России и раньше был интерес к демонизму, но именно в конце 19–начале 20 столетия он приобрел небывалую популярность. Это, на наш взгляд, оказало довольно весомое влияние на творчество В.Я. Брюсова. На его новеллистику повлияли, в частности, Эдгар Аллан По и Шарль Бодлер, которых, с некоторой долей условности, можно назвать романтическими сатанистами. А там, где мистика, всегда рядом оказывается и безумие.

В.Я. Брюсов с самого детства увлекался наукой, медициной, в частности, чем можно объяснить любовь к таким «врачебным» подзаголовкам, как «Записки лечащего врача» или «Записки психопата». Можно отметить в его творчестве привязанность к медицинским и техническим темам, в частности, это бросается в глаза в его рассказе «Республика Южного Креста» (1903 г.). Однако ярче всего тема безумия проявляется в трех образцах его малой прозы.

В рассказе «Теперь, когда я проснулся» персонаж явно болен шизофренией. Можно обнаружить у него извращенные фантазии, уход от реальности в мир снов, что подтверждает даже он сам: «Я создал себе наиболее подходящую обстановку для своих сновидений» [Брюсов 1983: 46]. В то же время, персонаж имеет ярко-выраженную манию величия. В мире своих снов он властвует над своими жертвами–заключенными и уродливыми рабами-карликами, сам он волен создавать все, что захочет. Он–Бог своего мира. В конце герой все-таки убивает

живого человека, а не проекцию своего сознания. Хоть он и находится в бреду, его галлюцинации доводят его до убийства жены.

Приемы, используемые автором: психологизм, детальное описание иллюзорного мира, созданного больным воображением героя; стилизация (под записанный лечащим врачом монолог больного). Диагноз героя: шизофрения, гомицидомания (т.е. непреодолимое влечение к убийству и жестокости).

Главная героиня другого рассказа В.Я. Брюсова, «В зеркале», с детства верила в двойников из зеркал, что сыграло с нею злую шутку. Ее игры с вымышленными двойниками привлекли к мании. Она скупала зеркала, а в итоге самый сильный "двойник", обитавший в старинном зеркале, поменялся с ней местами. Мания преследования, зрительные галлюцинации, долгий уход в небытие, страх, что она так и не поменялась обратно со своим демоном местами, привели ее к психиатрической лечебнице: *«Меня перевезли в психиатрическую лечебницу, где я нахожусь и теперь»* [Брюсов 1983:59].

Приемы, используемые автором: психологизм, детальное описание внутреннего состояния, стилизация (под дневник больной женщины). Диагноз героини: множественное раздвоение личности, базостазофобия (страх быть привязанным к какому-то месту: героиня боялась, что осталась в зеркале); т.н. «зеркальный синдром» [Лайбер, Ольбрих 1974: 221]; параноидальный психоз. Отметим, что Брюсов в этом рассказе более мистичен, чем научен, как это было в предыдущем произведении.

Молодой герой рассказа «В башне» видит сон, где он, новгородский вельможа, находится в плену в замке немецкого графа – рыцаря Гуго фон Ризена. После пробуждения у персонажа новеллы развивается страх, что действительность – это сон, а происходящее в замке – реальность. Как следствие, герой боится спать: *«Но странная и страшная мысль тихо подымается из темной глубины моего сознания: что если я сплю и грежу теперь и вдруг проснусь на соломе, в подземелье замка Гуго фон-Ризен?»* [Брюсов 1983: 65].

Приемы: двоемирие, стилизация (под дневниковые записи). Диагноз героя: сомниафобия (боязнь снов), параноидальные наклонности, танатофобия.

В заключение стоит сказать, что В.Я. Брюсов – это, безусловно, один из интереснейших представителей литературы Серебряного века и русского декаданса. Безумие для него – мистическая и непостижимая часть человеческого внутреннего мира, завораживающая и интересная. Однако при этом Брюсов описывает сумасшествие своих героев так, как его бы мог описать психиатр. Писатель явно интересовался психиатрической литературой.

В рассказах В.Я. Брюсова на тему безумия мы можем выявить некоторые общие черты.

Во-первых, сильный психологизм. Автор вживается в роли своих героев. Он пишет и от мужского лица, и от женского. Писатель старается максимально понять и прочувствовать переживания своего персонажа.

Во-вторых, Брюсов использует стилизацию (под барочную повесть, дневниковые записи, записки лечащего врача и даже психопата). Стилизация нужна автору также для усиления психологизма, создания особой атмосферы.

В-третьих, обнаруживается тяготение к доскональным описаниям обстановки. Данный прием используется также для создания особой мрачной атмосферы, для проникновения во внутренний мир героев, усиления психологизма.

В-четвертых, еще одна общая черта—это отсутствие имен у главных героев. Когда у героя нет имени, читатель начинает в большей степени отождествлять персонажа с собой, сам вживается в его роль.

В.Я. Брюсов поддерживает свой имидж вождя русских символистов, в круг которых входили и безумцы, и гении, и актеры. Он описывал то, что требовала от него эпоха, то, что требовали декадентство, символизм, неоромантизм.

Библиографический список

- Брюсов В.Я. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1983. 368 с.
Лайбер Б., Ольбрих Г. Клинические синдромы. М.: Медицина, 1974. 479 с.
Отто В.Ф. Безумие и его Бог. М.: Энагон Пресс., 2007. 276 с.

D.A. Bulankin

Student of Philological Faculty
Perm state University

THE THEME OF MADNESS IN BRYUSOV'S NOVELISTIC

In this article we will try to determine what had attracted the attention of the writers of the Silver Age; in particular, one of its outstanding representatives, V. Y. Bryusov. The study attempts to establish who influenced his interest in the topic, analyze several of his stories in which this theme finds its embodiment ("Now, when I woke up ...", "In the mirror," "In the tower") and establish the diagnosis of their heroes.

Keywords: Bryusov, madness, Russian literature, silver age.

УДК 821'1 61.1

Екатерина Сергеевна Гаранина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
garaninakatrina@gmail.com
Научный руководитель:
Анна Альбертовна Арустамова
д-р. филол. наук, профессор
кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Б. Ю. ПОПЛАВСКОГО «АПОЛЛОН БЕЗОБРАЗОВ»

В статье рассматривается художественное пространство романа Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» в связи с сюжетно-композиционной организацией произведения и системой образов. В качестве основных локусов, играющих ключевую сюжетно-композиционную роль в романе, исследуются: пространство Парижа, бала, монастыря и особняка.

Ключевые слова: Поплавский, Аполлон Безобразов, художественное пространство, локусы, русское зарубежье, эмиграция.

За последние годы интерес к литературе русской эмиграции усилился, однако произведения многих авторов-эмигрантов только начинают вводиться в научный оборот. Борис Поплавский относится к младшему поколению писателей русского зарубежья, его творчество как прозаика было исследовано недостаточно, так как интерес в основном представляло его творчество как поэта. Роман «Аполлон Безобразов», первая часть одноименной трилогии, был написан в 1932 г.

В данной статье рассматриваются четыре локуса, играющих ключевую роль в романе Поплавского: пространство Парижа, дома, где состоялся бал, монастыря и особняка. Каждое из пространств влияет на раскрытие образов героев, а также на развитие той или иной сюжетной линии. С одной стороны, путешествие по пространствам, может интерпретироваться как попытка поиска рая героем, с другой – как поиск утраченного дома, пристанища, которого рассказчик был лишен вследствие жизни в эмиграции.

Смена пространств начинается после встречи рассказчика с Аполлоном Безобразовым, который является катализатором развития сюжета. С ним связан образ «зловещего рая», который появляется в Париже и продолжает развиваться на протяжении последующих пространств.

Пространство Парижа является воплощением пространства эмиграции, оно конкретно и содержит в себе географические указания на реальные объекты: *«Помедлив, Тереза прошла rue Bonaparte¹, вышла к St-GermainePres², ... обогнула зачем-то CafedesDeuxMagots³, помедлила около impassedesDeuxAnges⁴, мимо*

закрытого ресторана вышла на rue Jacob 5, пошла в сторону rue des Saints-Pères» [Поплавский 2000: 44]. Подобная конкретизация пространства в дальнейшем будет контрастировать с географически размытыми и полуреальными пространствами монастыря и особняка, где размыта граница между воображаемым и реальным, которые преобразованы сознанием героев. Также пространство Парижа лишено приватности, разомкнуто, в нем рассказчик остро осознает свою «непричастность» тому миру, в котором он оказался.

Значимым для создания данного локуса является мотив дождя. Роман начинается и заканчивается его описанием, мотив дождя делает хронотоп циклическим. Замыкая в себе повествование, он покрывает собой все пространство города, создавая ощущение бесконечности (*«Казалось, он идет над всем миром...»*) [Поплавский 2000: 4]. Дождь в романе – нечто вневременное, всепроникающее, всепронизывающее (*«Казалось, грубая красота мироздания растворяется и тает в нем, как во времени»*) [Поплавский 2000, 4]. С одной стороны, в контексте романа Поплавского его можно рассматривать как «физическое проявление времени», которое приближает смерть людей, с другой – как божественные слезы, выражающие жалость живущим на земле. Далее воплощением жалости ко всем людям становится образ Терезы.

Внешнее пространство Парижа включает в себя внутреннее пространство: квартиру героя. Однако пространство квартиры разомкнуто и являет собой продолжение враждебных Васеньке улиц Парижа, герой Поплавского чувствует это, для него нет границы между городом и комнатой, в которую так же проникает дождь: *«...если очень долго и неподвижно смотреть на обои в своей комнате или на соседнюю голубоватую стену на той стороне двора, вдруг отдаешь себе отчет, что в какой-то неуловимый момент к дождю примешиваются сумерки, и мир, размытый дождем, с удвоенной быстротой погружается и исчезает в них»* [Поплавский 2000: 6]. Квартирка не защищает героя от внешнего враждебного мира, так как внутреннее пространство дома слишком прозрачно, лишено приватности. Слово «квартирка» в романе ни разу не заменяется понятием «дом», для рассказчика это лишь еще одно временное пристанище в мире эмиграции. Можно сказать, что герои бездомны, у них нет личного пространства, засчет чего усиливается их «потерянность».

Образ пространства бала связан с образом «зловещего рая», который начинает создаваться после встречи рассказчиком Аполлона Безобразова. Автор называет бал «порочное действо», использует для его описания оксюморон «хаотический порядок». Демонические образы неоднократно появляются на протяжении всего описания бала: человек, выключающий патефон – «злой демон»; описывая знакомство с Терезой, рассказчик говорит, что «черт, видимо, следя за всем происходящим, очистил мне место около нее»; «нечистая сила» сторожила пробуждение Терезы. Таким образом, образ «зловещего рая», о котором упоминает рассказчик в Париже, начинает разворачиваться в дальнейшем повествовании, охватывая и объединяя пространства романа. Этот образ связан с центральным

образом- Аполлоном Безобразовым и способствует раскрытию главного конфликта героя – его «романа с Богом» [Поплавский 2000: 10].

Пространство кажется сюрреалистичным, подсознание рассказчика преобладает над сознанием, под воздействием музыки создается ощущение транса, в которое погружается читатель: *«Странною глухотою разливается оккультная влага по отравленному организму, и как бы из отдаления слышны пульсации музыкальной машины, ритмирующей танец, а танцующие, выступы и углубления которых совпадают все точнее, мимируют Цитерино действо, головы их склоняются на плечи, а лица – к запаху надушенных волос. Древние страхи ослабевают...»* [Поплавский 2000: 49].

С одной стороны, это символическое, сюрреалистическое пространство, с другой – это еще и пространство эмиграции. Здесь появляются мотивы воспоминаний о России. Бал, на который герои попадают, – русский бал: «Маруси Николаевны именины», на которых «пирует наглая и равнодушная, свирепая и добрая, лихая Россия, шоферская, зарубежная» [Поплавский 2000: 36]. Такая характеристика, данная повествователем, говорит о том, что пространство бала относится уже не столько к пространству Парижа, сколько к пространству России. Но в то же время в эпизоде бала происходит это воссоединение двух начал: «европейская родина, парижская Россия». Таким образом, тема эмиграции связывает его с пространством Парижа, продолжая подчеркивать отсутствие у рассказчика родины и ощущения дома.

Пространство монастыря, которое является ретроспективной воспоминаний Терезы и раскрывает ее образ и роль в романе.

Монастырь на горе – пространство, возвышающееся над мирской жизнью, над городом, оторванное от реального мира, мир внешний кажется ненастоящим: *«все внизу казалось не далеким, а просто маленьким, игрушечным»* [Поплавский 2000: 47]. Изначально его образ приближается к подобию рая: *«Высоко над озером восходит белая дорога», там, «на грани лазури и ангельского государства стоял монастырь»* [Поплавский 2000: 57].

Однако далее при описании окрестностей: иллюзорная святость, контрастируя с природой вокруг, раскрывается как стерильность и безжизненность. Образ монастыря становится воплощением образа «зловещего рая».

Описание быта аббата монастыря наполнено деталями, отсылающими к домам колдунов и лекарей: *«у него был низкий дом, построенный на самом откосе... Все комнаты были заставлены глиняными и стеклянными сосудами, потолок увешан пучками сохнувших трав, а в высоких ретортах неустанно кипятилось нечто прямо дьяволическое»* [Поплавский 2000: 54]. Таким образом, здесь также присутствует мотив дьявола, повторяющийся на балу и связывающий прошлое и настоящее Терезы. Отец Гильденбрант так же далек от идеалов христианской церкви: *«Священник был радикал, ... настоящий алхимик и демонолог, до чего незаметно дошел от собирания лекарственных трав и чтения средневековых лечебников. Впрочем, ересь дальше добродушного отношения к чертям не шла...»* [Поплавский 2000: 54]. Таким образом, образ монастыря как образ небесного

царства постепенно развенчивается и становится ближе скорее к царству загробному: «снова все окутывалось облаками, белыми и неосязаемыми, как призраки», «иногда... расстилалась волнистая белая пелена, как будто озеро вдруг как-то странно вскипело и, покрывшись пеной, выступило из берегов» [Поплавский 2000: 49].

Пространство особняка максимально приближается к понятию дома. Сам рассказчик называет это место «фантастическим домом». Это место оторвано от реальности и приближено к затерянному раю: «Городской шум почти не доходил до отдаленной окраины, и ... комнаты эти ...создавали впечатление какого-то неземного покоя и равновесия, как будто они находились где-то далеко над землею и облаками, подвешенные вместе с садом какой-нибудь неведомой силой» [Поплавский 2000: 73]. Таким образом, образ «зловещего нищего рая», о котором рассказчик говорит в начале, сменяется образом затерянного рая.

Данное пространство содержит в себе много внутренних локусов: чердак, катакомбы, библиотека. Его простор дает ощущение воздуха, свободы, которой не было в маленькой квартирке. Несмотря на то, что особняк делится на множество комнат, все это представляет собой единое целое, пространство не расчленено на детали, а подчинено одному общему. Связь между верхними уровнями (чердаком) и нижними (подвалом) обнаруживают сами герои, исследуя данный микромир: «В подвале был глубокий колодец ... И оттуда, так же, как и с потолка, можно было разговаривать с любой комнатой по трубам ... парового отопления» [Поплавский 2000: 74].

Это единственное из рассмотренных нами пространств, в котором образ «зловещего рая» отступает, что может быть связано с искуплением, которое приносит уход Терезы в монастырь, а также с принятием бога Аполлоном Безобразовым после убийства своего антагониста. Особняк словно находится вне времени, что позволяет героям преобразовывать его как пространственно (герои создают там собственные комнаты), так и с помощью звуков, в то время, как наиболее «тяжелые» пространства монастыря и Парижа не поддавались подобному преобразованию. Необходимость покинуть особняк в финале романа указывает как на их невозможность обрести дом в условиях эмиграции, так и экзистенциальное одиночество человека XX в., а также на эмоциональную потерянность героев и оторванность от реального мира.

Библиографический список

- Андреева Н.В. Черты культуры XX века в романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов»: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М.: МГУ, 2000. 155 с.
- Аникин К.Ю. "Поплавский" дискурс в дискурсе Поплавского // Дискурс. –1998. С. 21.
- Болтовский Е. О. Мифологема воды в творчестве Бориса Поплавского //Вестник КГУ.2011.№1. С.120-123.
- Варшавский В.С Незамеченное поколение. М.: Русский путь, 2010. 554 с.
- Исупов К. Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Вопросы литературы. 2006. №10. С. 60–88.
- Каспе И.В. Ориентация на пересеченной местности: странная проза Б. Поплавского// НЛЮ. 2001.№47. С. 56–74.

Любинский А. Вертикальный мир Б. Поплавского // URL: <https://www.netslova.ru/lubinski/poplavski.html> (дата обращения 10.03.2018).

Менегальдо Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. М., СПб.: Алетейя, 2007. 284 с.

Нестерова И.А. Художественная специфика образа Аполлона Безобразова в романе Б.Ю. Поплавского // URL: http://odiplom.ru/lab/hudozhestvennaya-specifika-obraza-apollona-bezobrazova-v-romane-b_yu_-poplavskogo.html (дата обращения: 06.06.2018).

E.S. Garanina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

THE SPACE ORGANIZATION IN THE NOVEL BY B. YU. POPLAVSKY "APOLLO BEZOBRAZOV"

The article deals with the art space in connection with the subject-compositional characteristics and the image system of the novel "Apollo Bezobrazov" by B.Yu. Poplavsky. The space of Paris, the prom, the monastery and the mansion were explored as basic locuses, playing a key plot-composition role in the novel

Key words: Poplavsky, Apollon Bezobrazov, art space, locus, Russian emigration, emigration.

УДК 82'7

Любовь Анатольевна Гогунова

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

gogunova2014@yandex.ru

Научный руководитель:

Анна Александровна Моисеева

канд. филол. наук, доцент

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ПАРОДИИ НА ПОЭМУ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН» КОНЦА XIX–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

Пародия до сих пор остается одним из самых актуальных, но в то же время относительно мало исследованных явлений в сфере комической литературы. В данной статье исследуются пародии на поэму М.Ю.Лермонтова «Демон» конца XIX–первой половины XX вв., выявляются и описываются характерные особенности их художественного стиля, анализируются причины актуализации классической романтической поэмы как объекта пародийного изображения.

Ключевые слова: Лермонтов, пародия, романтизм, русская литература, поэзия.

Непреходящая популярность пародии связана с тем, что она отражает актуальные проблемы общества. Автор пародии вкладывает в текст новое, контрастирующее с оригиналом, содержание, сохраняя при этом форму первоисточника.

Стоит отметить, что, несмотря на популярность пародии, данное явление не рассматривалось применительно к поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» с исторической точки зрения. В рамках данной статьи мы рассмотрим такие пародийные тексты, как сатирическая поэма Дмитрия Минаева «Демон» (1874, 1879), стихотворение Владимира Маяковского «Тамара и Демон» (1924), сказка «Кавказский черт» Саши Черного (1932).

Пародия как явление присутствует в разных видах искусства, из-за чего появляются трудности в формулировке определения. Возникает вопрос, чем пародия все-таки является, жанром или методом.

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий», составителем которой является историк литературы А.Н. Николюкин, дано следующее определение пародии: «Пародия – (греч. *parodia*–перепев)–в литературе и (реже) в музыке и изобразительном искусстве–комическое подражание художественному произведению или группе произведений. Обычно строится на нарочитом несоответствии стилистических и тематических планов художественной формы» [Николюкин 2001: 721].

Пародироваться может поэтика конкретного произведения, автора, жанра, целого идейного мирозерцания. По характеру комизма пародия может быть юмористической и сатирической, со многими переходными степенями.

Пародия должна непременно снижать, дискредитировать стилизуемый объект, и в этом ее отличие от комической стилизации или шуточных подражаний, лишенных такой направленности. Однако, будучи стилизацией, пародия снижает и высмеивает не только стилистику (стиль в узком смысле слова), но нередко и весь художественно-идеологический комплекс оригинала (стиль в широком значении) и даже мирозерцание автора в целом (таковы пародии искровцев на поэтов «чистого искусства» в 19 в.) [КЛЭ 1968: 604].

Излюбленными объектами для пародистов являлись поэтика классицизма и романтизма, произведения «высокого стиля». Расцвет сатирической пародии начался в середине XIX в., когда литература усиленно занялась решением социальных проблем; факты литературы стали возводиться в степень общественных явлений. Объектом пародий у поэтов «Искры» (Д. Д. Минаев, В. С. Курочкин, Н. С. Курочкин, Н. Л. Ломан и др.) были стихи поэтов «чистого искусства», салонно-патриотическая лирика, убожество «дозволенного» обличительства и т.д. [КЛЭ 1968: 604].

Прежде чем анализировать отдельные примеры, стоит подумать над тем, чем именно привлекало авторов пародийных текстов указанное произведение М.Ю. Лермонтова.

Поэму Лермонтова «Демон» можно считать визитной карточкой писателя. Для начала стоит поговорить о жанре и стиле поэмы. В эпоху романтизма авторы нередко обращаются к крупной форме поэзии. Интерес к герою-бунтарю, готовому противостоять судьбе, рождает жанр романтической поэмы, к которому относится и «Демон».

Его герои – это исключительные персонажи, попавшие в исключительную ситуацию. Главного персонажа поэмы можно назвать прототипом героя-изгнанника, прочно занявшего свое место в литературе романтизма. Это Падший Ангел, страдающий из-за своей дерзости и неповиновения. Само обращение к такому образу – характерная черта романтизма. Одним из первых писателей, обратившихся к этому персонажу, был Мильтон («Потерянный Рай»). За ним последовал весьма существенно повлиявший на русскую литературу лорд Джордж Гордон Байрон.

В поэме Лермонтова смертная девушка Тамара и inferнальное существо (Демон) влюбляются друг в друга. Это типично романтическая завязка, которая, наряду со стилем, является для пародистов неиссякаемым источником высмеивания.

Акцентируем внимание на том, что такое огромное количество пародий совершенно не говорит нам о нелюбви к Лермонтову и его поэме. Современники и потомки могли высмеивать не столько самого поэта и его слог, сколько тенденцию к преувеличенно-восторженному его восприятию, его популярность.

Далее перейдем к анализу конкретных пародийных текстов и рассмотрим сатирическую поэму Минаева «Демон». Герой этой сатирической поэмы – явно не

лермонтовский демон. Об этом нам говорит сам автор: *«Печальный демон, но не тот»* [Ямпольский 1987: 74]. Автор через образ демона высмеивает идеал исключительности героя.

Данная пародия отличается от двух других своим языком, стилизованным под поэтическую манеру Лермонтова. Также она отличается и своей политической направленностью. Поэма высмеивает не Лермонтова, не романтизм, не высокий стиль, как, например, сказка Саши Черного. Пародия отражает и высмеивает свое время. Как было сказано ранее, автор пародии всегда ориентируется на время. Дмитрий Минаев берет поэму «Демон» как своего рода «основу» для собственного сюжета. Стилизуя свою версию поэмы под творчество Лермонтова, Минаев рассказывает нам о том, что происходит в мире на данный момент. Минаев разочарован в нем, так же, как и главный герой его поэмы.

В стихотворении В.В. Маяковского «Тамара и Демон» стиль намеренно контрастирует с лермонтовским стилем, не столько в угоду времени, сколько в угоду футуризму, ведь и сама поэма сконструирована по главному его завету: она отвергает прошлое.

Маяковский использует современные для себя реалии, что зачастую делают и другие пародисты, не занимающиеся стилизацией в своих произведениях: *«Чего же хорошего? / Полный развал! / Шумит, / как Есенин в участке. / Как будто бы / Терек / организовал, / проездом в Боржом, / Луначарский»* [Маяковский 1957: 74].

Он говорит о том, что видит. Можно отметить, что его пародия не политична или политична «в меру». Политические реалии тут упоминаются, но политика не является центральной темой произведения.

«Тамара и Демон» – достаточно самобытное произведение, хоть и являющееся изначально пародией. Маяковский упрощает язык и глубокий романтический сюжет Лермонтова, высмеивает его, хотя и не без уважения к великому русскому романтику. Если так можно сказать о пародии, Маяковский превращает романтическую трагедию Лермонтова в балаганную постановку для простого народа.

Говоря о произведении Саши Черного «Кавказский черт» стоит отметить, что эта пародия мягче других высмеивает поэму Лермонтова. Она совершенно аполитична и добра. Она представляет собой даже не высмеивание, а просто «сниженный» пересказ от лица простого солдата, человека из народа. Иногда автор-повествователь (простой солдат) прерывается на бытовые фразы, вроде: *«Эк, Калашников-то расхрапелся! Закрой его, Бондаренко, шинелью, а то собьюсь к чертям. Самое главное сейчас начинается»* [Черный 2016: 173]. Это придает пародии ту самую атмосферу солдатской байки, рассказываемой после отбоя. Строится этот пересказ достаточно правильно и логично для своего жанра. Сюжет наполняется новыми элементами, суть упрощается, упрощается и язык. Пропадают черты романтизма. В сказке показан процесс вульгаризации высокой романтической поэмы Лермонтова, ее «упрощения» для простого люда.

Пародия – это, как уже было не раз нами сказано, явление, актуальное во все времена. И актуальна она прежде всего потому, что пишется всегда для своей эпохи, для современников. Пародия берет уже известный сюжет и стиль, либо

утрирует, искажает сюжет и демонстрирует через его призму проблемы, современные для автора, либо полностью искажает стиль. Пародии очень часто бывают политическими, что нам показывает пародия Дмитрия Минаева, но могут быть, напротив, вполне аполитичны, как пародия Саши Черного. Анализируя пародии, можно увидеть особенности эпох, в которые они создавались.

Пародисты и сатирики всегда берут за основу своих текстов образцовые произведения определенного жанра, а поэма Лермонтова – как раз и представляет собой образец русского романтизма. Этим и объясняется возникновение традиции создания пародий на это произведение, где подвергается осмеянию, как в мягкой, так и в довольно жесткой форме, язык романтизма, его сюжетные и стилевые особенности. На наш взгляд, данные пародии ни в коем случае не оскорбляют великого русского романтика, напротив, они показывают непреходящий интерес к его творчеству.

Библиографический список

- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 т. М.: Худож. лит., Т. 2, 1964. 542 с.
- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 6. Стихотворения 1924 года – первой половины 1925 года, поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Летающий пролетарий», 1957. 485 с.
- Ямпольский И.Г. Поэты Искры. Сборник в 2 томах. Том 2. Л.: Советский писатель, 1987. 384 с.
- Черный С. Солдатские сказки: сборник сказок для старшего школьного возраста. М.: Нигма, 2016. 268 с.
- Бен Г. Е. Пародия // М.: Краткая литературная энциклопедия, 1962 – 1978. Т. 5: Мурари – Припев. 1968. С. 604 – 607.
- Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

L.A. Gogunova

Student of Philological Faculty
Perm State University

PARODY OF THE POEM LERMONTOV'S "DEMON" OF THE LATE 19TH–FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

The parody is still one of the most relevant phenomena, but at the same time relatively little studied in the field of comic literature. In this article parodies of the poem "The Demon" of the end of the XIXth and the first half of the XXth centuries are studied, the characteristic features of their artistic style are revealed and described, the reasons for the actualization of the classical romantic poem as an object of a parody image are analyzed.

Keywords: Lermontov, parody, romanticism, Russian literature, poetry.

УДК 82

Мария Сергеевна Гринкевич

студент филологического факультета

Пермский государственный

Национальный исследовательский университет

m-grinkewich@mail.ru

Научный руководитель:

Илья Юрьевич Роготнев

канд. филол. наук, доцент

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ИДЕЙНЫЙ МИР СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ 1920 – 1930-Х ГГ.: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

В статье рассмотрена проблема реконструкции художественной философии, присущей мировоззрению советских писателей-фантастов в период 1920 – 1930-х гг. Выявлена связь между обращением писателей к теме покорения космоса и развитием идей коммунизма. Для сравнения и анализа выбраны произведения А.Н. Толстого (роман «Аэлита», 1923) и А.Р. Беляева (Роман «Звезда КЭЦ», 1936).

Ключевые слова: научная фантастика, литературоведение, советская литература.

Фантастическая литература традиционно подразделяется на два основных типа – фэнтези и научная фантастика (НФ). Наиболее интенсивное развитие в советский период получает именно последняя – фантастика рационального типа, огражденная от явных мистических и сказочных мотивов и старающаяся дать научное объяснение каким-то необычайным, неправдоподобным событиям. В 1920–1930-е гг. НФ всё чаще обращается к теме освоения человеком космоса. На наш взгляд, реализация этой проблематики в отечественной литературе тесно связана с развитием идей коммунизма. Советская фантастика нередко брала на себя задачу воспевать предстоящие достижения советского народа и вдохновлять ученых и изобретателей на новые свершения. Будущее для советского человека ассоциировалось с коммунизмом и звездной эрой.

Коммунистическая идеология в ее советском изводе предполагала создание атеистического общества. Между тем, государственно-идеологическое строительство не может отменить потребность в сакральном, в вертикальном измерении миропонимания. Советский человек позволил своему воображению выйти за границы родной планеты и проникнуть в космическую даль. Своеобразный процесс замещения религиозного чувства мечтами о космосе ярко отразился в научной фантастике.

К специфике развития советской НФ обращались многие исследователи. Известный критик В.А. Ревич в своей книге «Перекресток утопий: судьбы фантастики на фоне судеб страны» [Раевич 1998] анализирует творчество советских фантастов (от А.Н. Толстого до В.Н. Войновича) в контексте отечественной истории

и предлагает свое видение места этих писателей в литературном процессе. Фантастовед Е.Н. Ковтун во многих трудах касается фантастической темы. В монографии «Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа» [Ковтун 1999] исследуется «повествование о необычайном» во всем многообразии его видов. В учебном пособии «Художественный вымысел в литературе XX в.» [Ковтун 2008] также рассматриваются художественные миры русских, европейских и американских авторов, создающих свои произведения в разных фантастических жанрах.

Новизна нашего подхода заключается в том, что впервые космическая НФ анализируется в свете истории идеологии. Для реконструкции идеологического содержания произведений мы классифицируем основные идеи, затрагиваемые в выбранных произведениях, созданных в период 1920-30х гг., и анализируем тексты по следующим четырем параметрам: социальные идеи (идеология космического коммунизма в её основных аспектах, к этой же группе можно отнести идею о миссионерском призвании человека во вселенной); технологические идеи (художественное моделирование космических пространств и способов их преодоления, осмысление искусственного интеллекта как перспективы технологического развития и др.); идеи межцивилизационных коммуникаций (общение землян с инопланетянами, взаимодействие цивилизаций); метафизические идеи (входящие в НФ эзотерические мотивы, мысли об одиночестве человека во Вселенной, воображение космоса как «второго дома» человечества, художественные поиски смысла индивидуального и коллективного существования и др.).

На первом этапе исследования были рассмотрены произведения таких значимых фигур советской НФ периода 1920 – 30х гг., как А.Н. Толстой и А.Р. Беляев. Для анализа и сравнения мы взяли роман А. Толстого «Аэлита» и роман А. Беляева «Звезда КЭЦ». Далее кратко представлены результаты анализа.

В «Аэлите» отчетливо прослеживается романтизация революционных идей, а носителем этих идей является один из главных героев романа, буденовец Гусев. В 1922–1923 гг. еще актуальна идея мировой революции. В изображении писателя революция оказывает живительное действие, способна обновить и спасти цивилизацию. Таким образом, мы видим, что в отечественной НФ формируется художественная концепция космического большевизма. Пролетарская революция прогремит по всему земному шару и выйдет за его пределы.

Во время написания романа социалистические идеи начали проникать в традиционные страны, такие как Китай, Индия, Турция, Иран, Монголия, Афганистан. Советский Союз рассчитывал на «пробуждение Востока» и на то, что эти древние цивилизации, обновленные революцией, станут естественным союзником коммунистической России против буржуазного Запада. В это же время в самом Советском Союзе идет работа по строительству социализма на «феодалных» окраинах страны: Средняя Азия, Закавказье. Разрабатывается метод строительства социализма, который предполагается создать, минуя стадию капитализма. Еще живы идеи экспорта революции, и Толстой задействует эти идеи в своем произведении, рисуя образ традиционалистской марсианской цивилизации, в которую приходит земной большевизм.

А. Толстой обращается к теории межпланетных ракетных сообщений, которую разработал русский ученый, основоположник космонавтики К.Э. Циолковский («Исследование мировых пространств реактивными приборами»). Писатель касается и проблемы смысла человеческой жизни и места отдельной личности в мире. Для автора каждый человек – одинок и бездомен, и это одиночество еще острее ощущается в космосе. На примере инженера Лося Толстой развивает эту мысль: *«Не смерть страшна, но одиночество, безнадежное одиночество в вечной тьме»* [Толстой 1958: 316]. Буденовец Гусев, рассказывая инженеру Лосю о своих похождениях в годы революции, высказывает такую мысль: *«В это время гляжу – звезды высыпали, как просо, – осень была, август. Как задрожит у меня селезенка. Показалось мне, Мстислав Сергеевич, будто все звезды – внутри меня»* [Толстой 1958: 427]. Толстой говорит о связи человека с космосом, со всей Вселенной. Это перекликается с философией русского космизма, берущей истоки в творчестве Н. Федорова и получающей развитие в трудах К. Циолковского. Земной и небесный миры сливаются в единстве, микрокосм объединяется с макрокосмом.

Образ Аэлиты приобретает поистине космические, вселенские масштабы. Ее «голос любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича, – где ты, где ты, любовь» [Толстой 1958: 446]. Этот образ указывает на единство человека и Вселенной, что также отсылает к теории русского космизма. Нельзя не отметить и связь образа Аэлиты с софийной мистикой, разрабатывавшейся русскими философами В. Соловьевым, П. Флоренским, С. Булгаковым и др.

Атланты считают, что звездное пространство – родина абстрактного разума. Это перекликается с идеями античного философа Платона. Русский ученый Циолковский, а с ним и другие приверженцы философии русского космизма, также утверждали, что разум – величайшая сила в космосе, способная привести хаос к гармонии.

Таким образом, Толстой опирается на традицию национальной (в значительной мере космистски ориентированной) философии, комбинируя её с политическими интенциями русского коммунизма.

Роман А.Р. Беляева «Звезда КЭЦ» (1936) – одно из первых произведений советской НФ, повествующее об освоении космоса. Здесь в утопической форме описывается коммунистическое общество будущего, созданное вследствие мировой революции. Представления людей в 1930-е гг. о строительстве коммунизма в земных условиях были весьма размыты, поэтому неудивительно, что Беляев «примеряет» коммунизм на космическое пространство. Пока что – ближайшее, в пределах Солнечной системы. Позже эту идею разовьет И. Ефремов в своих произведениях «Туманность Андромеды», «Час быка» и др. Беляев в своем романе уделяет большее, чем А. Толстой, внимание точности и правдоподобности научно-технических деталей. Писатель предлагает возможности реализации идей и проектов Циолковского в будущем, возвеличивая имя учёного. Один из героев романа, профессор Тюрин – философ. Можно предположить, что в этом образе отражены

черты самого Циолковского; идеи, близкие воззрениям ученого, и проповедует Тюрин.

В мире будущего, описанном Беляевым, человек не чувствует своего одиночества. Он – часть счастливого общества, его труды принесут пользу потомкам, а необъятный космос – его дом. Нам представляется весьма значимым, что Беляев вводит в роман образ Памира, горной системы в Центральной Азии, на севере Гималаев. Именно в этом месте и построен город КЭЦ, из которого герои отправляются на орбитальную станцию. По словам автора, Памир – «крыша мира», «подножие смерти». Выбор этого места неслучаен. Памир отсылает к специфическим культурным и религиозно-эзотерическим кодам. Николай Федоров, основоположник русского космизма, считал Памир географическим центром земли, местом, где находится могила Адама, «праотца». По нашим наблюдениям, советские фантасты (например, И. Ефремов) и в последующие десятилетия будут равнодушны к сакральной географии Востока.

Отметим некоторые идейные отличия космической фантастики Беляева от художественной идеологии толстовской «Аэлиты». Толстой считает, что смыслом жизни и избавлением от губительного одиночества может послужить любовь. Беляев же видит смысл существования человека в труде на благо обществу. У Беляева человек – элемент плотной социальной ткани, из которой его нельзя вырвать. В 1930-е гг. устройство нового советского общества представлялось уже более-менее ясно. Этот тип общества и проецируется Беляевым в будущее.

Концепцию Толстого можно условно назвать космическим троцкизмом, а концепцию Беляева – космическим сталинизмом. Так, Толстой говорит о первостепенном значении мировой революции, о ее экспорте в другие цивилизации (именно так обычно описывают позицию Л. Троцкого). Беляев же меняет парадигму революции на концепцию мирного строительства социализма. Несмотря на то, что все земные страны сплотились и пришли к коммунизму, сама Земля не торопится выходить на контакт с (потенциально возможными) инопланетными цивилизациями, коммунистическая цивилизация не выходит за пределы околоземного пространства (ср. «социализм в отдельно взятой стране»). Земля Беляева обособлена и сосредоточена на проблемах развития научно-технического прогресса ради процветания планеты. Эти различия объяснимы, в первую очередь, эпохой создания «Аэлиты» и «Звезды КЭЦ».

Библиографический список

- Беляев А. Р. Собрание сочинений: в 8 т. Том 6. М.: Молодая гвардия, 1964. 464 с.
- Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
- Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 408 с.
- Ревич В. А. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: ИВ РАН, 1998. 354 с.
- Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Том 3. М.: Гослитиздат, 1958. 712 с.
- Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.

M.S. Grinkewich

Student of Philological Faculty

Perm State University

**THE IDEOLOGICAL WORLD OF SOVIET SCIENCE FICTION
1920-1930S: GENESIS AND EVOLUTION**

In this article, we are considering the problem of reconstructing the artistic philosophy inherent in the worldview of Soviet science fiction writers in the period 1920-1930. We have identified a connection between the writers' appeal to the theme of the conquest of the cosmos and the development of the ideas of communism. For comparison and analysis we took the works of A.N. Tolstoy (the novel "Aelita", 1923) and A.R. Belyaev (the novel "The Star of the CEC", 1936).

Key words: science fiction, literary criticism, Soviet literature.

УДК 82'344

Алёна Владиславовна Павлова
студент филологического факультета

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alena_alenka98@mail.ru

Научный руководитель:
Анна Александровна Моисеева
канд. филол. наук, доцент
кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ДЕФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВАМПИРИЗМЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА, Н.В. ГОГОЛЯ, А.К. ТОЛСТОГО)

В статье идет речь об особенностях образа вампира и его трансформации в произведениях Пушкина, Гоголя и Толстого. Особое внимание обращено на происхождение и трактовку образа «вампира» в произведениях, а также на его отличительные черты.

Ключевые слова: образ вампира, представления о вампиризме, вампир в литературе.

«Вампир вошел в художественную литературу в конце XVIII – начале XIX в., когда его актуализировала пред- и собственно романтическая эпоха» [Одесский 2011: 275]. Зародившись в Европе, представления о вампиризме, подпитываемые интересом к фольклору, постепенно дошли и до русской литературы. «Эффект вампирической моды был столь разительным, что ... в считанные годы образ заглавного героя превратился в знак литературного штампа» [Одесский 2011: 291].

Особое внимание в данной работе уделим произведениям А.С. Пушкина «Песни западных славян» и «Уединенный домик на Васильевском», повести «Вий» Н.В. Гоголя, а также «вампирическим» образцам малой прозы А.К. Толстого, «Упырь» и «Семья вурдалака».

У Пушкина образ вампира впервые появляется в 1829 г. в рассказанной им повести «Уединенный домик на Васильевском», опубликованной Владимиром Титовым (псевдоним Тит Космократов). Известно, что данное произведение явилось лишь результатом потребности «поддержать салонную беседу и развлечь дам» [Лотман 1995: 347]. Поэтому сам Пушкин не относился серьезно к своей истории. Многие исследователи прослеживают сходство «Уединенного домика на Васильевском» с «Вампиром» Полидори (Байрона), Пушкин не мог не быть знакомым с этим произведением в силу заинтересованности творчеством Байрона.

Из повести «Уединенный домик на Васильевском» мы можем извлечь некоторую информацию о том, как представляли вампиров в пушкинскую эпоху. Вампир Варфоломей поначалу открывается нам как хороший друг, выручающий главного героя Павла. Далее мы узнаем, что Варфоломей мог обезоруживать одним взглядом и «имел

искусство убеждать и силу нравиться» [Титов]. При том известно, что через некоторое время после начала общения с ним старуха проникается симпатией к вампиру, заболевает и умирает. Вера также проникается симпатией к нему, заболевает, постепенно теряет силы и уходит из жизни.

Из произведения мы видим, что он *«степенный, тщательно одетый»*, высокий, *«был статен, имел лицо правильное; но это лицо не отражало души, подобно зеркалу, а, подобно личине, скрывало все ее движение; и на его челе, видимо спокойном, Галль верно заметил бы орган высокомерия, порока отверженных»* [Титов], отдельно акцентируются его холодные руки.

Герои произведения отмечают его взгляд, врезающийся в душу и пронизывающий страхом. Мы знаем, что глаза его светились, как уголья. К тому же *«Вере привиделось, будто две струи огня текут из его глаз и будто покойница, при мерцании свечи нагоревшей, приподнимает голову с мукою неописанной и иссохшею рукою машет ей к Варфоломею»* [Титов]. Описание ужасных глаз вампира, с которым мы еще не раз встретимся в данной работе, отражает представление о глазах как зеркале души.

Вампир замечает то, что не видят другие. Знает о том, о чем другие не знают (см. объяснение Павла с графиней). Варфоломей появляется «откуда ни возьмись» в тот момент, когда Павел собирается на Васильевский остров к Вере и ее матери, при этом мы узнаем, что он заинтересован в Вере и словно знает, что Павел собирается именно туда. Мы также видим неимоверную быстроту вампира. Автор отмечает, что Варфоломей мог *«бегать за лекарствами, которые приносил иногда с такой скоростью, что Вера дивилась, где он мог найти такую близкую аптеку»* [Титов].

Варфоломея не видели в православной церкви. Вера встречала его два раза у церкви. Т.е. в саму церковь он зайти не может. Кроме того, вампир имеет особую неприязнь к христианству, например, отходит в сторону, когда крестятся или молятся. При словах *«Царем небесным заклинаю вас»*, *«глаза его катались, на лбу проступал пот, он силился что-то сказать и не мог выговорить»* [Титов], а при *«Да воскреснет бог! и ты исчезни, окаянный»* [Титов] по подаркам Варфоломея начало растекаться синее пламя, не тушимое водой. После вышеприведенных слов он теряет свой привлекательный облик, и вместо «степенного, тщательно одетого, статного» [Титов] молодого человека мы видим *«образину сатанинскую», «со хвостом, рогами и большим горбатым носом, которым он раздувал поломя, как мехами в кузнице»* [Титов].

С описаниями подобной неприязни вампиров к разоблачающему их сущность христианству мы еще встретимся в дальнейшем. «Пушкину предстояло еще раз встретиться с “задумчивым Вампиром”»: рассказ Полидори (в читательском сознании он продолжал ассоциироваться с Байроном) произвел сильное впечатление на Мериме и отразился в сборнике «Гузла» [Лотман 1995: 350]. Оттуда он попал в «Песни западных славян», речь о которых пойдет далее.

В переводных «Песнях» тема вампиризма открывается с песней «Гайдук Хризич». Из нее мы узнаем о следующих поверьях про упырей: становятся ими, когда человек перед смертью выпивает «горячей крови». После смерти он выходит из могилы *«Кровь сосать ... недругов спящих»* [Пушкин 1975: 351]. Это заслуживает внимания,

потому что вампиры «гораздо чаще мучат своих друзей и родственников, чем посторонних» [Одесский 2011: 284], по замечанию Мериме.

Продолжается тема вампиризма в песне «Марко Якубович». Вампир в ней появляется бледным незнакомцем, «чуть ноги волочит» и «просит он напиться, ради бога» [Пушкин 1975: 352], следовательно, на первый взгляд, не гнушается христианской лексики. Однако на тот момент это еще не совсем вампир, поскольку, согласно традиционным представлениям, подлинным вампиром можно стать только после смерти. Позднее мы узнаем, что умершего незнакомца становится можно прогнать молитвой и дымом от кипарисной ветки. А убить вампира можно колом. Однако когда Марко замахивается, чтобы убить его, тот визжит и убегает в лес. При этом скорость вампира сравнивается с лошадиной и волчьей.

Избавление от последствий укуса вампира, как мы узнаем, приходит, если натереть укушенного человека землей с могилы вампира. Примечательно и то, что могила его полна крови, у самого упыря видим губы в крови и выросшие бороду и ногти. У Пушкина вампир умеет трансформироваться. Так, через две недели после его физической смерти мы видим великана, затем, по мере совершения изгоняющего его обряда, он постепенно уменьшается в размерах, и на третий день выглядит карликом со злыми глазками.

Известнейшим последствием встречи с вампиром является рана на шее жертвы, что мы и видим у сына Марко. Именно после этого мальчик заболевает. Пушкин отмечает, что при появлении вампира завyla собака. С негативной реакцией животных на упырей мы также встретимся в произведениях А.К. Толстого.

Завершается тема вампиризма в «Песнях западных славян» шуточным стихотворением «Вурдалак», содержащим насмешку как над традиционными поверьями, так и над трусоватым «бедным Ваней». Однако в этой песне мы видим описание способа защиты от вампиров: «...Съест упырь меня совсем, / Если сам земли могильной / Я с молитвою не съем» [Пушкин 1975: 359]. Это еще одно отражение веры в целительную от укуса вампиров силу могильной земли, о чем уже говорилось выше.

В повести «Вий» Н.В. Гоголь рисует образ панночки имеющим довольно много сходства с традиционным образом вампира. Панночка впервые появляется перед героем и читателем как недружелюбная негостеприимная старуха. Поместив гостей на ночлег каждого по отдельности, в особое место, этой же ночью она заходит к философу Хоме в хлев с распростертыми руками, желая поймать его. При этом автор пишет, что глаза ее сверкали необъяснимым блеском. На фразу «Ступай, ступай себе с Богом!» [Гоголь 1986: 292] панночка никак не реагирует, из чего мы делаем вывод, что страха перед христианством у нее нет. Данный вывод подтверждается тем, что находясь в церкви уже после физической смерти, она могла свободно по ней передвигаться (не считая черту) (ср. «Уединенный домик на Васильевском») и даже использовать пространство церкви в своих интересах, призвав туда чудовищ. Однако автор отмечает ослабление ее колдовской силы из-за молитв и потерю силы с криком петуха.

Панночка, как и вампиры у Пушкина, может подавлять волю человека. Например, Хома заметил, что не мог двигаться и говорить. А когда она вскочила ему на спину, он скакал и не мог остановиться. Ездил панночка и на Микитке, как мы узнаем из

рассказов хуторских мужиков. Он не мог не покориться ей, в конце иссох, потом вдруг превратился в кучу золы. К тому же мы узнаем, что панночка может оборотиться в собаку и, наконец, становится известно, что у нее обнаруживается характернейший признак вампиров – питание человеческой кровью: она прокусила годовалому ребенку горло и начала пить из него кровь, к утру покусала и его мать, которую нашли посиневшую. Также говорили, что она в общей сложности у всех выпила несколько ведер крови. Автор также отмечает ее сверхъестественную быстроту (ср. вампиров у Пушкина).

Особое внимание уделим красоте панночки. После ее превращения в молодую красавицу приводится следующее ее описание: *«Чело, прекрасное, нежное, как снег, ... уста–рубины, готовые усмехнуться»* [Гоголь 1986: 301]. В ее чертах отмечается что-то страшно пронзительное. В гробу заметна опять-таки ее «страшная, сверкающая красота» [Гоголь 1986: 307]. Причем днем она выглядит живой после смерти. Однако ночами панночка поднимается синей, позеленевшей, ударяет зубами, т.е. теряет всю свою красоту.

Отдельно рассмотрим необыкновенные глаза панночки. Неслучайно у философа создается ощущение, что она смотрит на него закрытыми глазами, таким образом, всегда знает, что происходит (вспомним проницательность Варфоломея). Сначала мы видим их необъяснимый блеск. Из рассказов о панночке узнаем, что глаза ее «горели, как уголь» [Гоголь 1986: 305]. Находясь за чертой, она вдруг открывает «мертвые позеленевшие глаза» [Гоголь 1986: 309]. Из-под ресниц в гробу у нее скатывается капля крови (ср. «Марко Якубович»), что подтверждает поверье, будто вампиры после смерти могут испускать кровь из своего тела.

Переходим к повести А.К. Толстого «Семья вурдалака». Здесь мы находим связь с пушкинским видением этого образа. Обратим внимание на следующее высказывание А.К. Толстого: *«...Вурдалаки, как называются у славянских народов вампиры, не что иное в представлении местных жителей, как мертвецы, вышедшие из могил, чтобы сосать кровь живых людей»* [Толстой 2007: 262] (ср. у Пушкина: *«Вурдалаки, вудкодлаки, упыри–мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей»*) [Пушкин 1975: 371]. У Толстого: *«сосут предпочтительно кровь у самых близких своих родственников и лучших своих друзей, а те, когда умрут, тоже становятся вампирами...»* [Толстой 2007: 262] (ср. у Мериме: *«Те, кто погибает жертвой вампира, сами становятся после смерти вампирами. По-видимому, вампиры совершенно теряют всякое чувство привязанности к близким людям, ибо установлено, что они гораздо чаще мучат своих друзей и родственников, чем посторонних»*) [Одесский 2011: 284]. Мы видим, что Горча охотится на членов семьи, начав с любимого внука, что соответствует описанию Мериме. Но если в «Песнях» Мериме / Пушкина укушенного ребенка спасают, то в «Семье вурдалака» он умирает – а следом и другие члены семьи.

Вампир предстает перед нами высоким бледным стариком с белыми усами, *«двигался он с трудом, опираясь на палку»* [Толстой 2007: 265] (ср. у Пушкина: *«...бледен он и чуть ноги волочит»* [Пушкин 1975: 352]), с невидящим взглядом, тусклыми и впалыми глазами, пытающимися проникнуть в мысли, бескровными

губами и трупным дыханием. Интересна сцена, где при появлении Горчи герой не может пошевелиться. (ср. Варфоломея и Панночку). К тому же Горча отказывается молиться, что мы видели в предыдущих произведениях.

Другие характерные черты вампира можно обнаружить в описании уже перевоплотившейся Зденки. Во взгляде ее было заметно нечто дерзкое. В обращении ее прежняя сдержанность сменилась вольностью, а сама она «из скромной девушки превратилась в сладострастную соблазнительницу» [Одесский 2011: 304]. Зденка перестала носить образки и ладанки, что напоминает нам о неприязни вампиров к религиозным атрибутам. *«Нательный крест, «вонзившись» в маркиза, разрушает чары, и маркиз видит, что обнимается с «трупом», т. е. крест спасает маркиза»* [Одесский 2011: 305]. Также Толстой описывает традиционную реакцию животных на вампира. Так, при появлении Горчи ошетинился пес и начал выть. Находясь рядом с вампирами, конь стоял в пене, рвался и не притронулся к овсу.

Для убийства вампира, как и у Пушкина, готовится кол. Однако, как мы узнаем впоследствии, только от него вампир не умирает. В финальной сцене видно, как Горча опирается на этот же кол и «делает прыжки, подобно тирольцам» [Толстой 2007: 280], а потом, «действуя колом, как пращей» [Толстой 2007: 280], швыряет младенцев-вампиров. Недоумение у нас вызывает уже тот факт, что перед вышеописанной сценой в окне видно Горчу, опирающегося на окровавленный кол. Т.е. кол выступает не как орудие против вампира, а как атрибут, наоборот помогающий ему. Но все-таки при виде кола вампир завыл и убежал в лес со сверхъестественной быстротой (ср. «Марко Якубович»).

Заслуживает отдельного внимания для понимания образа семантика окна. Окно предстает как отверстие из «своего» пространства в «чужое». Ночами герой видит Горчу в окне. Через окно Горча говорит внуку: «...открой окошко да поцелуй меня!» [Толстой 2007: 269]. А в финальной сцене вся семья вурдалака, прильнув к окнам, следит за Зденкой и д'Юрфе.

Повесть «Упырь» была написана частично под влиянием повести «Вампир» Джона Уильяма Полидори, о которой упоминалось выше. Вампирша Сургобина в повести, в подтверждение слов Мериме, представляет особую опасность для близких. Известно, что она некогда уничтожила собственную дочь и планирует «насытиться кровью» собственной внучки Дашеньки.

Опознать вампиров можно по следующему признаку: *«они, встречаясь друг с другом, щелкают языком. Это по-настоящему не щелканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин. Это их условный знак, и так они друг друга узнают и приветствуют»* [Толстой 2007: 283]. Выглядят вампиры как обычные люди, ведут светскую жизнь, причем окружающие даже не подозревают об их истинной сущности.

Из событий, происходящих на вилле Urgina, можно предположить, что упыри могут принимать облик кого угодно, начиная с друзей героя и заканчивая древнегреческими богами. Кроме того, они умеют предсказывать будущее, что мы видим на примере пророчества с письмом.

После укуса вампира на шее человека остается ранка. При этом у А. К. Толстого подобная метка не предвещает неминуемой смерти и последующего превращения. Так

от ранки умирает Антонио, однако в вампира не превращается; жизнь самоубийством заканчивает укушенный несколько лет назад Рыбаренко, а Даша, по-видимому, вовсе избегает опасности.

Вызывает интерес способ избавления от вампиров. Когда бригадирша в одеянии предательницы-баронессы из старинной баллады и Теляев в облики рыцаря Амвросия пытаются выпить кровь Дашеньки, ее воспитательница Клеопатра Платоновна разбивает каббалистическую доску, и вампиров уносит некто в домино. Однако нельзя не учесть, что это действие наблюдается героем во сне, в состоянии припадка. Поэтому остается вопрос, избавились ли таким образом от вампиров окончательно. Сомнение в реальности данной сцены вызывает тот факт, что в финале повести вновь появляется Теляев в своем человеческом облики. Хотя возвращение Теляева можно объяснить тем, что каббалистическая доска принадлежала Сугробиной и, соответственно, ее уничтожение представляло опасность только для хозяйки. Эта двусмысленность, недосказанность, характерная для романтической традиции, дает возможность разных трактовок финала повести и содержащейся в ней трактовки образа вампира в целом.

Таким образом, мы видим, что литературные представления о явлении вампиризма претерпевали некоторую трансформацию на протяжении XIX в. У одного и того же автора в произведениях могут фигурировать разные варианты образа в зависимости от литературной традиции, но ключевые его приметы, генетически восходящие к фольклорной традиции, переходили из текста в текст. В перспективе было бы интересно рассмотреть указанные выше произведения в контексте западноевропейской готики.

Библиографический список

- Гоголь Н. В. Избранное. М.: Просвещение, 1986. 400 с.
- Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес» // СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 346–350.
- Одесский М. П. Четвертое измерение литературы: Статьи о поэтике. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 528 с.
- Пушкин А. С. Стихотворения и поэмы. М.: ТРАНСПОРТ, 1975. 624 с.
- Титов В. М. Уединенный домик на Васильевском // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=42792&p=1> (дата обращения: 11.03.2018).
- Толстой А. К. Князь Серебряный. Семья вурдалака. Упырь. М.: ИД «Комсомольская правда», 2007. 336 с.

A.V. Pavlova

Student of Philological Faculty
Perm State University

DEFORMATION OF IDEAS ABOUT VAMPIRISM IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY (BY THE EXAMPLE OF A.S. PUSHKIN, N.V. GOGOL, A.K. TOLSTOY)

The article deals with the features of the vampire image and its transformation in the literary works of Pushkin, Gogol and Tolstoy. Special attention is drawn to the origin, interpretation and distinctive features of the vampire's image

Keywords: image of the vampire, views about vampirism, vampire in literature.

УДК 82'34

Елизавета Сергеевна Спирина
студент филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Научный руководитель:
Анна Альбертовна Арустамова
д-р. филол. наук, профессор
кафедры русской литературы (ПГНИУ)

МИР СКАЗОК СВЕТЛАНЫ ВОЛОДИНОЙ

Материалом исследования являются сказки писательницы и поэтессы Светланы Володиной. В статье рассмотрены жанровые особенности, художественный мир и система персонажей сказок писательницы.

Ключевые слова: Светлана Володина, жанр, художественный мир, сказка, Чердынь

Многие писатели и поэты российской глубинки остаются малоизвестными, несмотря на их глубокое, самобытное творчество. Среди них и Светлана Володина (1969-2010) – писательница и поэтесса, автор многочисленных стихотворений, публицистических и исторических очерков, сказок и легенд.

У Светланы Володиной непростая судьба. Она родилась в Чердыни. В первом классе начала писать стихи. В 14 лет врачи диагностировали у нее серьезное неизлечимое заболевание, из-за которого жизнь могла оборваться в любой момент. Светлана Володина перенесла две тяжелые операции.

Позднее в дневнике она писала: «Мне уже 18 лет... разрушилось столько надежд... Что же дальше?.. Искать! Искать цель и стремиться к ней! Я должна жить так, чтобы после моего ухода едва знакомые мне люди сказали: «Как нам ее не хватает!» Вот к чему я буду стремиться – жить для людей!» [Калашникова 2012]. И она действительно жила для людей, воспевая в стихах, публицистических очерках свою любимую Чердынь, своих земляков. Она рассказывала о древних преданиях и легендах, сочиняла сказки, в которых неизменно воспевала свое отечество, его природу.

С.Ю. Володина – автор четырнадцати книг, которые начали издаваться с 1993 г. В первую очередь, это сборники стихотворений: «Родная музыка берез» (1993 г.), «Ромашковое поле» (1995 г.), «Чистый родник» (1997 г.), «Тихой Родины свет...» (2004 г.), «Талисман» (2007 г.), «Стихи в альбом» (2010 г.).

Любовь Светланы Володиной к малой родине нашла свое отражение не только в стихотворениях, но и в сказках и легендах. Используя фольклорные сюжеты Чердынского края, она написала книги: «Легенды и сказания Чердынской земли» (2004 г.), «Золотая мельница. Чердынские сказки» (2009 г.), а также «Сказки Древней Чердыни» (2008 г.).

По классификации Л.В. Овчинниковой литературные сказки делятся на два типа: фольклористические и индивидуально-авторские [Овчинникова 2001]. Так как большинство сказок Светланы Володиной фольклористические, в данной статье рассмотрены именно такие сказки писательницы. Фольклористические сказки Светланы Володиной основаны на фольклоре Чердынской области, который собирал И.А. Лунегов, краевед, заслуженный работник культуры. Многочисленные сюжеты фольклорных произведений из архива И.А. Лунегова состояли из 10, а порой и из 3-4 строчек.

На примере сказки «Семь веселых сказок» рассмотрим, как писательница художественно обрабатывала и расширяла фольклорные сюжеты.

Традиционный фольклорный сюжет о трех братьях, младший из которых становится спасителем для всех, Светлана Володина обогащает, добавляя новые детали. Так, главные герои сказки – старик и три сына – охотники. Они заблудились в лесу.

Писательница переносит сказочных героев из волшебного мира в действительный мир. Сказка не имеет традиционного зачина. При прочтении первых строк складывается ощущение, что перед нами не сказка, а реалистический рассказ: *«Охотились в лесу зимой отец и три сына. Пока – бродили по округе, наступил вечер – надо бы огонь развести, а в походных сумках у охотников спичек не оказалось»* [Володина 2009: 27].

Однако когда на страницах сказки появляется еще один персонаж – Леший, мы понимаем, что перед нами все-таки сказка. Леший, как традиционный фольклорный персонаж, оберегает свои владения и не желает отпускать незваных гостей без выкупа. Примечательно, что в сказке Светланы Володиной Леший просит в качестве выкупа рассказать ему семь веселых сказок, что выходит за рамки фольклорной традиции.

Двое старших сыновей не справляются с заданием, а младший вместо того, чтобы веселить лешего, ставит свое условие: *«Потешу я тебя сказками, но если ты испугаешься, то отпустишь нас домой живыми и невредимыми!»* [Володина 2009: 28]. Писательница индивидуализирует главного героя. Сказки, которые рассказывает младший сын, необычны для традиционного фольклорного сюжета. *«Полетел я раз на небо, а там люди все верх ногами ходят. Почему, спрашиваю, вы верх ногами ходите? А они и говорят: «Все потому, что нет у нас щетины сапоги шить!» А я им в ответ: «Не горюйте, есть у нас в лесу мужичок, борода до колен, найду я его и вырву у него бороды клоч – сошью вам сапоги»* [Володина 2009: 28].

Во второй раз младший сын рассказывает о том, как был на охоте, повстречал медведя, и медведь, чтобы охотник его не убил, пообещал выполнить любую просьбу. *«Отправляйся, косолапый в тайгу, – приказал он. – Там на снежной поляне найдешь ты Лешака – лихого мужичка. Выдри ты у него бороду и принеси»* [Володина 2009: 29].

Закончив вторую сказку, младший сын *«обернулся к пушистым кустам и крикнул: «Эй, вылезай, мишка, да принимайся за дело!»* [Володина 2009: 29]. Леший испугался и не только отпустил старика с сыновьями домой, но еще и щедро наградил их.

Таким образом, обрабатывая сказки И.А. Лунегова с помощью художественного вымысла, Светлана Володина усложняла фольклорный сюжет, расширяла сюжетные рамки, усиливала дидактическое начало, наделяла персонажей индивидуальностью, а в некоторых сказках даже вводила дополнительных героев.

Примечательно, что многие фольклористические сказки Светланы Володиной содержат в себе черты легенды и предания. В качестве примера рассмотрим сказку «Гундыр». К жанру сказки это произведение позволяет отнести традиционный для фольклорной сказки сюжет поиска царевны и освобождения ее из заточения, а также сказочный зачин: *«Когда-то правил таежной страной старый и мудрый царь. И был у него единственный сын по имени Василий. Вот пришла пора царевичу жениться...»*[Володина 2009: 14].

Как и в большинстве фольклорных сказок с подобным сюжетом, «многие девушки мечтали выйти замуж за статного и красивого молодца, но ни одна из них не пришлась Василию по сердцу» [Володина 2009: 14]. Царевич таежной страны узнает о прекрасной царевне гор Марпиде и отправляется на ее поиски. Функцию отправления в путь выделяет В.Я. Пропп в работе «Исторические корни Волшебной сказки» и относит эту функцию к завязке [Пропп].

Примечательно, что царевна Марпида – это героиня народной сказки коми, однако общее между ней и героиней сказки Светланы Володиной только в том, что живут и та, и другая на высокой одинокой горе. Только Марпида из сказки коми оказывается на горе, выйдя замуж за Сокола, а героиня произведения Светланы Володиной изначально находится там.

В сказке Светланы Володиной о царевне Марпиде царевичу Василию рассказывает путник. *«Живет она, – говорил путник в стране гор, вершины которых укутаны пушистым снегом, а в долинах пасутся тучные стада и растут удивительные цветы. Хрустальный дворец Марпиды стоит на самой высокой горе, и нет туда пути ни конному, ни пешему»* [Володина 2009: 14].

Если обратиться к анализу фольклорных сказок В.Я. Проппа в работе «Исторические корни волшебной сказки», то в описании места, где живет Марпида, можно узнать мир иной. Дворец у нее хрустальный, стоит он не просто на высокой горе, а на самой высокой горе, и пути туда нет никому. Не случайно провожатыми Василия в этот мир является сразу три героя.

Первую часть пути помогает царевичу преодолеть путник, странник, которого Светлана Володина еще называет чужестранцем. Путник также выступает представителем иной земли. Он доводит героя до ущелья и оставляет его. Далее Василий обращается за помощью к мальчику-пастуху. Пастух направляет героя к кузнецу, который должен знать дорогу к Хрустальному дворцу царевны Марпиды. Кузнец живет за двумя пологими горами на околице села. Околица села имеет семантику края, границы. Получается, что кузнец живет на границе мира земного и мира иного, и этого не случайно, потому что в фольклорной традиции кузнецы обычно приравнивались к колдунам, которые знали путь в иной мир. Кузнец советует царевичу не идти к Хрустальному замку, так как замок охраняет чудовище Гундыр, но Василий нарушает запрет и продолжает путь.

Гундыр – персонаж преданий коми-зырян и коми-пермяков. Гундыр имел человеческий образ, однако под влиянием русского фольклора превратился в гигантского змея. Присутствие этого персонажа в сказке сближает ее с преданием. Светлана Володина описывает Гундыра следующим образом: *«Тело у него было медвежье, а змеиная голова испускала огонь»* [Володина 2009: 17]. Образ змея согласно В.Я. Проппу, является характерным для сказки. [Пропп]. Если воспользоваться классификацией ученого, то в сказке Светланы Володиной мы видим змея-охранителя. Однако в отличие от традиционной сказки змей-охранитель пребывает не у реки, а у горы.

Чтобы освободить царевну, Василию приходится сразиться с чудищем Гундыром. Василий побеждает его не с помощью силы, а с помощью смекалки: предлагает чудовищу отыскать перстень и, когда Гундыр наклоняет голову, обезглавливает его. Василий спасает царевну и приводит ее в свое таежное царство. С тех пор *«две страны – лесов и гор – стали одной страной, и назвали ее Уралом»* [Володина 2009: 19].

Этими словами заканчивается сказка, и такое окончание сближает это произведение с легендой, так как здесь реализуется неотъемлемая функция легенды – объяснительная.

Таким образом, мы видим, что сказка «Гундыр» содержит еще и жанровые черты предания и легенды. Как сказка это произведение имеет традиционный сказочный сюжет с типичными, выделяемыми В.Я. Проппом функциями, как предание – сохраняет память о национальной истории народа коми, как легенда – объясняет возникновение Урала. Подобную синкретичную природу имеет большинство сказок писательницы.

Мы можем сделать вывод, что синкретизм жанров сказки, предания и легенды – отличительная черта фольклористических сказок Светланы Володиной.

Библиографический список

- Володина С.Ю. Золотая мельница. Чердынские сказки. Пермь: Сота, 2009. 136 с.
- Калашникова И. Чердыни возлюбленная дочь (Светлана Володина) // Ураловед. – URL: <https://uraloved.ru/ludi-urala/cherdini-vozlublennaya-doch> (дата обращения: 05.03.2018).
- Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика: диссертация доктора филологических наук // URL: www.dissertcat.com/content/russkaya-literaturnaya-skazka-xx-veka-istoriya-klassifikatsiya-poetika#ixzz58gPDJxho (дата обращения: 05.03.2018).
- Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной сказки // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=36365> (дата обращения: 05.06.2018).

E.S. Spirina

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE WORLD OF TALES BY SVETLANA VOLODINA

The article deals with the tales of the writer and poet Svetlana Volodina and explores the genre features, the artistic world and the system of characters of folkloristic fairy tales of the writer.

Key words: Svetlana Volodina, genre, art world, fairy tale, Cherdyn.

УДК 821'161.1.09

Валерия Александровна Филимонова

магистрант филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

melromene96@yandex.ru

Научный руководитель:

Анна Альбертовна Арустамова

д-р. филол. наук, профессор

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В «ВИЗАНТИЙСКИХ» ЛЕГЕНДАХ Н.С. ЛЕСКОВА

В статье рассматриваются и сопоставляются центральные женские образы «византийских» легенд Н.С. Лескова «Прекрасная Аза» и «Аскалонский злодей». Дается краткая характеристика особенностей эпохи, особое внимание уделяется специфике изображения женских характеров Н.С. Лесковым и его современниками. Автор приходит к выводу о существовании общности характеров главных героинь, несмотря на отличия в сюжетах и авторских идеях произведений.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, женские образы, византийская легенда, праведник.

Н.С. Лесков в своем творчестве неоднократно обращается к изображению женских образов. В рамках всего его творчества главные женские образы подразделяются условно на два типа: женщины-праведницы и женщины-соблазнительницы. В «византийских» легендах больший интерес писатель проявляет к образам праведниц. Для русской литературы подобное изображение женщин как сильных, мужественных является несколько нетипичным и спорным. Поэтому в контексте эпохи (конец XIX в.) не следует забывать о полемике Н.С. Лескова с писателями-современниками по поводу «женского» вопроса. А.А. Федотова отмечает: *«Использование ряда произведений-посредников дает писателю возможность встроить средневековую легенду в парадигму текстов, связанных с широко обсуждаемым во второй половине XIX века в России “женским вопросом”. Интертекстуальные отсылки в этом случае являются средством ведения Лесковым полемики с идеями В.В. Крестовского, Я.П. Полонского и Л.Н. Толстого»* [Федотова 2012: 16]. Таким образом, Н.С. Лесков высказывает свой новый взгляд на женщину не как на искусительницу, а как на сильную, независимую и стойкую духовно героиню.

К написанию «византийских» (по другим источникам – «проложных») легенд Н.С. Лесков обращается в 1880–1890-е гг. С текстами же Пролога – ключевого источника, на который Лесков опирался при создании легенд, автор начинает знакомиться чуть раньше – в 1870-е гг. Интересно, что отношение Лескова к Прологу изменяется: как отмечает И.Н. Минеева, *«начиная с 1886 года,*

Лесков называл Пролог книгой “отреченной”, “неканонической» [Минеева 2014: 315].

Период 1880–1890-х гг. для России становится переходным этапом. В российском обществе в это время наблюдается ощущение кризиса ценностной системы 1860–1870-х гг. Как пишет Б.В. Кондаков, *«в обществе начала формироваться установка не на переделку мира (преобладавшая в 1860–1870-е годы), а на изменение (самоизменение) человека»* [Кондаков 1997: 10]. Отсюда возникает интерес писателей этого периода к «чужим» культурам и к общечеловеческим, морально-нравственным темам и проблемам.

В творчестве Н.С. Лескова нашли отражение все основные тенденции данной эпохи. Так, для его легенд характерна гуманистическая, общечеловеческая тематика и проблематика. Несмотря на то что писатель обращается в произведениях к описанию и христианства, и язычества, его внимание направлено на духовно-нравственные проблемы, касающиеся развития и изменения человека как представителя человеческого рода в целом. Это связано с тем, что христианство он понимает как религию гуманистическую. В целом для его произведений этого периода характерен интерес к проблеме истинного и ложного понимания христианского учения.

К «византийским» легендам отечественные литературоведы обычно относят девять текстов: «Скоморох Памфалон», «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине», «Гора», «Легенда о совестном Даниле», «Лев старца Герасима», «Прекрасная Аза», «Аскалонский злодей», «Повесть о богоугодном дровоколе», «Невинный Пруденций». В нашей же статье представлен анализ лишь некоторых из вышеназванных текстов, а именно: легенд «Прекрасная Аза», «Аскалонский злодей». Это связано с обращением Н.С. Лескова в этих легендах к образам женщин-праведниц и с особой интерпретацией женских характеров. Кроме того, позже сам Н.С. Лесков в обзоре «Легендарные характеры. Опыт систематического обзора» дает анализ женских образов, которые встречаются в Прологе, и делает попытку выделить типологию женских характеров.

«Прекрасная Аза» (1888) неоднократно интерпретировалась отечественными исследователями (А.П. Кашкарева, О.В. Макаревич, А.А. Федотова). В их научных работах исследовались особенности как содержательные (система образов), так и формальные (стиль легенды). Однако для нашей работы важнее сделать акцент на рассмотрении главного женского образа этого произведения – образа Азы.

При характеристике главной героини легенды «Прекрасная Аза» египтянки Азы Н.С. Лесков в особенности выделяет такую ее черту, как гуманность. Прежде всего эта черта проявляется в авторской характеристике героини (*«...молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человеческому горю и ничего не жалела для того, чтобы помочь людям, которые находились в бедствии»* [Лесков 1989: 102–103]), а также в ее взаимодействии с другими людьми (*« Не порода и вера, а люди страдали, – ответила Аза»* [Лесков 1989: 107]). Взаимодействующие с ней герои неоднократно отмечают и другие ее качества, которые, как и гуманность, относятся к «праведническим»: доброту, сострадательность, участливость. Для Азы все люди

равны, в ее характере нет высокомерия: *«Я не знаю, в чем твоя вера: это касается наших жрецов; но я верю, что грязь так же марает ногу гречанки, как и ногу всякой иной, и одинаково каждую жжет уголь каленый»* [Лесков 1989: 106]. В процессе повествования роль душевных качеств Азы усиливается: так, она теряет физическую красоту, став блудницей. Таким образом Н.С. Лесков делает акцент на внутренней силе героини.

Гуманность Азы, ее любовь к ближнему, характерные типа праведника у Н.С. Лескова, подчеркиваются и при помощи эпиграфа, часть которого звучит в речи незнакомца христианина: *«Любовь покрывает множество грехов»* [Лесков 1989: 102]. Полный же вариант цитаты, взятой для эпиграфа, звучит так: *«Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов (I Петра IV, 8)»* [Кашкарева 2016: 170]. Причина выбора Н.С. Лесковым эпиграфа объясняется А.П. Кашкаревой. Опираясь на письма Н.С. Лескова, относящиеся к периоду 1880–1890-х гг., исследователь приходит к выводу о том, что *«Лесков <...> неотступно возвращался к мысли о жизни в смирении и о любви всеобъемлющей, при этом для него понятия “смирение–любовь–счастье–Христос–жизнь” выступают в роли синонимов»* [Кашкарева 2016: 170].

В процессе развития сюжета главная героиня постепенно приходит к христианству и оказывается спасенной с его помощью физически (благодаря незнакомцу) и духовно (благодаря самому содержанию учения): *«Утешенье совершилось–пришла новая жизнь в смущенную душу Азы. Христианин раскрыл ей в коротких словах ученье Христово и снова закончил похвалой ее сердцу, но Аза непременно хотела знать: есть ли люди, живущие по этому учению, во взаимной любви, при которой нет ни осуждения, ни зла, ни нищеты»* [Лесков 1989: 111]. В целом Аза проходит духовный путь, который можно представить в виде следующей схемы: спасение Азой незнакомца – помощь незнакомцу и участь Азы – *«прибрежной блудницы»* [Лесков 1989: 108] – спасение Азы от самоубийства христианином – духовное «исцеление», т.е. приобщение к христианскому учению. Таким образом, происходит удвоение события: в начале легенды Аза спасает старика от смерти, а позже ее саму спасает христианин.

Несмотря на то что в процессе развития сюжета Аза становится христианкой, акцент в легенде сделан не на вере. Это связано с пониманием Н.С. Лесковым христианского учения как учения, прежде всего, гуманистического. По этой причине здесь прослеживается оппозиция не религий (язычество-христианство), а истинного и ложного понимания христианского учения.

Также с образом Азы связаны два важнейших элемента сюжетостроения: мотив одиночества (из-за самопожертвования) и оппозиция героиня-толпа (*«Все, знавшие Азу, от нее отвратились – она погибала»* [Лесков 1989: 108]).

Итак, Аза имеет, будучи праведницей, множество характерных для этого типа черт. Н.С. Лесков подчеркивает такие ее качества, как гуманность, нравственная сила, мужество, склонность к самопожертвованию и сострадание по

отношению к ближнему. При этом принадлежность Азы к тому или иному верованию отходит на второй план и не играет в легенде важной роли в отличие от личностных качеств героини.

«Аскалонский злодей...» (1889) отличается от «Прекрасной Азы» историей написания. Изначально Н.С. Лесков обращается при написании этой легенды не к прямому источнику (Прологу), а к конспекту из своей записной книжки. Примечательно также, что этот конспект был сделан *«неустановленным лицом»* [Минеева 2016: 95]. Первая редакция произведения создается именно на основе конспекта и называется *«"прилогом" от 14 июня»* [Минеева 2016: 96]. Этот текст впоследствии включается в состав цикла «Легендарные характеры». В 1888 г. писатель возвращается к сюжету и пишет вторую редакцию легенды – «Аскалонский злодей. Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)».

Центральный женский образ легенды – образ Тении, – имеет множество черт, которые сближают ее с Азой. Так, в самом начале легенды Тения отличается и внешней, и внутренней красотой: *«По красоте и по стройности жены корабельщика, а равно как и по приятности ее нрава и обхождения ей не было равной в Аскалоне...»* [Лесков 1989: 174]. Однако впоследствии физическая красота ее тускнеет, а душевная становится преобладающей, как это было и в случае с Азой. Тения обладает и всеми внутренними качествами, которые есть у Азы: состраданием, гуманностью, добротой. Особенно ярко эти качества стали проявляться после того, как Фалалея, мужа Тении, посадили в темницу из-за долгов. Тения жертвует собой ради того, чтобы прокормить мужа (*«Вообще она была не приучена исполнять какие бы то ни было тяжелые работы. Она была научена только изящным искусствам, в которых никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработок»* [Лесков 1989: 182]) и при этом другим она покупает лучшую пищу, а себе – худшую (*«Корабельщики, слушая игру и песни Тении, были довольны тем, что видели перед собою прекрасную певицу, и давали ей монеты, с которыми Тения потом уходила на рынок, – покупала здесь лучшей пищи для детей и для мужа, и для его матери Пуплии, а для себя уснувшую дешевую рыбу»* [Лесков 1989: 183]). В этих действиях Тении просматривается один из жизненных принципов праведников Н.С. Лескова – жить ради служения людям.

Тения, как и Аза, проходит путь духовного становления. Из-за долгов мужа Тения теряет дом, и ей после этого приходится одной кормить всю семью. Однако, в отличие от Азы, она не остается после потери материальных благ в одиночестве. Она может зарабатывать на жизнь и получает деньги за игру на арфе и за пение. Можно утверждать, что Тения оказывается героиней более стойкой и более сильной духовно, поскольку она не задумывается о самоубийстве и твердо отказывается от предложения провести ночь с Милием за деньги, несмотря на все уговоры, хотя пожертвование телом считается благом в язычестве.

Тения также следует одному из языческих обычаев – идет на кладбище, чтобы узнать ответ у мертвых: *«...у людей языческой веры, в которой выросла Тения, было в обычае, при больших недоумениях, вопрошать кости*

мертвых» [Лесков 1989: 206]. Отвечает героине не мертвец, а христианин. Этот отшельник, старец Фермуфий, соблюдавший обет молчания многие годы, начинает бредить именно при появлении Тении. Возможно, благодаря сходству собственных нравственных установок с пониманием христианского учения Фермуфием, Тения получает ответ именно от этого отшельника: *«Храни чистоту! Вверх гляди, вверх! – С этим ясность слова прошла, опять послышался шелест, подобный метанию птицы в ветвях, и голова, обшитая шкурою зверя, с шерстью, повисшей над прорезом для уст, вдруг исчезла, точно в могиле провалилось дно»* [Лесков 1989: 210].

Н.С. Лесков несколько раз в легенде подчеркивает и критикует ложное понимание христианского учения Фалалеем, мужем Тении: *«Напрасно Тения указывала ему и на то, что желание большого богатства не только не отвечает учению избранной им христианской веры, но даже запрещено ею, – ничто это не останавливало Фалалея»* [Лесков 1989: 175], *«...но неверно понятое христианство не изменило его языческих взглядов...»* [Лесков 1989: 175], Милием и другими христианами в противовес верному пониманию христианства Тенией. Алчность мужа Тении, которая является грехом в христианстве, также выступает как доказательство ложного понимания учения. Именно эта оппозиция – истинное/ложное понимание христианства является центральной. В связи с этим в произведении встречаются также другие оппозиции: на уровне системы образов (Тения, отшельник Фермуфий и остальные люди), на уровне религии (семья Тении (язычники) и семья Фалалея (христиане)). Таким образом, в легенде «Аскалонский злодей» встречается два типа героев: те, кто верно трактует христианское учение (Тения, Фермуфий), и те, кто ошибается в интерпретации сущности христианства.

Итак, образ Тении наделен всеми чертами лесковского праведника, а также имеет ряд схожих с Азой из «Прекрасной Азы» черт характера. Оказавшись в несколько иной ситуации, нежели Аза, Тения проявляет силу духа, стойкость и выдержку, помогая мужу и семье. Н.С. Лесков посредством введения в это произведение образа Тении пополняет галерею образов женщин-праведниц в «византийских» легендах.

Легенды «Прекрасная Аза» и «Аскалонский злодей» имеют некоторые общие черты, несмотря на то, что основные их идеи различны. Это наличие центральных женских образов, их психологизм, обладание каждой из героинь «праведническими» качествами, их нравственная чистота, внутренняя сила и стойкость, верность своим убеждениям. Также для легенд Н.С. Лескова характерно обращение к проблемам межрелигиозной борьбы, соотношения язычества и христианства. Однако на первый план в каждом произведении выходит проблема проявления женского «праведнического» характера и связанная с ней проблема истинности/ложности трактовки героями христианства как гуманистического мировоззрения. Н.С. Лесков в них критикует тех христиан, для которых форма учения важнее истинного (гуманистического) его содержания. Важнее для Лескова оказываются душевные «праведнические» качества, сила духа героинь. В целом же интерес к проблемам толкования христианства, «праведничества» характерен для всех «византийских» легенд.

Библиографический список

- Кашкарева А.П. Легенда «Прекрасная Аза» в контексте читательских предпочтений Н.С. Лескова 1880–1890-х гг. // Научный диалог. 2016. №2 (50). С. 165–174.
- Кондаков Б.В. Русский литературный процесс 1880-х годов: автореферат дисс. д-ра филол. н. Екатеринбург, 1997. 40 с.
- Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1989. – 416 с. Т. 10.
- Макаревич О.В. Интерпретация религиозных текстов в творчестве Н.С. Лескова второй половины 1870-х–1890-х гг.: вопросы проблематики и поэтики: автореферат дисс.... канд. филол. н. Нижний Новгород, 2014. 25 с.
- Минеева И.Н. Старопечатный Пролог XVII века в творчестве Н.С. Лескова: к реконструкции одного литературного казуса // Проблемы исторической поэтики. 2014. №12. С. 315–328.
- Тулякова А.А. Об истории одного эпиграфа в повести Н.С. Лескова «Аскалонский злодей» // Текстология и историко-литературный процесс. М.: Лидер, 2014. С. 115–124.
- Федотова А.А. Поэтика поздней прозы Н.С. Лескова: интертекстуальный аспект: автореферат дисс. канд. филол. н. Ярославль, 2012. 23 с.

V.A. Filimonova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

WOMEN IMAGES IN N.S. LESKOV'S «BYZANTINE» LEGENDS

In the article the analysis of the main women images in N.S. Leskov's "Byzantine" legends «Beautiful Aza» and «The Evildoer of Askalon» is carried out. It provides a brief description of features of the century, particular attention is paid to the specifics of the image of female characters of N. S. Leskov and his contemporaries. The author of the article concludes that main characters are similar, although the legends have different plot and author's ideas.

Keywords: N.S. Leskov, women images, the Byzantine legend, the righteous man.

УДК 821'161.1

Артемий Романович Хакимов

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

rubashowns@yandex.ru

Научный руководитель:

Светлана Викторовна Бурдина

д-р. филол. наук, профессор

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ЭКФРАСИСВ РОМАНЕ АНАТОЛИЯ КОРОЛЕВА «БЫТЬ БОСХОМ»

В анализе произведения мы попытались продемонстрировать ключевое положение экфрасисов в структуре романа Анатолия Королева «Быть Босхом». Вместе с другими средствами, призванными манифестировать присутствие «текста Босха» в сюжете произведения, экфрасисы создают второй, дополнительный фон, с помощью которого формируется двухуровневая архитектура романа. Преломляясь через плоскость символики картин Босха, события и герои утрачивают свою строгую привязанность к реальному миру и переносятся в особое вневременное, одновременно двоящееся и единое пространство.

Ключевые слова: Быть Босхом, экфрасис, Анатолий Королев.

Творчество современного писателя Анатолия Королева предоставляет нам широкий спектр тем для исследования, к числу которых можно отнести и специфику визуализации в его прозе, представленную преимущественно через прием экфрасиса.

Труды современных исследователей указывают на то, что экфрасис является не до конца сформировавшимся понятием: ученые продолжают искать конститутивные признаки термина, по-разному оценивают его содержание и границы. С точки зрения Н.В. Брагинской экфрасис представляет собой только описание произведений искусства, которые при этом выступают как тип текста, и могут, при соблюдении определенных критериев, совпадать с границами некоторых жанров [Брагинская 1977: 262-263].

Несколько иное определение экфрасиса предлагает Л. Геллер. По его мнению, экфрасис помимо того, что позволяет писателю словесно выразить визуальное изображение, является последовательной записью движений глаз и зрительных впечатлений. Исследователь отмечает, что экфрасис трансформирует в слово не сам объект и не его визуальный код, а его восприятие и толкование [Геллер 2002: 10]. Важная для экфрасиса установка на визуальное восприятие читателем отмечается также литературоведом Ж. Хетени. В работе «Экфраза о двух концах – теоретическом и практическом» он пишет, что при «описаниях, при восприятии топики в читателе действует не его визуальная «аппаратура», не его физические рецепторы, а внутреннее зрение, то есть

производится интеллектуальная работа по созданию внутреннего образа» [Хетени 2002: 163].

Для исследования нами был выбран автобиографический роман Анатолия Королева «Быть Босхом», в котором визуализация достигается через погружение читателя в художественный мир голландского художника. Сюжет повествует о молодом выпускнике филологического факультета, Анатолии Королеве, который в наказание за «диссидентскую» деятельность отправлен в качестве следователя в дисциплинарный батальон. Там герой погружается в жестокую и алогичную реальность, в которой за порядком следят садисты, а офицеров практически не волнует положение дел в тюрьме. С целью уйти от окружающей его «дисбатской действительности», Королев пытается закончить роман о жизни Босха: *«Итак, ты сослан в ад. По иронии судьбы студенческий замысел писать книгу про Босха осуществился самым жестоким образом»* [Королев 2004: 104].

В структуре романа можно выделить несколько уровней:

- 1) События, происходящие с главным героем в дисциплинарном батальоне.
- 2) События, связанные непосредственно с фигурой Иеронима Босха. К этому уровню относятся фрагменты текста, рассказывающие псевдоисторическую биографию художника.
- 3) Уровень, представленный экфрастическими описаниями картин Босха.

Такая структура понадобилась автору для реализации «текста Босха» в романе, который в разных формах (аллюзии, экфрасисы, сравнения) представлен на всех упомянутых повествовательных уровнях. Такой подход позволил Анатолию Королеву значительно расширить коннотативное содержание образной части произведения.

Стоит сказать, что духом «Босхианского» мрачного средневековья пропитана буквально каждая глава романа. Сюрреалистичный мир, созданный живописцем, проникает в реальное пространство, становясь как бы стертым фоном, на который палимпсестно наносятся картины «дисбатской» действительности. Грань, отделяющая друг от друга несколько композиционных уровней романа, крайне тонка, что подчеркивается автором уже в первой главе: *«И мой жребий трубит здесь целых два года. Тоска. Итак, ты сослан в ад»* [Королев 2004: 12].

Для усиления этой параллели Анатолий Королев также часто прибегает к сравнению через введения в текст нулевого экфрасиса, ссылаясь на различные элементы полотен Босха или давая референту название подразумеваемой картины. Например, лязг ключей, которыми дежурный солдат открывает камеру, сопоставляется с пытками звуками в «Аду музыкантов». Сравнение вынесено и в названия глав в романе, аллегорически связывающих сюжеты упоминаемых картин и события, происходящие с главным героем: «Корабль дураков. Отплытие», «Сад земных наслаждений: мамка фоска», «Семь смертных грехов и четыре главные вещи», «Извлечение камня глупости», «Пляска смерти: аллегория страшного суда».

Полные экфрасисы в романе репрезентируются в рассуждениях героя о полотнах художника. Анатолий Королев детально переводит визуальное в вербальный текст, поэтапно «вырисовывая» перед читателем все значимые образы полотна и дает им собственную интерпретацию. Интересно то, что автор

воссоздает движение глаз зрителя, но детали при этом значительно отличаются от того, что мы видим на самой картине.

Экфрасисы в романе также нередко становятся способами реализации мотива абсурда, исследованного литературоведом А.С. Климутиной. Так после ссоры с начальством главный герой переселяется в отдельный дом, в котором вешает на стену репродукции двух картин: *«Смерть и Арлекин» Сомова и Босховский «Корабль дураков»*.

«Корабль Дураков» – одно из самых знаменитых полотен Босха, аллегорически осуждающее падение нравов и отход людей от добродетели. Абсурдность происходящего на картине (люди, не ведающие того, что корабль несет их в ад), перекликается с положением лейтенанта Королева, сталкивающимся с абсурдностью неупорядоченных правил, по которым устроена жизнь в батальоне. Мир дисбата оказывается искажен и перевернут также, как и сюрреалистичный мир Босховских картин [Климутина 2009: 152].

Неслучайно за главой, в которой лейтенанта вызывают на анекдотичный допрос в КГБ, следует экфрасисный фрагмент с описанием картины одного из последователей Босха – «Святой Христофор». Сначала описывается сам потоп, смывающий людей и дома: *«Одни лезут на деревья, другие карабкаются на крыши, третьи обреченно скачут на лошадях прочь от потопа, который накатывает со скоростью курьерского поезда, глупцы пытаются спастись на стинах индюков и свиней, а монахи мошкаркой облепили крышу собора, откуда бессильно видят роковой вал потопа высотой с Вавилонскую башню»* [Королев 2004: 108-109].

Возникающее в тексте сравнение волны с Вавилонской башней порождает возникновение мотива хаоса. Вода, как еще один вид страшного наказания за грехи, смешивает людей, нивелируя их различия. Описание картины акцентирует внимание на том, что перед лицом наступающей кары потопа бессильны и глупцы, и монахи.

Затем автор переводит взгляд зрителя к хтоническим существам: *«Ревущий вал пенной воды составлен из глоток жадных рыбин, которые готовы проглотить горловинами водоворота все живое»* [Королев 2004: 108-109]. Наконец фокус останавливается на фигуре самого Христофора: *«Только одному великану Святому Христофору не страшен потоп, который едва ли затопит его колени. С отрешенным лицом блаженного идиота, в раздутом бурей алом плаще он бредет по колено в идущей воде с исполинским посохом»* [Королев 2004: 108-109]. Характеристика Христофора «с лицом блаженного идиота» намекает на то, что великан, несмотря на свои размеры, не обладает разумным началом. То, что персонаж идет через поток, в свою очередь, символизирует гибель мира.

Взгляд зрителя смещается вверх на младенца Христа, сидящего на плечах Христофора: *«На плечах Христофора сидит младенец Христос с детской вертушкой-пропеллером в руках, которая одна занимает его любопытный взгляд. Святое дитя не видит мировой казни и не слышит ревущего тиграми последнего вала»* [Королев 2004: 108-109]. Иисус здесь вовсе не мессия, согласно библейскому мифу, несущий с собой все тяготы мира, а простой ребенок, глухой к бедам людей.

Появившаяся в небе фигура Бога усиливает эсхатологическое настроение картины: *«В грозовой вышине потопа над грешной землей виден сияющий светом молний Бог, Творец ужаса, сидящий на круглой стеклянной мировой сфере – Mundus, – в боках которой отражается опрокинутый проклятьем мир»* [Королев 2004: 108-109].

Заканчивается же экфрасис словами: *«Эта мрачная аллегория всеобщей гибели вопиет к душе зрителя: спасения не будет ни грешникам, ни святым. Бог бросил мир на съедение рыбам»* [Королев 2004: 108-109].

Представленный развернутый экфрасис выполняет в тексте смыслообразующую функцию, т.к. из интерпретации лейтенанта Королева нетрудно увидеть опыт его собственных переживаний. Очевидно, что царящий на картине хаос есть собственно сам абсурд советской репрессивной машины, обвиняющей героя в чтении запрещённой литературы и подсматривающей за ним с целью предотвратить уничтожение секретной пленки. Конец света метафорически выраженная идея об отсутствии в мире гармонизирующей его силы, что приводит к появлению чудовищ (проявление хаоса и абсурда), которым Бог оставил мир на съедение. Автор намеренно детализирует свое описание, превращая экфрасис как бы в иную реальность, что актуализирует внутренний смысл картины.

Другой важный для романа мотив, актуализированный экфрасисом – это ад и страшный суд. Достаточно подробно автором переданы детали работы «Сад земных наслаждений», описаны изощрённые пытки, которым подвергаются в аду Босха грешники: *«Наугад открываю правую створку великого триптиха «Сад земных наслаждений», где в пекле ада замечаю ну хотя бы голое тело грешника, усаженного Босхом на лезвие бесовского ножа – острием вверх, чтобы расцечь пополам... Больше того, бока грешника слева и справа стиснуты исполинской – под стать ножки черта двустворчатой речной ракушкой из числа тех ракушек, что обычны на плесе любой нашей речушки. И этим создатель ада подчеркивает угрозу того, что в час Суда кусающей пыткой грешнику кинется на тело каждая мелочь, каждая хрупкая ракушка будет раздута Карой в человеческий рост, чтобы жалобно хрустнули в тех челюстях твои косточки»* [Королев 2004: 33].

Необходимо заметить, что исследователи картин Босха отмечают то, что ад на картинах художника никогда не расположен ниже земли. Такая линия уподобления двух пространств, как мы видим, отражена и в сюжете романа. Важно то, что Фрагмент с описанием «Сада земных наслаждений» следует за главой, в которой герой сталкивается с особенностями повседневной жизни солдат в дисбате. Старшина Стонас издевается над солдатами, травя их хлоркой на гауптвахте. Страшные муки грешников с триптиха, как видение проступают через жестокую реальность Бишклия.

В финале автор обращается к нескольким картинам Босха, которые объединяет идеей бессилия Иисуса: «Брак в Кане» и «Поклонение волхвов». Как и в экфрастическом описании работы «Святой Христофор», Анатолий Королев акцентирует внимание на образе Христа: *«Вялый одутловатый Христос сидит, смежив веки, между новобрачных, не замечая – не дано! – что на свадебном пиру хозяйничает всякая нечисть, что даже кабанья голова на блюде изрыгает хулу, а*

капители безобразно корчат рожцы. И нечистой силе наплевать на явление божественного Агнца» [Королев 2004: 306].

Здесь мы также видим фигуру мессии равнодушной к гибели мира. Стремясь объяснить такой отход Босха от христианского канона, Анатолий Королев пишет о том, что для Босха Христос всегда был лишь пророком, но не самим Господом: *«Бессилие Христа – тема всей его живописи...»* [Королев 2004]. Образ спасителя у Босха как бы нивелируется до состояния простого человека, вынужденного всю жизнь «нести свой крест» и не способного противостоять окружающему его хаосу. Обесценивание миссии Христа подчеркивается и самим Королевым в главе из недописанного романа «Корабль дураков»: шут карлик, сидящий на плече испанского короля (замаскированный дьявол) как бы пародирует младенца Иисуса, изображенного на картине «Святой Христофор».

Как видно из представленного анализа, подлинная сущность мира, открывшаяся лейтенанту Королеву, провоцирует возникновение в романе ряда философских проблем, среди которых важнейшее место занимает проблема неспособности человека справиться с абсурдностью своего бытия. Именно поэтому автор решает обратиться в своем романе к жизнеописанию Босха, судьба которого, несмотря на глубокое осознание бессилия человека перед лишенным смысла существованием, являлась для автора «вариантом существования в абсурде реальности» [Климутина 2009: 156]. Из чего можно сделать вывод о том, что конструкция «Быть Босхом» – своего рода концепция особого восприятия мироустройства, так и оставшаяся незаконченной.

Таким образом, через экфразис осуществляется философская проблематика романа, в котором на разных повествовательных и композиционных уровнях разворачиваются все новые и новые смыслы, рождаемые столкновением двух художественных начал. Мир изобразительного искусства становится своеобразной лакмусовой бумажкой, позволяющей перенести происходящее в хронотопе романного «настоящего» в безвременную сферу общечеловеческого.

Вместе с другими средствами, призванными манифестировать присутствие «текста Босха» в произведении, экфрасисы создают второй, дополнительный фон, с помощью которого формируется двухуровневая архитектура романа. Благодаря взаимодействию двух повествовательных инстанций каждый изображенный образ приобретает свойство «гомеоморфичности» и многозначности. Преломляясь через плоскость символики картин Босха, события и герои утрачивают свою строгую привязанность к реальному миру и переносятся в особое вневременное, двоящееся и единое пространство. Вместе с тем, использование экфрасисов значительно усложняет структуру романа, добавляя новый элемент «картина» к описанному Ю.М. Лотманом принципу «текста в тексте». Аккумулированное при помощи экфрасисов пересечение реального и ирреального в романе позволяет автору возвести частные факты окружающей его действительности в степень проникнутого христианским мистицизмом «босхианского» мифа.

Библиографический список

Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1977. С. 259–284.

Геллер Л. Воскрешение понятия или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума [ред. Л. Геллер]. – М.: МИК, 2002. С. 5–22.

Хетени Ж. Экфраза о двух концах – теоретическом и практическом. Тезисы несостоявшегося доклада // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума [ред. Л. Геллер]. – М.: МИК, 2002. С. 162–166.

Климутина А.С. Абсурд реальности в романе А.Королёва «Быть Босхом» // Литературоведческие горизонты. 2009. Вып. 16. С. 152–156.

Королёв А. Быть Босхом. М.: Гелеос, 2004. 320 с.

A.R. Khakimov

Student of Philological Faculty

Perm State University

EKPHRASIS IN THE NOVEL “TO BE BOSCH” BY ANATOLIY KOROLYOV

While analyzing the text, we tried to highlight the key role of ekphrasises in the structure of the novel “To be Bosch” by Anatoliy Korolyov. The ekphrasises along with other methods are meant to manifest presence of “Bosch’s text” in the plot. They create some additional background with which a two-level composition is formed. Refracting through Bosch’s symbolism, the novel’s characters and events lose their rigid connection to reality and transfer to some special timeless domain that is simultaneously integral and double-sided.

Key words: to be Bosch, ekphrasis, Anatoliy Korolyov.

УДК 82'02

Анастасия Олеговна Черановская

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

cheranovskayanasta97@gmail.com

Научный руководитель:

Анна Альбертовна Арустамова

д-р. филол. наук, профессор

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ТИПЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ «СУРИКОВСКОГО КРУЖКА» ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX В.

В статье приведены результаты сопоставительного анализа творческого наследия писателей из народа конца XIX – начала XX в. с основными типами фольклорных стихотворных текстов. Рассмотрен характер взаимовлияния творчества «суриковцев» и фольклора. В работе выделяются основные жанры фольклора, образы, темы и мотивы, которые были использованы крестьянскими поэтами. Выдвигаются предположения целей и причин заимствований.

Ключевые слова: поэты из народа, крестьянские поэты, суриковский кружок, фольклор, народные песни, фольклорные заимствования.

Во второй половине XIX в. в литературе усиливается деятельность представителей социальных низов, «писателей из народа». Они имели деревенское происхождение, начальный уровень образования, но непреодолимую тягу к творчеству. В начале 70-х гг. XIX в. вокруг поэта-самоучки И.З. Сурикова постепенно сложился кружок «писателей из народа» (Суриковский литературно-музыкальный кружок). В 80-х гг. его продолжением стал новый кружок писателей-самоучек, в состав которого вошли М.Л. Леонов, М.Л. Вдовин, И.А. Белоусов и др. Его участники выпустили несколько сборников. В 1902 г. кружок был официально оформлен и получил устав под именем «Товарищеского кружка писателей из народа» [Сазонова 2013: 69].

Творчество суриковцев до сих пор не имеет однозначной оценки. Так, Добренко характеризует основную часть писателей термином «графоманы» [Добренко 1999: 167], Поздеев выделяет отдельный пласт «третьей культуры», к которому причисляет и «поэтов из народа» [Поздеев 2003: 134], Рыкунина ставит произведения «самоучек» в один ряд с наивной литературой, отмечая, что разница между ними состоит в аудитории читателей [Рыкунина 2015: 32]. Но все исследователи явления «народной поэзии» в разной степени сопоставляют фольклор и поэзию суриковцев. Это объясняется общей природой стиха.

Как уже отмечалось выше, по данным биографий, практически все поэты, причислявшие себя к группе «писателей из народа», имели крестьянское

происхождение. Деревня же представляет собой замкнутую систему традиционного уклада жизни, следовательно, традиционной формы мышления и формы художественного сознания. Очевидно, «суриковцы» были носителями фольклорного творческого потенциала, но характерный для их биографии последующий переезд в город не позволил реализовать его в «естественном» виде, оставив при этом заметный отпечаток на всем полотне их поэзии. «Толчок к писанию стихов поэты из народа получали от русских песен, которые они слыхали у себя в деревнях и знают с детских лет» [Белоусов 1928: 124]. Чтобы выявить черты, заимствованные «поэтами-самоучками» из народной лирики, обратимся к фольклору.

Сначала отграничим круг жанров, которые представляют для нас интерес. Наиболее распространенным жанром для суриковцев является песня. «Суриковцы – поэты-песенники по преимуществу. Лучшие их стихи, родственные стилю крестьянской лирики, иногда прочно входили в народный обиход» [Лебедев–Полянский 1941-1956: 755]. В фольклоре выделяют обрядовую и внеобрядовую лирику. В обрядовой лирике «поэты-самоучки» использовали семейно-обрядовую поэзию. В соответствии с тематическим подходом актуальным для нас будет выделение свадебной, рекрутской, похоронно-поминальной лирики.

В целом, для «суриковцев» использование обрядовой лирики или ее элементов в творчестве не является характерным, однако мы можем наблюдать одиночные произведения, в которых актуализируются традиция похоронно-поминального причитания. Н.А. Панов «Вдовье горе»: *«Пришла к тебе, великою/ Тоскою обуянная:/ Узнай, как горе мыкаю/ Я, баба бесталанная;/ Наставь на разум вдовушку,/ Услышь, как плачут деточки!../ Ты спишь в земле сырой;/ Проснись, кормилец мой...»* [Хренов 1901: 120]. Главной героиней ролевого стихотворения-монолога является женщина, потерявшая мужа, что характерно для традиции, так как плач исполняется женщинами-родственницами либо профессиональными плакальщицами. Кроме того, в тексте мы можем наблюдать общую трагическую модальность, характерную для причитания, мотив «вызывания умершего», введенный рефреном в конце каждой строфы: *«Ты спишь в земле сырой;/ Проснись, кормилец мой...»* [Хренов 1901: 120] можно сопоставить с таким же мотивом в плаче: *«Гряньте, громы громкие, / Расколите вы да гробовую доску. / Выйди-ка ты, родима мамонька...»* [Королева 2012: 77]. Общий вектор повествования смещен на лирическую героиню, главной темой становятся ее страдания: *«Позагнана, запужена –/ В семье лихой – бездольная.../ Хозяйство ж дело строгое –/ Одной где ж удосужится!...»* [Хренов 1901: 120], что характерно для плача-сетования. Однако в стихотворении отсутствуют обязательные компоненты плача, акцентирующие оппозицию жизни-смерти, которая традиционно проявляется в мотиве дальней дороги и поисков умершего, также отсутствуют элементы заклинания, приговора, актуализирующиеся в обращении к потусторонним силам.

Другим примером использования тем обрядовой лирики может послужить стихотворение «Песня» Н.С. Цыганова. Это произведение можно сопоставлять с песнями девичника и причитаний невесты или с семейными внеобрядовыми песнями. В стихотворении представлена художественная обработка типичной для

деревни ситуации—нежелания невесты выходить замуж, но в отличие от народного причитания и семейной песни, стихотворению свойственна оптимистичная тональность: *«То-ли житье девичье,/ Чтоб его менять,/ Торопиться замужем/ Охатъ да вздыхать?/ Золотая волюшка/ Мне милей всего!»*. В тексте встречаются характерные для свадебного обряда образы — красный сарафан, расплетание кос, посредством них реализуется тема утраты воли: *«Не шей ты мне матушка,/ Красный сарафан.../ Рано мою косынку/ На две расплестать/ Прикажи мне русую/ В ленты убирать!»* [Васильев 1916: 107]. Но вместе с тем отсутствует драматизм переживаний героини, ее психологическая характеристика, кроме того в стихотворении отсутствует вводная описательная часть, построенная в фольклорных текстах с помощью приема психологического параллелизма. Произведение Цыганова представляет собой диалог, который характерен для внеобрядовой лирики.

В репертуаре «суриковцев» произведений, обнаруживающих сходство с внеобрядовой лирикой, значительно больше. Внеобрядовую лирику составляют песни, основная традиционная функция которых— сопровождение труда. Их подразделяют на бытовые (любовные, семейные, шуточные), песни социального содержания (разбойничьи, солдатские) и песни крестьянских отходников—людей, временно уехавших из своих деревень на заработки (ямщицкие, чумацкие, бурлацкие) [Зуева 1998: 294].

В произведениях «поэтов-самоучек» можно выделить две группы наиболее востребованных песен: семейные песни, воспроизводящие устои жизни крестьянской семьи, примыкающие к ним любовные песни и песни «отходников» —крестьян, покинувших деревню ради заработка.

Популярность бытовых «семейных песен» среди суриковцев объясняется основной задачей поэтов — изображение тяжелой крестьянской жизни. Наиболее актуальной для поэтов становится тема «доли бедняка». И.З. Суриков «Доля бедняка»: *«Эх ты, доля, эх ты, доля,/ Доля бедняка!/ Тяжела ты, безотрадн,/ Тяжела, горька!»* [Хренов 1901: 72], С.Д. Дрожжин «Дума крестьянина»: *«Надоела мне/ Жизнь бездольная,/ Горемычная,/ Подневольная!/ Иль других людей/ Будто хуже я,/ Чтобы даром класть/ Силы дюжия...»* [Хренов 1901: 92]. Но процесс работы в творчестве «поэтов из народа» представлен неоднородно: параллельно с темой «доли бедняка» существует тема красоты, эстетики крестьянского труда. Таким он предстает в стихотворении Я.Е. Егорова «Песни грабильщиц»: *«Мерно грабли движутся,/ И, взлетая вдруг,/ Плавн сено падает/ Из-под них на луг/ Кажутся грабильщицы стадом лебедей.../ А над лугом песенки/ Громче и слышней...»* [Хренов 1901: 105]. А также «богоугодности» труда, ее обозначает Г.Е. Нечаев в стихотворении «Пахарь», введя образ мужика, осеняющего себя крестным знаменем перед началом работы: *«Вот вышел пахарь, грудь осеняя,/ С чувством, широким крестом,/ В соху поспешно впрягает коня...»* [Хренов 1901: 110].

Не менее актуальной для поэтов стала и тема несовершенства семьи. Выражающие ее народные песни обычно посвящены страданиям женщины в

чужой семье, несчастливой семейной жизни, поэтому и в поэзии суриковцев эта тема выражается посредством личных переживаний лирической героини. Например, в стихотворении Н.А. Панова *«Грустную песню пою,/ Жизнь прожитую мою.../ Девичьей волюшки жаль.../ Ах, против воли отца/ За паренька-удальца/ Вышла я замуж-то... Мать/ Как не пускала меня»* [Хренов 1901: 118]. Та же тема может быть вложена в уста лирического героя – крестьянина, что тоже характерно для фольклора: *«С поневоли меня оженили, / Не по обычно мне жену взяли,/ Не по обычью, не по мыслям;/ Я не буду с ней в любви жить...»* [Шейн 1870: 254]. Пример мы обнаружим в стихотворении И.Е. Тарусина «Невзгода»: *«Думает крестьянин/ Думу сам с собою... Первое – с женою/ Дело не клеится:/ Делает, что хочет,/ Мужа не боится./ Не рачит о доме,/ Бросила трудиться,/ На уме лишь только -/ Как бы нарядиться...»* [Хренов 1901: 56]. В отличие от народных песен, в стихотворении, кроме нерадивой жены, изображается ряд других обстоятельств, которые заставляют героя кручиниться.

К группе семейных песен относятся песни, посвященные сиротству, которые тоже можно встретить в наследии «поэтов из народа». Эта тема становится главной в стихотворении Г.Е. Псалмова «В поле ветер шумит». Произведение характеризуется крайним трагизмом, в нем нет шуточных или эротических элементов, которые могли быть присущи текстам фольклора. При этом данные биографии автора не позволяют нам установить, был ли он сиротой. *«Сиротой век я жил,/ Красных дней не видел;/ Рок со мной пошутил:/ Долею обидел,/ Осудил горевать,/ По свету скитаться,/ Век с нуждой воевать,/ С радостью не знаться...»* [Хренов 1901: 138].

К группе семейных песен относится и любовная лирика, которая редко встречается в творчестве поэтов-самоучек». В стихотворении И.И. Морозова «Песня» общая любовная тематика раскрывается посредством характерного для народной традиции мотива «приворота» *«...знать, его приколдовала/ Ненавистница моя.../ Ох, не даром черный ворон/ Надо мною прокричал! -/ Милый видел и с тех пор он/ Откачнулся, одичал...»* [Васильев 1916: 206].

Другую группу песен формируют песни крестьян, покинувших деревню ради заработка. В фольклоре к ним относятся «бурлацкие», «ямщицкие» песни, их стоит отличать от аналогичных трудовых песен, так как они не были включены в процесс труда и передавали психологические переживания героя. В творчестве «суриковцев» их аналогом будут являться стихотворения, посвященные труду на фабриках и заводах, так как этот процесс тоже характеризуется переходом из одного социального статуса в другой, разрывом с деревней [Полянская 2008: 103].

При этом стихотворения «поэтов-самоучек» тяготеют к сюжетности и монологичной/диалогичной форме изложения, как и вся народная внеобрядовая лирика. Так, стихотворение С.Н. Кошкарлова «В мастерской сапожника» представляет собой монолог рабочего с диалогическими вплетениями в песенной куплетно-припевной форме, отражая все типичные мотивы, присущие песням «отходников»: мотив тяжести фабричного труда *«День целый здесь в душной каморке/ Я спину сгибаю свою...»*, надежды на возвращение в деревню *«Мне жить*

уж осталось немного,..Бог даст – я вернусь весною/ В деревню, в родные поля:/ Усталую грудью больною/ Как сладко дышать буду я!..»; есть в этом тексте и конкретная топографическая привязка *«Случилось вот как-то наместни,/ Зашел повидаться со мной,/Как я,—Ярославской губернии,—/ Савелий Захарыч, портной...»*, характерное противопоставление города и деревни *«Всю ночь мы с ним вспоминали/ Деревню... родное село.../ Как вместе с ним в Питер попали,/ Как было нам здесь тяжело!»* [Кошкарров 1914: 27-29].

Часто главной темой для поэтов в стихотворениях подобной тематики становится момент возвращения в деревню из города, что менее характерно для традиционных фольклорных форм. Примером могут послужить стихотворения И.А. Белоусова «На воле»: *«Я долго в столице и шумной и душной/ Душою томился и сердцем страдал/ О родине дедов, глухой деревеньке/ Я часто подолгу мечтал...»* [Хренов 1901: 127] и Фомина «Деревне»: *«От дыхания фабрик кабальных,/ От разгульного рока столиц,/ Я вернусь из скитаний печальных/ И склонюсь в покаянии ниц...»* [Фомин 1914: 32].

Итак, наиболее эксплуатируемым жанром для «поэтов-самоучек» была песня, позаимствованная ими из народной традиции. Песни суриковцев вобрали в себя вместе с жанром некоторые характерные черты фольклора. Например, функцию песен – сопровождение работы, часто она передавалась в форме припева, который прерывает основную повествовательную линию стихотворения: *«Пряха, пряди – не ленись,/ Тонкая пряжа, не рвись!»* [Хренов 1901: 118], *«Мы точаем... Починяем/ И подошву, и каблук.../ Гвозди тесно в ряд вбиваем:/ Тук-тук-тук...»* [Кошкарров 1914: 28].

Большинство тем стихотворений «поэтов из народа» являются художественной обработкой традиционных фольклорных тем, к ним относятся: тема крестьянского труда, несчастливой семейной жизни и пр. Особенно интересна модернизация песни «отходников» в творчестве суриковцев. В широком смысле, стихотворения, описывающие тяжелую жизнь рабочего на фабрике, могут быть вписаны в эту группу песен, так как воспроизводят основную идею и настроение «трудовой» песни.

Более эпизодично в произведениях «поэтов-самоучек» встречаются элементы обрядовой лирики (образы, характерные для похоронно-поминальных и свадебных причитаний), но при их использовании идея и общая цель стихотворения не соответствуют фольклорному аналогу.

«Поэты из народа», таким образом, воспроизводят наиболее яркие, присущие фольклорному тексту и народному сознанию, в целом, элементы. Не пытаясь стилизовать собственные тексты, они используют народные лирические произведения, подчиняя их собственным целям и поэтическим задачам.

Можно сделать вывод о том, что при общей природе народного творчества и творчества «суриковцев», художественный мир сопоставляемых явлений, как и их функции сильно разнятся. «Поэты из народа» лишь заимствуют необходимые темы, идеи, образы, подвергая их значительным изменениям, смещая акцент на социальное и событийное.

Доказательством близости этих явлений может послужить заимствование фольклором некоторых произведений «писателей из народа». «... Разоренов принес песню «Не брани меня, родная». Нашелся местный композитор, подобрал к словам музыку, и песня была исполнена в бенефисный спектакль... И до сих пор поют эту песню, если не в больших городах, то в селах и деревнях. Особенно любят петь ее девушки на вечеринках и посиделках, и не знают, кто автор этой песни, не знают и того, каким путем она проникла в народ» [Белоусов 1928: 22–23].

Таким образом, можно говорить о тесной связи и взаимодействии, которое сложилось между творчеством «суриковцев» и лирической фольклорной традицией.

Библиографический список

- Белоусов И. Литературная Москва. Писатели из народа. Писатели – народники. М.: Московское товарищество писателей, 1928. 152 с.
- Бруснянин В. Поэты-крестьяне Суриков и Дрожжин. М.: Д.И. Тихомирова, 1915. 80 с.
- Васильев В.В. Русские самородки. Ревель: Общественная жизнь, 1916. 222 с.
- Давыдов Д.М. Русская наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция, поэтика: дис. канд. фил. наук. Самара, 2004. 188 с.
- Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 557 с.
- Елтышев С. А., Королева С.Ю. «Надя, поплачь...»: заметки о современном бытовании похоронно-поминальных причитаний в Чердынском районе Пермского края// Дергачевские чтения. 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф. 2012. Т. 3. С. 70-80.
- Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Флинта, Наука, 1998. 392 с.
- Кошкаров С. Поэт-гуслир Ф.А. Кислов. М.: Суриковского Литературно-Музыкального Кружка в Москве, 1914. 14 с.
- Лебедев-Полянский, П.М., Орлов, А.С., Толстой, А.Н. История русской литературы в 10 томах. М.-Л.: Институт литературы АН СССР, 1941 – 1956. 6000 с.
- Поздеев В.А. Фольклор и литература в контексте "третьей культуры": дис. д-ра фил. наук. М., 2003. 424 с.
- Полянская Т.М. Поэзия и песни русских рабочих-отходников// Вестн. Вятск. гос. ун-та. 2008. № 1. Филология. журналистика. С. 103-106.
- Прокофьев В.Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительном искусстве). М.: Наука, 1983. 207 с.
- Рыкунина Ю.А. Первая мировая война в текстах писателей из народа // Новый филологический вестник. 2015. № 1. С. 32-45.
- Сазонова Е.А. Литературные объединения России конца XIX – начала XX века// Проблемы современной науки и образования. 2013. № 2. С. 69-73.
- Толстой Н.И. От А.Н. Веселовского до наших дней... (беглый обзор) // Живая старина. 1996. № 2. С. 5.
- Устав московского товарищеского кружка писателей из народа. М.: Университет. Типогр., 1904. 15 с.
- Фомин С. Песни радости и печали. М.: Суриковский Литературно-Музыкальный Кружок в Москве. 1914. 43 с.
- Хренов К.А. Поэты из народа. М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1901. 140 с.
- Шейн П.В. Русские народные песни. М.: Университетская типография на страстном бульваре, 1870. 725 с.

A.O. Cheranovskaiia

Student of Philological Faculty

Perm State University

**TYPES OF FOLKLORIC BORROWINGS IN THE WORKS OF “SURIKOV’S SOCIETY”
THE LAST THIRD OF THE 19TH.FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY**

The article presents the results of comparative analysis of the creative legacy of poets of the folk the last third of the 19th century and first third of the 20th century with the main types of folkloric texts. We examine the nature of mutual influence “Surikovs” and folklore. Also it characterizes the main genres of folklore, images, themes and motifs what peasant poets used. We put forward assumption of the goals and reasons for borrowings.

Key words: poets of the folk, peasant poets, Surikov’s society, folklore, folk songs, folkloric borrowings.

УДК 82'31

Екатерина Юрьевна Шлыкова

студент филологического факультета

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

ket-katz@mail.ru

Научный руководитель:

Борис Вадимович Кондаков

д-р. филол. наук, профессор

кафедры русской литературы (ПГНИУ)

ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В работе рассматриваются древнерусские истоки образов и сюжетов романа Е.Г. Водолазкина «Лавр». Исследуется проблема влияния древнерусской литературы на современную литературу, анализируются образы и сюжеты, формирующие связь произведения с системой литературных жанров Древней Руси; определяются художественные функции древнерусских образов и сюжетов в романе.

Ключевые слова: литературный образ, сюжет, древнерусская литература, жанр, неисторический роман.

Древнерусский литературный период в значительной степени повлиял на развитие русского литературного процесса. Современные писатели продолжают обращаться к литературным образам, сюжетам и традициям Древней Руси. Роман Е.Г. Водолазкина «Лавр» 2012 г. – яркий пример такого «обращения». Водолазкин является одновременно не только писателем, но и исследователем древнерусской литературы; его авторству принадлежат такие монографии, как «Всемирная история в литературе Древней Руси», «Монастырская культура: Восток и Запад» и «Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские».

В работе рассматривается воздействие древнерусских образов и сюжетов на современный роман Е.Г. Водолазкина «Лавр». Роман повествует о жизни древнерусского врача, все произведение окутывает дух эпохи XV века, и закономерным является то, что многие реальные древнерусские произведения находят в нем свое отражение. Предметом нашего рассмотрения является связь образов и сюжетов древнерусской литературы с современным романом «Лавр».

Древнерусские образы

Литературный образ – это форма отражения картины человеческой жизни. С их помощью автор воплощает идею произведения и раскрывает свое отношение к поступкам героев, обстоятельствам, конкретным явлениям или миру в целом. В романе «Лавр» можно встретить библейские образы (Адам, Ева, Авраам, Сарра), а также образы, отсылающие к конкретным текстам древнерусской литературы.

В романе «Лавр» библейских образов можно найти несколько: это упоминания об Адаме и Еве («До грехопадения звери были Адаму и Еве покорны» [Водолазкин 2017: 30].), Аврааме и Сарре («<...> за умирающим Арсением ухаживали иные. Возможно, Авраам и Сарра. Старики всегда за кем-то ухаживают» [Водолазкин 2017: 382].). Все они многократно упоминаются в древнерусской словесности, не являясь персонажами какого-то одного произведения. Образы Адама и Евы можно встретить в «Повести о Горе-Злосчасти», а образы Авраама и Сарры – в «Слове о законе и благодари митрополита Илариона», но первоисточником их всех является Библия. Самым ярким христианским образом выступает образ древнерусского юродивого. Его воздействие можно увидеть на примере нескольких персонажей романа: юродивых Карпа и Фомы, а также самого главного героя, который на время становится юродивым Устином. Образ юродивого можно обнаружить в следующих произведениях древнерусской литературы: Повести о Савве Грудцыне» (старый нищий, оплакивавший душу Саввы) или «Повести о путешествии Архиепископа Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» (человек, «получивший от бога благодать прозорливости» [Дмитриев 1987: 212] и оповестивший архимандрита монастыря о приближении Иоанна). Иногда этот образ упоминается в литературных источниках лишь вскользь, однако благодаря этим примерам становится ясно, что юродивый – это, по сути, нищий чудак, видящий намного больше, чем видят другие. Сам Водолазкин пишет в одной из своих статей, что юродство – не только чудачество и эксцентризм, а особый вид святости: «Юродство – это святость, которая не желает быть узнанной и надевает на себя маску нелепости» [Водолазкин 2014]. Подобно монашеству юродство является способом ухода от мира, общества и правил поведения в нем. Таким образом, путь главного героя «Лавра» проходит через все виды святости: служение в быту, юродство, паломничество и монашество.

В романе угадываются и иные образы, которые можно встретить в известных древнерусских литературных произведениях. Во время повествования о жизни Арсения после принятия имени Амвросий в сознании читателя невольно всплывает образ Сергия Радонежского – святого, характеризующего идеал служения Богу XV в., который, в отличие от идеальных образов XIV в., не связан с мученической смертью и не представляет княжеский чин; его служение Богу осуществляется через служение другим людям. Служение Сергия и служение Амвросия очень похожи. Они оба преданы своему делу, и любая работа оказывается им по душе. Вот как характеризуется Сергий Радонежский: «... Он без лености братии как купленный раб служил: и дрова для всех, как было сказано, колот, и толок зерно, и жерновами молот, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил» [Лихачев 1981: 323]. О служении Амвросия в романе сказано: «Через некоторое время печь накалялась докрасна. Она была такой горячей, что находиться рядом с ней было тяжело. А Амвросий готовил на ней братии пищу. Ставил и убирал горшки, подливал воды, подбрасывал дров» [Водолазкин 2017: 378]. Оба эти персонажа бережно относятся к природе, кормят зверей и птиц. В обоих произведениях внимание уделяется образу медведя, что не может быть случайностью:

«Был среди них один зверь, называемый аркуда, то есть медведь, и он всегда имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижины своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придет, как обычно, зверь, готовую себе нашел пищу; и он брал ее в пасть свою и уходил» [Лихачев 1981: 313]. В романе: «Овсяную кашу и репу обычно съедал медведь. Он никак не мог найти подходящей берлоги для сна, и это отравляло ему жизнь. Приходя к Лавру, медведь жаловался на морозы, отсутствие питания и свою общую неустроенность» [Водолазкин 2017: 412].

Образ главного персонажа романа Лавра является собирательным: он объединяет героев многих древнерусских агиографических произведений. Большую часть своего служения Богу он проходит не в монастыре, а в быту, в течение всего своего жизненного пути, исцеляя людей от болезней и духовных грехов. В этом его путь схож с судьбой Юлиании Лазоревской, героиней литературы XVII в., которая проходит свое служение в мирской жизни.

Есть и еще один образ, который легко узнается в романе Водолазкина. Это образ Владимира Мономаха. Черты этого древнерусского человека проявляются в образе не только Арсения, но и его деда Христофора, а также некоторых других персонажей произведения. В его поучении есть любопытное рассуждение о смерти: «Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога поведено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело – остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого» [Дмитриев 1987: 68]. Подобное отношение к смерти типично для древнерусского человека, что-то схожее всегда можно найти в воинской повести тех времен: князья и их воины отдают свою жизнь на волю Божию. И хотя в романе не изображаются войны, такое отношение к жизни и смерти формирует духовную атмосферу Древней Руси: «Христофор, его дед, остался в монастыре. На следующий день завершался седьмой десяток его лет, и он решил спросить у старца Никандра, как ему быть дальше. В принципе, ответил старец, мне нечего тебе сказать. Разве что: живи, друже, поближе к кладбищу. Ты такой дылда, что нести тебя туда будет тяжело. И вообще: живи один» [Водолазкин 2017: 14]. Вполне спокойно люди относились к подобным словам врача: «Мог сказать лишь: тело твое тебе еще послужит. Или: тело твое пришло в негодность, готовься его оставить; знай, что оболочка сия несовершенна» [Водолазкин 2017: 9]. На своем долгом и нелегком пути Арсений не раз смиренно прощался с собственной жизнью. Напутствие Мономаха звучит лейтмотивом всего произведения.

Древнерусские образы были использованы Водолазкиным для создания либо самого главного героя, либо древнерусской действительности. Все они в той или иной мере связаны с религиозной культурой и воссозданы для главной цели автора, о которой он сам упоминает на обратной стороне обложки своей книги: «Есть то, о чем легче говорить в древнерусском контексте. Например, о Боге. Мне кажется, связи с Ним раньше были прямее». Разговор с читателем о Боге – основная цель автора.

Древнерусские образы оказываются лишь помощниками в реализации вспомогательных задач, т.е. формировании древнерусского контекста и иллюстрации связей человека с Богом.

Древнерусские сюжеты

В романе Водолазкина можно встретить несколько сюжетов, характерных для древнерусской литературы. В произведении имеется такой эпизод: когда Арсений и его спутник Амброджо только начинают свое путешествие в Святую землю, они прибывают в город Себеж княжества Литовского и решают остановиться на ночь в корчме. Ночью жена корчмаря приходит к Арсению и пробует склонить его к близости за плату, однако у нее ничего не выходит. Она зовет мужа и пытается оклеветать Арсения, но до открытого конфликта дело не доходит, т.к. Арсений все же отдает ей деньги (которые впоследствии были ею возвращены). Подобный сюжет об отвергнутой неверной жене присутствует в «Повести о Савве Грудцыне». Конечно, судьба персонажа Саввы была несколько иной, однако сходство с эпизодом романа очевидно: «И едва лишь добродетельный муж Бажен Второй крепко заснул, жена его, подстрекаемая дьяволом, поднялась тайно со своего ложа и, подойдя к постели юноши, разбудила его, побуждая к скверне греха любовного. <...> А она, еще больше распалившись ненасытной похотью, все сильнее понуждала его и ласками и угрозами, чтобы исполнил он желание ее. Но, много потрудившись в уговорах, не могла она склонить его к желанию своему, ибо божественная некая сила помогала ему. И, убедившись в том, что не может привлечь к себе юношу, внезапно воспылала лукавая жена к юноше страшной яростью» [Дмитриев 1987: 330-331]. Обе женщины после яростны в своих решениях, одна готовит зелье, а вторая поднимает своего мужа на «защиту». В древнерусском произведении этот сюжет иллюстрирует грех, оставшийся на плечах неверной женщины, а в романе Водолазкина этот грех как бы «отпускается» главным персонажем. На протяжении всего своего «хождения» Арсений аналогичным образом «спасает» людей, принимая их грехи на себя и тем самым искупая свой собственный грех.

Во время путешествия путники два раза встречаются с разбойниками. Вторая встреча происходит почти в самом конце пути. Нанятые для охраны путешественников арабы требуют прибавки к уже выплаченному жалованию, мотивируя это тем, что увидели отряд мамлюков. Один из арабов вызывается поехать вперед и разведать дорогу, а возвращается назад уже вместе с отрядом разбойников, которые грабят путешественников. Сюжет с подобным обманом путников можно найти в «Хождении за три моря Афанасия Никитина». Точно таким же образом татары сказали мореплавателям о засаде султана Касима, путешественники заплатили им за обходной путь, а те, взяв плату, подали татарам весть об их приближении. В итоге некоторые путешественники оказались убиты, судно разграблено, пропала вся «поклажа» Никитина. И чудом выживший Арсений, и Афанасий Никитин оказываются без средств к существованию.

Следующий сюжет, о котором пойдет речь – сюжет об исцелении человека от беса. Он присутствует, например, в «Житии Сергия Радонежского»; аналогичный появляется в романе во время повествования о жизни Арсения после принятия схимы, когда он получает имя «Лавр». Несколько людей приводят одержимого бесом

мужчину, а святой его исцеляет. Описания одержимых очень похожи. В житии он описывается так: «Этот самый вельможа от беса мучался жестоко, непрестанно, днем и ночью, так что он даже железные путы разрывал. И ничем не могли его удержать, даже десять или более мужчин крепких; потому что одних он руками бил, других же зубами кусал. <...> Такой он рев издавал, как будто сейчас лопнет, так что и в монастыре вопль и крик был слышен» [Лихачев 1981: 363]. В романе он описывается примерно так же: «(Однажды) к Лавру привели раба Божьего Николая, связанного цепями. Вели его десять человек, потому что меньшее количество было не в состоянии сдерживать его и управлять его движением. Николай был невысок, но неистовую силу ему давали вселившиеся в него бесы. Облик его был страшен. Николай рычал и выл, и грыз свои цепи, обнажая обломанные о железо зубы. На губах его вскипала кровавая пена. Он дико закатывал глаза, так что видны были одни лишь белки. На висках его и на шее вздувались синие кровяные жилы» [Водолазкин 2017: 413-414]. Очевидцы также говорили, что он «кричал криком, превышающим по своей силе человеческие возможности» [Водолазкин 2017: 415]. Все эти сюжеты являются испытаниями для святого, без которых тот не может прийти к святости.

Жанровые особенности романа и его связь с древнерусской системой жанров

Сам автор называет свой роман «*неисторическим*», противопоставляя его «историческому» жанру, т.к. «писатели современности в своих произведениях осмысливают настоящее через призму прошлого» [Носкин, 2016]. Согласно древнерусской жанровой системе его нельзя отнести к какому-то определенному жанру, но оно все-таки несет в себе некоторые жанровые характеристики системы того времени. В романе описывается Древняя Русь, однако и главный герой, и другие персонажи произведения выдуманы, в результате чего понятие «исторического романа» оказывается в данном случае действительно не применимым, это, скорее, роман *об историческом прошлом*, т.е. некий инвариант исторического романа. Такой вывод подтверждает смешение древнерусского языка с современным, или, например, описание неожиданных «современных» предметов (пластиковая бутылка, появившаяся из-под снега в XV в.).

Как уже упоминалось, писатель повествует о жизни древнерусского врача. Судьба этого человека не проста, автор показывает его путь от начала и до конца. Больше всего это напоминает **жанр жития**. Так же, как и в житии, в романе раскрыта история становления Духа Святого: повествование начинается с описания детства и приходит к своему логическому заключению – смерти святого и описанию его «захоронения». В житии всегда описываются чудеса, исходящие от святого. Это же мы наблюдаем и в произведении Водолазкина. Еще маленьким мальчиком Арсений мог видеть то, что не всегда видели другие: «*Что убо плачеш, спросил мальчика Христофор. Зрю на нем знамение смертно, ответил мальчик*» [Водолазкин 2017: 26]. У Лавра определенно были врожденные способности к исцелению: «*Он клал руку на лоб больного. Или касался его раны. Многие верили, что прикосновение его руки исцеляет. Прозвище Рукинец, полученное им по месту рождения, получало таким образом дополнительное обоснование*» [Водолазкин 2017: 9]. Чудеса продолжают и после его смерти: «*Тело Лавра продолжает лежать под сосной у входа в пещеру. Оно*

не содержит следов тления, но охраняющие его начеку. Каждый час они подходят к телу и вдыхают исходящий от него запах. Их ноздри трепещут от усердия, но улавливают лишь аромат травы и сосновых шишек» [Водолазкин 2017: 438]. Однако классическим житием это произведение назвать нельзя.

В романе присутствует множество бытовых зарисовок, что характерно больше для **бытовой повести** XVII в., встречаются предания и притчи, а также есть множество эпизодов **хождения** (путешествие Арсения и Амброджо в Святую землю) и даже **поучения** (наставления Христофора внуку) – все это не характерно для какого-то одного жанра древнерусской жанровой системы. Но все древнерусские жанры органично вплетаются в повествование современного романа.

Однако в рамках художественного целого романа Е.Г. Водолазкина, главной целью которого, по словам самого писателя, оказывается совместное размышление автора и читателя о Боге, основным объединяющим древнерусским жанром становится **проповедь**, свободная форма которой позволяет объединить бытовое и сакральное, закономерное и случайное, связать разные исторические эпохи. Используя древнерусские литературные традиции, обращаясь к поэтике разных жанров, образам и сюжетам, писатель создает сложное художественное целое современного романа.

Библиографический список

Водолазкин Е.Г. Лавр: роман / Евгений Водолазкин. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 440 с.

Водолазкин Е.Г. О юродстве. Заметки на полях романа «Лавр», 2014 // URL: http://evgenyvodolazkin.ru/92_o-yurodstve-zametki-na-polyax-romana-lavr/. (дата обращения: 5.09.2018).

Изборник: Повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко; вступит. статья Д. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1987. 447 с.

Носкин Алексей, Водолазкин: современные авторы пишут «неисторические» романы, 2016 // URL: <http://news2world.net/novosti-kultury/vodolazkin-sovremennye-avtori-pishut-neistoricheskie-romani.html> (дата обращения: 5.09.2018).

Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / вступ. статья Д.С. Лихачева; сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1981. 606 с.

E.Y. Shlykova

Student of Philological Faculty

Perm State University

IMAGES AND PLOTS OF THE OLD RUSSIAN LITERATURE IN THE ROMAN «LAUREL» BY E.G. VODOLAZKIN

In the scientific article we have a deal with the ancient Russian origins of the images and plots of the novel by E.G. Vodolazkin "Laurel". The issue of the influence of Old Russian literature on contemporary literature is explored, the images and plots that form the connection between the novel and the system of literary genres of Ancient Rus are analyzed; the artistic functions of Old Russian images and plots in the novel are determined.

Keywords: literary image, plot, Old Russian literature, genre, unhistorical roman.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

Астафьева Е.Б. Межличностные отношения в малой социальной группе, отраженные в дискурсе.....	3
Десяткова К.Д. Анекдот как жанр прецедентного текста.....	9
Исакова А.М. Языковая игра как механизм создания анекдота.....	15
Осипович Ю.В. Понятие «бытие» в языковом сознании филологов.....	20
Руденко Е.С. Признаки категоризации в языковом сознании студентов: динамический аспект.....	25

СТИЛИСТИКА, ДИСКУРС, ТЕКСТ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Иунина С.А. Содержание и приемы изучения раздела «словообразование» в школе	31
Лиханова У.Л. Жанрово-стилевые особенности официально-деловых документов.....	37
Лобашева А.А. Использование технологии web-квест в учебном процессе	42
Никонова О.В. Гендерные стереотипы через призму традиционной русской паремиологии.....	46
Свистак В.В. Речевые стратегии и тактики в телепрограмме «Вечер с Владимиром Соловьевым» (к вопросу о кажимости в политическом медиадискурсе).....	52
Ужегова Е.Н. Обучение стилистике на уроках русского языка и литературы как необходимая составляющая формирования коммуникативной компетенции учащихся.....	58
Хмелева К.Р. Художественная концепция и способы ее языкового воплощения в поэме И.Ф. Богдановича «Душенька».....	65

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Бисерова А.В. Негативные аспекты использования стикеров в социальной сети «ВКонтакте»...70	70
Кузьменко М.А. Применение конечных автоматов для формального описания речевого жанра	75
Лебедева М.С. Дефиниция понятий скрытой и нативной рекламы. Приемы скрытой рекламы: на материале российского кино	80
Русских Е.Г. Медиаинформирование о работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья: поиск эффективных подходов.....	86
Сарманова Е.Р. Информационно-коммуникативные группы районов Пермского края «ВКонтакте»: портрет аудитории и администраторов.....	90
Хайдарова Р.Ш. Рекламный контент пермских районных газет: профессионально-этический аспект.....	94
Шипулина М.П. Журналисты районных газет Пермского края о работе редакции: социологический подход.....	100

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР

Вьюжанина О.Д. Принципы наименования агентств недвижимости г. Перми.....	104
Пешина К.С. Случайный признак или народная этимология? Об одной из групп топонимических преданий Пермского края.....	107
Сазина Д.А. Ономаσιологический портрет мухи.....	113
Шевченко Е.С. Фольклорная сказка «Мальчик и ведьма»: юрлинские варианты сюжета	120

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Балахнина А.Н. Эволюция лирического героя в творчестве Александра Вавилова	125
Буланкин Д.А. Тема безумия в новеллистике В.Я. Брюсова.....	131
Гаранина Е.С. Организация пространства в романе Б. Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов»	135
Гогунова Л.А. Пародии на поэму М.Ю. Лермонтова «Демон» конца XIX – первой половины XX в.....	140
Гринкевич М.С. Идеальный мир советской научной фантастики 1920 – 1930-х гг.: генезис и эволюция	144
Павлова А.В. Деформация представлений о вампиризме в русской литературе XIX в. (на примере произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.К. Толстого).....	149
Спирина Е.С. Мир сказок Светланы Володиной.....	155
Филимонова В.А. Женские образы в «византийских» легендах Н.С. Лескова	159
Хакимов А.Р. Экфрасис в романе Анатолия Королева «Быть Босхом»	165
Черановская А.О. Типы фольклорных заимствований в творчестве поэтов «суриковского кружка» последней трети XIX – начала XX в.	171
Шлыкова Е.Ю. Образы и сюжеты древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр»	178

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Материалы конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, апрель 2018 г.)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов:
А. О. Черановская, Е. С. Руденко

Подписано к использованию 12.11.2018
Объем данных 1,5 Мб.

Размещено в открытом доступе
на сайте **www.psu.ru**
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

